

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

Директор-главный редактор
государственного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»
Иван ЩЁЛОКОВ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Редколлегия:

АКАТКИН В.М.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГОНЧАРОВ Ю.Д.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ИСАЕВ Е.А.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НИКУЛИН С.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
ОБРАЗЦОВ И.Д.
ПОПОВ Г.А.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2010

10

**ПЕРЕД ЛИЦОМ
ИСТОРИИ**

Виктор ПЕТРОВ, глава администрации
Новохопёрского муниципального района
Воронежской области. **На чем стоит Новохопёрск** .. 5

ПРОЗА

Наталья МОЛОВЦЕВА. **Любовь по бабушкиному рецепту**. Повесть и рассказы 9
Виктор БЕЛОВ. **Когда отцвела липа**. Рассказы 54
Николай ЗОТОВ. **Зоопарк. Зубок**. Рассказы 80
Светлана ЕРЕМЕЕВА. **Мальчик и мечта**. Рассказы ... 104

ПОЭЗИЯ

Михаил ТИМОШЕЧКИН. **Лишь бы только Родина жила**. Стихи 49
Светлана РУДЕНЧЕНКО. **Я слышу вечность в каждом звуке**. Стихи 76
Владимир ЕВТУХОВ. **Чтоб обрести себя**. Стихи 101
Сергей УСОВ. **Я тебя никогда не предаю**. Стихи .. 115
Ольга ПОМЕРАНСКАЯ. **Среди вселенской пустоты**. Стихи 143
Николай КОПЫТИН. **Все это в сердце у меня**. Стихи .. 157
Николай ВОСТРИКОВ. **Время ответов еще не пришло**. Стихи 170
Константин ФРОЛОВ. **Не последние мы и не первые...** Стихи 186
Александр САМОХИН. **Короткое счастье**. Стихи ... 199

**ДУХОВНОЕ
ПОЛЕ**

Светлана АБРИКОСОВА. **Здесь ни души. И всё — душа** 118

**ПИСАТЕЛЬ
И ВРЕМЯ**

Николай КИЗИМЕНКО. **Надо ли помнить!**
(Роман Виктора Кина «По ту сторону») 123
Виктор КИН. **Мой отъезд на польский фронт. Фельетоны** 130

СУДЬБЫ

Валентина РЫЖОВА. **«Вам оставляю свою любовь...»**. (Однополчанин Виктора Астафьева) .. 146

**ИССЛЕДОВАНИЯ
И ПУБЛИКАЦИИ**

Генрих СИЛАНОВ. **Память Поля**. (Новохопёрский феномен) 159

**МЕЖДУ ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ**

Григорий АНЧУКОВ. **Хопёр — край казачий. Боевые паруса Новохопёрска**. (Записки краеведа) ... 173
Русские фрегаты. (Донесения адмирала Сенявина Императрице) 179

**ПОИСКИ
И НАХОДКИ**

Ольга ЛЮТИКОВА. **Живая вода от Раевских** 189
Нина ЛИСТОПАДОВА. **Всего три лета**.
(Сергей Рахманинов в селе Красном) 194

**ДАЛЕКОЕ-
БЛИЗКОЕ**

Елена ПЕЧЕНЮК. **От Большой Глушицы до Крутого Яра**. (Хопёрский природный заповедник) .. 204

**Река
в зеленом поле**

*Специальный
выпуск*

Вид Новохопёрска
Фото Г. Копытина

Виктор Петров,
*глава администрации
Новохопёрского
муниципального района*

НА ЧЕМ СТОИТ НОВОХОПЁРСК

У города, как и у человека, есть основы. Те, которые помогают ему стоять на этой земле. Бывают основы временные — скорее, опоры или даже подпорки. Они появляются в определенный момент, в определенных условиях. Но проходит момент, меняются условия, и ветшают временные опоры, распадаются в пыль — так что вскоре о них никто и не вспоминает. А бывают основы — если уж не вечные, то очень долгие и крепкие, такие, которым не страшны ни годы, ни испытания. Так вот, как о человеке судят не по его падениям, а по вершинам, так и о Новохопёрске в канун 300-летия со времени его основания хочется размышлять и говорить, имея в виду те его основания, которые не просто три века держат город, но проходят через сердца его жителей, определяя их характер и место в жизни.

Итак, на чем же стоит Новохопёрск?

ГЕОГРАФИЧЕСКИ — на реке Хопёр. По поводу названия реки существует несколько разных точек зрения, но полное единодушие царит во мнении, что Хопёр — бесценный дар природы. Мало какая другая река может соперничать с Хопром по чистоте и красоте. Хопёр, выражаясь языком специалистов, «незарегулированный гидротехническими сооружениями», свободно и мощно течет по прекрасной долине, принимая в себя воды животворных источников-родников, способствуя жизнедеятельности богатейших флоры и фауны. И не могла не появиться здесь жемчужина русской природы — Хопёрский государственный заповедник, который, начиная с 1935 года и по наши дни, занимается сохранением и изучением естественного хода природных процессов и явлений.

Много рек в окрестностях Новохопёрска — Савала, Елань, Татарка, но ни одна из них так не снимет усталость и не обновит силы, как Хопёр. И не потому, что он — «старший», а потому — в нем воля и мощь. И эта

воля, и эта мощь необыкновенно притягательны. Местные жители знают это, и Хопёр от рождения и навсегда — часть их жизни. Ну а из приезжих — кто хоть раз побывал на Хопре, будет всеми силами стремиться к нему снова и снова.

Много известных людей отдыхало на берегах Хопра. Неподалеку от Новохопёрска, в имении Плаутино, бывал художник Кузьма Петров-Водкин и даже написал здесь несколько картин, а писатель Андрей Платонов сделал Новохопёрск «действующим лицом» романа «Чевенгур». Бывал в наших краях и великий композитор Сергей Васильевич Рахманинов. И он не просто подкреплял здесь здоровье и набирался сил, но и работал над своим всемирно знаменитым Вторым концертом для фортепиано с оркестром. Звуки этого концерта часто звучат по радио и телевидению во время трансляции репортажей о торжественных событиях из жизни нашей Родины. Но тот, кто бывал на Хопре, легко различает в гениальной музыке ту самую вольную мощь нашей реки, ощущает великую вдохновляющую силу наших родных мест.

С древних времен Хопёр, как магнит, притягивал к себе людей, они обживались здесь, трудились, строили семьи и дома, основывали города, в том числе и Новохопёрск. Так география ложилась в ИСТОРИЧЕСКУЮ основу Новохопёрска.

В глубь веков уходит эта основа. Многочисленные археологические экспедиции и раскопки на территории, прилегающей к Новохопёрску, обнаружили стоянки людей периодов мезолита, неолита, энеолита, а это — каменный и медный века, находили свидетельства жизни людей эпохи бронзы и средневековья. В начале XVII века заселились берега Хопра разного рода промышленниками — бортниками, звероловами, рыболовами. Потянулась сюда и казачья вольница, и потому жители Новохопёрска именно казаков считают своими историческими предками, а сам город гордо именуется казачьим. А еще гордятся новохопёрцы тем, что стал их город одной из колыбелей регулярного флота России, что история Новохопёрской верфи, где строились первые боевые корабли, связана с великими именами адмирала Алексея Наумовича Сенявина, создателя знаменитой Азовской флотилии, адмирала Федора Федоровича Ушакова, который еще в начале своего славного пути в качестве офицера участвовал в проводке двух фрегатов из Новохопёрска к Азову, а затем в победных битвах отстаивал честь и независимость Российского государства. Наследниками славы русского оружия стали тысячи горожан, положивших свои жизни на полях военных сражений, и те тринадцать Героев Советского Союза, которые увековечены в бронзе на городской Аллее Славы.

Причастность маленького городка к большой истории, к великим делам и событиям не могла не наложить отпечаток на нравы его жителей. Так в чем же она — ПРАВСТВЕННАЯ основа нашего города? Она — в труде. Нельзя было без труда выловить рыбку из Хопра, нельзя было без труда воспользоваться преимуществами богатейшей природы. Нельзя было без труда небольшую казачью крепость превратить в город с соответствующей инфраструктурой, многие элементы которой со временем обрели особый статус памятников истории и архитектуры. Прежние сословия — дворянство, купечество, мастеровой люд, и нынешние жители Новохопёрска — это все люди одной крови: энергичной, стремительной, созидательной. Именно это позволяет и в наше непростое время Новохопёрску развиваться, преобразаться, благоустраиваться. Новохопёрск

сохранил почти все свои градообразующие предприятия, их продукция известна и пользуется спросом далеко за его пределами. В настоящее время значительные средства вкладываются в модернизацию таких предприятий, как завод растительных масел, маслодельный завод «Новохопёрский» и других, развивается малый и средний бизнес. Благодаря поддержке руководства Воронежской области, солидный поток инвестиций пришел в социальную сферу. Город полностью газифицирован. Введены в строй новая современная поликлиника и физкультурно-оздоровительный комплекс, в настоящее время полным ходом идет реконструкция городского стадиона, где спортсменов и болельщиков ждут футбольное поле с искусственным покрытием, рекортановые дорожки, удобные вместительные трибуны. К юбилею города проделана огромная работа по реконструкции исторического центра — его теперь просто не узнать. В ближайшей перспективе — строительство бассейна и завершение строительства стационарного отделения районной больницы. И это только самые масштабные наши проекты, не говоря о планомерной работе по благоустройству школ и детских садов, улиц и жилых микрорайонов.

Приятно отметить, что в последнее время в жизни города активнее начинает проявляться народная инициатива, когда население самостоятельно объединяется для решения каких-либо социальных задач. Благодаря такой инициативе обустраиваются детские площадки, ремонтируются многоквартирные дома, разбиваются клумбы. Наша задача — общими усилиями власти и населения создать в Новохопёрске привлекательную современную инфраструктуру, которая бы позволила здесь комфортно жить и работать, учить и развивать детей, получать качественные медицинские и другие услуги. Всего этого, повторю, мы сможем достичь только трудом каждого горожанина на своем поприще. И сегодня многие новохопёрцы добиваются серьезных профессиональных успехов, способствуя социально-экономическому развитию района и благосостоянию своих семей. Посмотрите, какие дома строят себе жители города на новых улицах — красивые, большие, удобные, сколько труда вкладывают в благоустройство приусадебных территорий. Пройдя по городу, вы редко найдете праздного человека. А если увидите, что группа добрых соседшек собралась на скамейке, то не думайте, что они заняты лишь обсуждением последних новостей. Здесь тоже кипит работа, здесь проворные спицы в ловких руках создают замечательные изделия — новохопёрские пуховые платки. В городе Урюпинске есть памятник козе. А вот в Новохопёрске, я думаю, надо бы поставить памятник вязальщице, ведь наши новохопёрские женщины, бабушки, девчонки, передавая из поколения в поколение секреты мастерства, сумели сохранить уникальный народный промысел, при этом далеко не все из них были и являются домохозяйками, многие успешно учатся и работают.

Наверное, одно из главных предназначений человека на земле — реализовать на общее благо таланты, данные от рождения. Так вот, благодаря трудолюбию, новохопёрцы свои таланты раскрывают в полной мере. А то, что жители нашего города необыкновенно талантливы, я в данном случае не буду доказывать перечислением их званий, наград, регалий, которыми они отмечены на самых высоких уровнях, проявляя себя в самых разных сферах деятельности, я просто предложу внимательно прочесть этот выпуск журнала «Подъём». Посмотрите, как талантливы наши поэты и прозаики! Я счастлив, что при участии администрации района большинству из них удалось издать сборники своих произведений, и до-

вольно большой круг читателей получил возможность познакомиться с самобытным творчеством авторов, которым давно уже тесно в рамках скромного слова «местные». Вслушайтесь в их чувства, в размышления, в тот язык, на котором они говорят с нами, и вы увидите, что здесь всё — и боль, и тишина сердечная, и свет, и высота, и любовь, побеждающая всякое зло.

Где же, по каким крупицам смогли эти люди, которые и литературой-то занимаются в основном «без отрыва от производства», собрать такое внутреннее богатство? Да здесь же, на своей родной земле. В лицах и судьбах своих земляков, в их радостях и печалях, в звуках и красках любимого города. В том, что невозможно объяснить словами, что составляет еще одну основу нашего города — ДУХОВНУЮ. Основа эта — главная. Ведь стоит Новохопёрск 300 лет на земле еще и молитвами праведников, которые жили и бывали здесь. А среди них — святой Феодор Ушаков, не только упоминаемый нами адмирал, но и великий подвижник Православной веры. И среди них — святой Оптинский старец Иларион, в миру — Родион Никитич Пономарев, который родился в Новохопёрском уезде и в течение нескольких лет жил в Новохопёрске. Считается, что по его молитвам даже в годы страшных гонений не переставало биться сердце Новохопёрска — Воскресенский храм, куда в год 300-летия города преподобный старец вернулся частицей своих святых мощей. В этом же храме подвизались и духовные чада святого старца Севастиана Карагандинского. А разве не знак милости Божией явление над Новохопёрском в начале прошлого века иконы Божией Матери? А родник, который вдруг забил на этом месте? Два года назад силами верующих горожан над ним был построен колодец, возведена часовня в честь иконы Божией Матери «Животный источник», благоустроена прилегающая территория.

Так вот, если люди, невзирая на проблемность и многозаботливость нашей жизни, не забывают о святом источнике в лесу, если они берутся за восстановление разрушенных храмов, если в сорокаградусную жару совершают по городу крестные ходы, значит это живой город и живые люди — живые не только плотью, но и душой. И этим людям, жителям Новохопёрска и всем, кому он дорог и от кого неотделим никакими расстояниями, я хочу пожелать, чтобы те основы, на которых стоит наш город — наша земля, наша история, наши традиции и наша вера, укрепляли наш дух, поддерживали силы, вселяли надежду. Я желаю, чтобы эта дата — 300-летие основания Новохопёрска — стала отправной точкой для новых добрых начинаний и свершений. Я надеюсь, что те страницы истории Новохопёрска, которые напишем мы с вами, будут интересны нашим потомкам.

Наталья Николаевна Моловцева родилась в селе Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Обозреватель новохопёрской районной газеты «Вести». Публиковалась в центральных и региональных журналах, коллективных сборниках. Автор книги рассказов «Меня окликни». Член Союза писателей России. Живет в Новохопёрске.

Наталья Моловцева

ЛЮБОВЬ ПО БАБУШКИНОМУ РЕЦЕПТУ

Повесть и рассказы

И праздник удался! Еще вчера Люся сильно сомневалась в том, что все так и будет. Это же только подумать: летела на самолете, ехала на поезде — полстраны пересекла, а зашла в дом — никого, пусто и тихо.

Пусто? Но ведь она вошла. Значит, дом был кем-то открыт...

И тут байковое одеяло на диване зашевелилось, и из-под него показалась заросшая давней щетиной физиономия. Люся сочла необходимым ее поприветствовать:

— Здравствуйте! Саш, это... ты?

— А то кто же!

Небритая физиономия расплылась в странной, нетвердой какой-то улыбке.

— Здорово, Люсь! Проходи. Мать скоро придет.

«Он что — пьет?» — спросила она себя, уже зная ответ.

Стало вдруг грустно и неудобно. Может, зря она пустилась в эту поездку? За те... сколько — десятков? — лет, что она не была в Ивановке, многое здесь, наверно, изменилось. Двоюродный брат стал взрослым мужиком. Да еще, кажется, и пьяницей...

А тетя Мариша? Она — все та же хохотушка и песенница, или...

— Саш, ты принесешь мне ведро воды? И тряпку.

Пол к ее приезду тетя Мариша, конечно, помыла, но освежить не помешает. Такая у нее с годами выработалась привычка: как что не так — начинает убирать окружающее пространство. Сейчас это — дом тети Мариши: две комнаты — передняя и кухня, сени, крыльцо.

Она уже домывала крыльцо, когда в проулке раздался голос:

— Вот это гости! С такими гостями не пропадешь!

По крайней мере, голос у тети Мариши был прежний...

Праздник был — тети Маришин юбилей.

Компания собралась небольшая: сама именинница с сыном и две ее племянницы, а ее, Люси, двоюродные сестры, Валя и Вера. Все — здешние, только она далекая гостья.

Далекая гостья постаралась, привезла с балтийских берегов балтийской же рыбки, всяких колбас-сыров, коньяк «Старый Кенигсберг». Наварили картошки, нажарили окорочков...

Люся собралась произнести приличествующий случаю тост, но именинница протестующе замахала руками:

— Христа ради! Не поминайте ни словом! Ну их, эти года...

И тогда они просто выпили. И закусили. А после второй неожиданно дружно грянули песню:

Домик окнами в са-а-д,
Где ждала меня ма-а-ма...

Кто-то погрузтел, у кого-то сразу полились слезы, кто-то пел и сквозь слезы улыбался...

Люся вспомнила городские — чопорные, с непременными речами — застолья и обрадовалась тому, что не надо напрягаться: сиди да пой, сиди да... вспоминай.

Она прожила в Ивановке до одиннадцати лет. И все эти годы знала, что у нее есть *мама* и *мамочка*. Мама жила с ней, а мамочка — далеко, так далеко, что приезжала только один раз в году, в отпуск. Она приезжала — и мир сразу становился другим: солнышко на улице начинало светить ярче, а в доме становилось уютней. Каждая вещь, тронутая мамочкиной рукой, оживала, начинала дышать — с ней хотелось разговаривать.

Даже надоедную работу — прополку картошки — делать было интересней. Мамочка, управляясь с травой, о чем-то спрашивала, что-то рассказывала; говор у нее был уже не деревенский — городской, и речь ее лилась, как родниковая вода в подставленный под струю желобок: «До Москвы еду — все, что оставила дома, вспоминаю. А после Москвы все думы о вас: как вы, что вы»... Мама деревенским голосом спрашивала: «Ты, поди-ка, и полоть разучилась?», на что мамочка журчала в ответ: «Вот уж чего нельзя забыть — так это как полоть картошку». И потом еще дожурчивала:

— Мам, а просо ты уже не сеешь?

— Какое просо — пшена теперь в магазине полно.

Так они говорили, и шли по саду дальше, и она, Люся, следом, не замечая ни времени, ни колючего осота, ни бесконечных картофельных рядков...

Люся хоть и маленькая была, но понимала: праздники длятся недол-

го. Основная жизнь проходит в буднях. Они настанут, как только уедет мамочка.

Но будни ей тоже нравились. Потому что она оставалась с мамой. Она понимала, конечно, тоже, что мама — это на самом деле бабушка, но звать ее бабушкой не могла и не хотела, не видя в этом ничего обидного для мамочки, рассуждая так: бабушка — это мама, а мамочка — это МАМОЧКА...

Мама-бабушка постоянно была в работе, и хотя разговорами их уже никто не развлекал, молчать им тоже было хорошо. Однажды, когда бабушка чистила картошку, а она, маленькая Люся, укладывала рядом спать тряпичную куклу, в дом зашла Люся большая (так звали их в родне, чтобы не путать):

— Пойдем к нам, твой отец приехал.

Люся большая была младшей дочкой другой бабушки Люси маленькой, той, которую она звала просто бабушкой.

Рука бабушки-мамы замерла над блюдом с картошкой. Помолчав, она сказала твердо:

— Нет.

Люся испугалась: она никогда не видела отца; неужели мама...

— Сначала я ее помою, соберу, а потом пойдет.

— ...Люсь, а наши концерты помнишь?

Спрашивала Валя — Эльвира Солнцева...

Еще бы ей не помнить тех концертов!..

Мамочка забрала ее к себе, когда она должна была идти в четвертый класс. Мамочкин город назывался Калининград. Мамочкина квартира была — комната в коммуналке. По утрам соседи, собираясь на кухне, говорили друг другу «Доброе утро». Сказали и ей. В первый раз она ответила так: «Спасибо», и соседи почему-то переглянулись, а мамочка потом объяснила ей:

— В ответ надо тоже говорить «Доброе утро». Это вместо «Здравствуйте».

И она стала так говорить. Еще стала привыкать ходить в праздничной одежде. А что, разве не в праздничной, если нигде ни заплатачки, если всегда наутюжена (утюг у мамочки был не тяжелый, с углями, а легкий и светлый, и горячий без всяких угольков), если на ногах не валенки, а цветные кожаные сапожки...

И все-таки ночами ей снилось бабушкино село: то летнее, пахнущее травой и цветами, то зимнее, когда дома до окон заметены снегом. Мамочке она об этом не говорила, чтобы ее не расстраивать. Так прошла осень, зима...

А весной (у нее как раз были каникулы) в гости приехала мама-бабушка! Да не одна, а с девчонками, ее двоюродными сестрами Валею и Верой, дочками мамочкиного брата и мамочкиной сестры. Радости было! Девчонкам купили резиновые сапоги; новые, они блестящие так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. И когда она представила, как Валя и Вера будут ходить в них по деревенским лужам...

Мама-бабушка ее состояние тотчас заметила:

— Ты чего? Не расстраивай мамочку. И сама не горюй — летом приедешь.

И она тоже стала ездить в Ивановку, как мамочка — раз в году. Готовиться к поездкам они начинали сразу после Нового года. Закупали по-

дарки. Например: бабушке — теплую кофту или платок, тете Марише, самой младшей мамочкиной сестре, еще незамужней — цветастый халат, а Вале и Вере по полосатому шарфику.

И каждый их приезд начинался с вручения подарков. Бабушка принимала свой, лучась всеми морщинками и враз засиявшими глазами: о-о-о, теперь не замерзну... Пересмешница тетя Мариша, как всегда, смеялась: ой, какой халат модный, соседки обзавидуются... Девчонки таяли, рассматривая непривычные в сельском обиходе шарфики. Приносили шарфы домой, спрашивали: что с ними делать? «А вот и носите. Будете, как городские», — говорили дома.

После вручения подарков начиналось застолье. Ради приезда сестры собирались все бабушкины сыновья и дочери с женами и мужьями; бабушка по-прежнему сияла: в кои веки дети опять под родительской крышей, вместе, и можно смотреть на всех, сколько хочешь, слушать, о чем говорят, спрашивать и получать ответы...

Девчонки со взрослыми долго не засиживались. Поев и получив пригоршню конфет и печенья, они выходили на крыльцо и ждали своего часа. И этот час настаивал...

— Выступает Эльвира Солнцева!

Никого никогда Эльвирами, да еще Солнцевыми, в деревне не звали. Так потому она и появилась! Никогда никакие артисты в деревню не приезжали. Так потому они и были сейчас!

Никто из бабушкиных детей, а тем более зятьев или снох, живших в окрестных селах и поселках, выступать в роли конференсье сроду бы не стал, а вот мамочка эту роль охотно выполняла. И это ей охотно же прощалось: городские — им все можно, даже вот так, как детишкам, играть в артистов... А мамочка даже не думала об этом, — догадывалась Люся, — просто ей очень хотелось, чтобы сейчас, в эти вот минуты, происходило нечто такое, что сблизило бы собравшихся в материнском доме гостей еще больше. А что могло сблизить больше, чем дети?

— Это кто Эльвира-то? Уж не Колькина ли дочка? Выросла — не узнать...

Из дяди Колиной Вали и впрямь могла бы получиться когда-нибудь настоящая артистка: стройная, как березка, глазищи большие, черные, и все-то у нее получается — что спеть, что сплясать, что стих прочитать...

...Люся большая ушла, а бабушка поставила ее в тазик, помыла, насухо вытерла полотенцем. Расчесала волосы, заплела косу с новой красной лентой. И только потом сказала:

— Иди.

Идти было недалеко — в дом напротив, но она отчего-то шла долго-долго, думая о том, что сразу к НИМ заходить не будет, а сначала постоит на крыльце. Но на крыльце сидел он, отец. Люся поняла это сразу, хотя до сих пор ни разу его не видела.

— Так вот ты какая... Проходи.

Она смотрела исподлобья и стояла на месте. Из дома вышла пышно-телая тетя в легком летнем сарафане. «Жена» — поняла Люся. Она тоже стала просить:

— Проходи, Люся, проходи.

Но она прошла только после того, как на крыльцо вышла Люся большая, взяла ее за руку и повела за собой. В доме бабушки Маши, по случаю приезда сына, были гости; все наперебой принялись говорить, какая

она большая и хорошая девочка, и красивая к тому же, и только отец смотрел и молчал. А потом тетя Лиза достала из чемодана платье, каких Люся еще не носила, каких не привозила даже мамочка — розовое, с пышной юбкой, с рукавами фонариком, все в умопомрачительной красоте кружевах, и сказала:

— Это тебе.

Она прошептала «спасибо» и побежала с платьем домой; дома мама-бабушка тут же надела его на нее, проворчав: «Конечно, он начальник, ему все можно, ему товар прямо домой несут», и она побежала в новом платье на пруд. Здесь мальчишки обычно ловили пескарей, а девчонки стирали на мостках разную мелочь. Все смотрели на нее восхищенными и чуточку завистливыми глазами, а один из мальчишек уверенно сказал:

— Теперь отец увезет ее с собой.

Люся с минуту смотрела на него непонимающими глазами, а потом запальчиво сказала:

— Нет, не увезет! Никуда я с ним не поеду!

Из глаз вдруг брызнули слезы; она побежала домой, на ходу расстигая молнию и желая скорее снять с себя кружевную красоту: отец, которого она видела ПЕРВЫЙ раз в жизни — зачем он ей ТАКОЙ? У нее есть мамочка, которая приезжает каждое лето, и мама-бабушка, которая с ней всегда. И больше ей никого-никого не надо! А он пусть уезжает со своей пышной женою Лизой!

— Люсь, ну что ты все думаешь, думаешь? Пой вместе с нами!

— Девочки, ну это же вы артистки. А я что...

Да, из Вали вполне могла бы получиться артистка. Она и сейчас поет, Валя-Эльвира. Вернее, запела снова. Потому что долго-долго ей было не до песен. В юности, когда поется особенно легко и охотно, с ней случилось вот что: она полюбила, а он женился на другой. Выходить же замуж за кого-то еще она не захотела. Почему? Тайна...

Люся вспомнила вдруг, как по дороге из Москвы на какой-то из станций перед глазами мелькнули эти слова: «Тайны двадцатого века»; то ли журнал анонсировал одну из своих статей, то ли газета, — скорее всего, газета, потому что журналы сейчас, даже самые тонкие, если не глянце-вые, то обязательно цветные, а тот анонс был исполнен в черно-белом варианте. Она собралась было эти тайны купить, но проводница строго сказала: «Куда? Сейчас тронемся».

И тайны так и остались тайнами. Тогда Люся пожалела об этом, а сейчас вдруг подумала: ну, о чем в той статье могла идти речь? О Тунгусском метеорите? Бермудском треугольнике? Лахнесском чудовище? Все возможное по этому поводу читано-перечитано; а вот тут действительно тайна: Эльвира-то Солнцева, дяди Колина Валя, выросла красавицей, да еще и умницей к тому же (институт окончила с отличием, в школе считается одним из лучших педагогов). Претендентов на руку и сердце была очередь, а она живет одна. Впрочем, давно уже не одна...

Никиту Валя взяла прямо из роддома. Тогда, конечно, никакого не Никиту, а неизвестного худенького, крикливого десятидневного малыша, от которого отказались родители, сославшись на «недостаток средств для воспитания третьего ребенка». Средства и учительница Валентина Николаевна имела более чем скромные, но пришли на помощь родители. И малыш, которому дали симпатичное имя Никита, стал расти. Кашки,

пеленки, распашонки... Нескончаемая череда болезней... Не до песен стало Эльвире Солнцевой! Не до песен было и потом, когда сын пошел в школу. Мама думала, что сынуля будет учиться на отлично, а он таскал домой тройки. Мама думала, что сын вырастет — они будут беседовать о литературе, а он предпочитал получать информацию из телевизионного ящика. Она надеялась, что вечера они будут проводить вместе, а Никита пропадал неизвестно где, и никакие, самые передовые педагогические теории, не могли ей помочь удержать сына дома. Ей так хотелось, чтобы он выучился на врача (белый халат, люди с нетерпением ждут за дверью кабинета своей очереди, и кто-нибудь уважительным шепотом произносит: «Вы знаете, он молодой, но такой компетентный»...), но сын тянулся к обыкновенным железкам, и после школы пошел учиться в самое обыкновенное ПТУ...

И вдруг этим летом Валя запела снова!

— Все у меня болит, а денег на лекарства нет. Зато в одной хорошей статье я прочитала, что пение действует как лекарство. Значит, надо спасаться песней! Люсь, так ты помнишь, как мы пели? Пока были маленькие — «Пусть всегда будет солнце...». А как выросли...

И все сбылось — и не сбылось,
Венком сомнений и надежд переплелось,
И счастья нет, и счастье ждет...

У мамочки тоже — как в той песне...

Сбылась она, дочка. А муж не сбился. А у нее, Люси, отец.

Вот и еще одна тайна, которую ей так и не удалось разгадать: почему отец когда-то давно, сразу после войны (она, Люся, сорок восьмого года рождения) увез мамочку из родной для нее и него деревни в даль далекую — Прибалтику? Впрочем, это-то как раз понятно: он освободил Калининград и после войны решил остаться там на постоянное жительство — для офицера-освободителя это было нетрудно; приехав в первый же отпуск домой, он уехал уже не один, а с девушкой, которая жила в доме напротив: уходил на войну — она была неказистой девчонкой, а когда вернулся — увидел... Увидел красавицу! Так что почему увез — понятно. Непонятно — почему оставил...

Мамочка была не просто красивой — она была **ИЗЫСКАННОЙ**. Наверное, такими были русские княгини. Нет, она не отличалась высоким ростом (даже, скорее, маленькая была), не делала замысловатых причесок (всегда стриглась и завивала волосы на бигуди), и одевалась, конечно же, в соответствии с современной модой (у княгинь платья до пят, у нее — до колена). И все-таки выражение «будто пава» — это про нее. Она была удивительно мягка и изящна во всем: в голосе, в жестах, движениях. Когда Люся увидела впервые другую отцову жену, она отметила прежде всего именно эту разницу: мамочка — мягкая, теплая, а тетя Лиза хоть и пышнее, но об нее удариться можно. И зашибиться...

Работала мамочка бухгалтером в кафе общественного питания. Люся видела ее на работе: небрежно, будто что-то несерьезное, перелистывает бумаги, так же небрежно перебрасывает костяшки счетов... А сотрудники кафе уважительно говорят: «От нее ни одна циферка не убежит». Как же она умудряется — не обращать на них внимания, а они от нее все равно не убегают? — недоумевала маленькая дочь.

А выросшая дочь однажды отважилась спросить:

— Мам, вы с отцом любили друг друга?

Мамочка стояла у окна. Долго-долго она не поворачивалась к ней лицом. Потом сказала:

— Знаешь, все было как в тумане.

И не добавила больше ни слова...

Они и одни жили с ней, в общем-то, неплохо. Но было чувство, что в их доме (городскую квартиру Люся по-деревенски называла домом) кого-то не хватает. Может быть, именно поэтому мамочка однажды пришла с работы не одна, а с Николаем Андреевичем. На столе появилась еще одна тарелка, в шкафу — еще несколько вешалок. У порога — мужские ботинки. Словом, вещей в доме прибавилось, но чувство, что кого-то не хватает, не исчезло. И тогда мамочка сказала: «Хватит, нам и одним хорошо».

И они опять стали жить одни. Люся окончила школу и поступила в институт. Бегала на лекции, занималась в различных кружках. Только на танцы ее почему-то не тянуло.

— Знаешь, а у порога все-таки должны стоять мужские ботинки, — заметила как-то мамочка. — Вот только их обладателя привести в дом должна уже не я...

Люся всегда была девочкой понятливой, и прямо спросила:

— А, по-твоему, каким ОН должен быть?

— Надежным, — неожиданно твердо сказала во всем мягкая мамочка. — Главное — надежным. Все остальное мелочи и ерунда.

С того момента Люся стала высматривать надежные мужские глаза. Однажды ей показалось...

И ведь Вера-то, Вера тоже поет! А уж как ревели они с ней совсем недавно — сегодня утром!..

Вера пришла пораньше — помочь ей с приготовлением праздничного обеда (тетю Маришу от работ они решительно отстранили). Конечно, стали разговаривать. Из редких писем из деревни Люся знала, какое испытание выпало на долю двоюродной сестры. Но одно дело — знать из писем, и совсем другое — принимать боль из рук в руки.

— ... Маруся звонила мне каждый день, а я твердила одно: нет и нет. Боюсь. Не хочу. В конце концов — у меня тоже дочка. И тоже несовершеннолетняя. Мама мне так и говорила: Маруся все одно не жилец, какой же смысл рисковать еще и твоей жизнью? Я вам обоим мать, мне вас обоих жалко, но... то одной не будет, а то обе уберетесь. То одна сирота останется, а то сразу две. Я соглашалась с ней. А тут праздник подошел — Новый год. Люди тащат домой елки, закупаются мандаринами и шампанским... А тут Рождество... Я, Люсь, человек не сильно верующий, но стала меня преследовать одна и та же мысль: Он-то не пожалел себя, Он-то ради нас сумел принести себя в жертву. Почему ж мы такие?.. Все даже проще: я просто не смогу потом жить! Одна, без Маруси. Изведу себя всю, исплачу. Ну, и позвонила ей: согласна! Маруся как заревет в трубку: Верочка, милая, сестренка моя дорогая, приезжай скорее. Села я на поезд и поехала.

Марусю Люся почти не знала. Она была на пять лет младше Веры, и когда сестра выступала на сцене (бабушкином крыльце), сидела в пеленках на руках одной из мамочкиных сестер — тети Шуры. А когда Люся, а за ней и Вера, стали старшеклассницами, Маруся только заканчивала начальную школу. Правда, замуж выскочила вслед за Верой сразу: старшая сестра припозднилась, заканчивая институт, а Маруся в институте училась уже заочно, нянча одновременно маленькую дочку. Обе, как и

Валя, после институтов остались в том городе, где учились, обе приезжали в родную деревню в летние отпуска...

— Ну, вот, приехала я в Москву, разыскала Марусину больницу. Маруся не то что бледненькая — желтая какая-то лежит... Иду на беседу к профессору. Профессор уверяет: «Печень — единственный в человеческом организме орган, который способен вырасти снова. Так что удаление ее части вам ничем не грозит. А сестру — спасете»...

Села Вера на табуретку — и нож выпал из рук...

— Сделали нам операции — сначала мне, потом Марусе. Маруся через неделю стала оживать, есть начала понемножку. А я...

Тут они и заревели. И сквозь рыдания Вера выдавливала из себя:

— Слабость замучила. Утром приказываю себе: Верка, вставай, движение — это жизнь...

А теперь вот сидит, поет, будто и нет человека беззаботнее, чем она!

А уж как они пели на ее, Люсиной, свадьбе!

...Однажды в знакомой ей компании оказались два незнакомых молодых человека. Они были в форме моряков заграничавания и держались, в отличие от моторных студентов, несуетно и солидно. Один из моряков пригласил ее танцевать и... больше не приглашал уже никого. А на следующий день пригласил ее в кино. А еще на следующий — в ресторан. В ресторанах с молодыми людьми Люся еще не бывала, но уж если требовалось испытать парня на надежность...

Они опять танцевали. Коля (молодого человека звали Колей) внимательно на нее смотрел. И она от этого взгляда почему-то не напрягалась, — наоборот, было ей хорошо и спокойно. Где-то в середине вечера Коля спросил:

— Люсь, а ты замуж не собираешься?

Вот тут она, конечно, растерялась. В голове пробежало: я же еще ничего не выяснила относительно надежности... но если мне с ним так спокойно и хорошо... И она вдруг спросила кокетливо:

— А вы что — делаете мне предложение?

— Я приду завтра знакомиться с твоими родителями.

— У меня только мамочка... То есть мама.

— Ну, уж маме-то я как-нибудь понравлюсь...

И понравился! В гости Коля пришел с огромным букетом белых роз, тортом и шампанским. Вот это сочетание: цветов и всего остального — мамочку и покорило:

— Он подумал не только о том, чем поразить воображение, но и о том, что поставить на стол. Значит, он уже взрослый. А это уже немало...

Смутило мамочку только одно: заграничка. Коля уверял, что с морскими походами закончено, что он уже присмотрел хорошую работу на берегу, и...

— Они там, в заграничке, чего только не насмотрелись, — высказывала не вполне понятные Люсе опасения мамочка.

Но Коля не дал им много времени на раздумья: уже через месяц они играли свадьбу. Кроме Колиных родителей и родни, на свадьбе были и они: тетя Мариша, Валя, Вера. Мама-бабушки уже не было в живых; мамочка все время вытирала слезы, и Люся догадывалась об их подоплеке: только бы не повторила моей судьбы! Зато тетя Мариша плясала и пела за двоих, причем песни не только привычные, деревенские — про коро-бушку и золотые горы, но и местную, сразу ей понравившуюся:

Ты, моряк, красивый сам собою...

Валя с Верой сидели несколько огорошенные шумом городской свадьбы, хотя к городской жизни уже и сами начали привыкать, поскольку обе были студентками: Валя — педагогического, Вера — экономического вузов. Люся слышала, как тетя Мариша наставляла девчонок: «А вы не робейте — выглядывайте калининградских женихов...». Но девчонок интересовало другое.

— Люсь, ты его любишь? — улучив момент, требовательно спросила Валя.

Она честно ответила:

— Девочки, вы ничего не понимаете. Главное — он должен быть надежным...

Валя ее мысли как прочитала:

— Кажется, недавно на твоей свадьбе гуляли. А уже твои сыновья большие. Люсь, расскажи про них.

— О, они действительно большие. Уже девочек в гости приводят. Прихожу с работы — у порога целый ряд босоножек. Белые, синие, красные...

— Слушаются?

Валя спросила — и тут же посмотрела на Никиту. А тетя Мариша — на Сашу. Люся поспешила сказать:

— По всякому бывает. Молодые — они теперь самостоятельные.

...Не приведи Господи! Если бы вдруг ее сыновья — как Саша... Паиньками и они не были, нет, особенно Алексей. Максим — тот тоже чаще всего поступает по-своему, но он всегда готов выслушать аргументы родителей. А иногда не просто выслушать, но и принять родительский совет. Так было с поступлением в институт. Когда в десятом классе он заговорил про море и мореходку, отец резко его осадил:

— Ты считаешь, если жить на море, так обязательно надо быть моряком? Я в свое время тоже так считал. Пока не встретил твою маму...

Он перевел глаза с сына на нее и неожиданно мягко закончил:

— И сразу сошел на берег...

Потом его голос снова стал набирать крутые обороты:

— Ты пойми: профессия и семья не должны быть в противоречии друг с другом. Конечно, ты можешь выбрать длинный путь: сначала набить шишек, а потом прийти к тому же, к чему пришел я. Дурак обычно и учится на собственном опыте...

Тут Люся сочла необходимым вмешаться: мальчики, давайте отложим спор на неопределенное время, оно еще есть — у Максима в запасе целый год...

После окончания школы сын поступил в экономический вуз — тот самый, что оканчивала и она сама. Согласился с мнением родителей? Сам так решил? Как бы то ни было — они, родители, с облегчением вздохнули...

С Алексеем было сложнее. Может, его профессия тому причиной? Нет, скорее профессия — уже следствие, а причина все-таки в характере, взрывном, как у отца (в чем Люсе пришлось убедиться с началом семейной жизни), но еще более упрямом. К тому же — его работа...

Нет, все-таки ни профессией, ни даже работой это назвать нельзя. Это — наваждение какое-то, растянувшееся на годы...

Отдавали сына в музыкальную школу — рассчитывали, что научит-

ся брэнчать на пианино да на гитаре: так принято... так поступает большинство родителей...

Алексей же музыкальную школу стал предпочитать общеобразовательной. В обычной школе ему было неинтересно; он с трудом высиживал уроки, при любой возможности с них сбегал, и сколько раз Люся краснела на родительских собраниях, когда учителя разводили руками: «Они с Максимом словно и не братья, словно в разных семьях растут. У того — сплошные пятерки, у этого... так уж, ставим тройку, зная, что на концертах выручит»...

Вот на концертах Лешка действительно показывал себя с лучшей стороны! И поскольку разные смотры и конкурсы, на которых школе требовалось блеснуть, случались довольно часто, то Алексей ее и закончил, и аттестат о среднем образовании получил. И тут... совсем сошел с ума, заявив родителям, что учиться его больше никто никогда не заставит.

— Ты что же — всю жизнь собираешься прожить на нашей шее? — напрямую спросил разгневанный отец. На что сын незамедлительно ответил:

— Я буду зарабатывать больше, чем вы!

Родитель от такого заявления прямо опешил. Но, справившись с собой, опять спросил:

— Интересно, чем же? Чем, я спрашиваю, если у тебя нет никакой профессии?

— Музыкой, конечно, — беспечно отвечал Лешка.

Ох, уж эта музыка...

До сих пор Люся наивно считала, что вся музыка делится на две, ну от силы на три категории: симфоническая, эстрадная, народная. Симфоническая — это красиво, но сложно. Эстрадная — это Пьеха, Лещенко, Кобзон. Народная — что поет тетя Мариша.

Алексей принес в семью непонятно-страшное слово «рок». И когда сотрудница Люсиного отдела (на работе Люся — Людмила Васильевна, ведущий специалист отдела назначения пенсий) Клавдия Петровна, отличающаяся обширными познаниями в самых различных областях знаний (к работе, чаще всего, не имеющих никакого отношения, — вынуждена была констатировать Люся), начинала говорить о роке... «Рок — это сатанизм, Людмила Васильевна, — чеканила Клавдия Петровна. — Я бы на вашем месте переключила сына на другое увлечение». Люся пугалась, лихорадочно начинала соображать, куда, на что можно переключить непутевого сына, но... попробуй-ка, переключи, если он только об этом роке и говорит, только им и дышит, если он и домой не всякую ночь приходит, потому что у них, видите ли, репетиции, не прерывающиеся, кажется, ни днем, ни ночью...

И все-таки Люся предпринимала попытки (уже после того, как даже отец махнул рукой: «Сдаюсь, сына мы проморгали») вразумить родное (непутевое — да, но и родное тоже!) чадо. Начинала обычно вот с этого:

— Ваш рок — разве это музыка? Музыка должна врачевать человека, а вы его — по голове. Своими жуткими децибелами. Для меня вообще лучшая музыка — тишина...

— Или песни тети Мариши, — возражал, пока еще вяло, Алексей.

— Что же тут странного, если я выросла в селе?

— А я — в городе. Заметь — в большом городе! — начинал закипать сын. — Сейчас ты скажешь, что тетя Мариша — народ, а народ не может петь плохие песни. Так ведь и я — народ! И я хочу сочинять и исполнять

СВОИ песни! Поют же про голубой вагон и день рождения, который раз в году, а эти песни, заметь, написал не народ, а композиторы...

— Поют потому, что это близко душе каждого, — не сдавалась Люся. Тут Алексей уже взрывался:

— Так и я напишу про то, что близко! Именно душе! Каждого! Единственное различие — они убаюкивают своими сладкими мелодиями, а я буду будить! Если не будить — человечество уснет беспробудным сном!

— Да, но Клавдия Петровна из нашего отдела говорит...

— Да плевать я хотел на то, что сказала княгиня Марья Алексевна! Или ваша Клавдия Петровна!

«Я всегда подозревала, что к урокам литературы он относился лучше, чем к математике», — краем сознания отмечала Люся, и продолжала гнуть свою линию:

— Так вот, она говорит, что ваш рок — это тот же наркотик. Только музыкальный. Что это вообще исчадие ада. В смысле... не хочу этого слова произносить...

— Ты всегда была деликатной женщиной, — заставлял себя смягчиться сын. — Это у тебя от бабушки.

Люся радовалась наметившемуся пониманию, тем более что дальше Лешка басил:

— Деликатной и — умной, что гораздо важнее.

И вдруг заканчивал непримиримо:

— Поэтому советую со мной согласиться: я не могу распевать песни тети Мариши!

Словом, проблем с сыновьями ей, Люсе, тоже хватает... Вчера она спросила тетю Маришу:

— С чего Саша пить-то взялся? Ведь, сколько я помню, тихий был — мухи не обидит.

Неунывающая тетя Мариша надолго задумалась.

— Смотри, Люсь, — сказала после. — Ведь жил — как все люди. Школу окончил, армию отслужил. Техникум окончил, остался в городе работать. Там они с Ириной и познакомились. От завода квартиру получили. А тут — перестройка. На заводе не понять что началось. Народ сокращать стали. В общем, остался без работы. Знакомый парень позвал его на заработки в Москву. Он и поехал. Полгода в Москве прожил. Денег привез, да не наших рублей — долларов. Только заметил вдруг, что жена-то уже... не его жена. Что есть у нее кто-то другой. Ну, а за что русский мужик хватается в такой момент? За бутылку.

Тетя Мариша опять помолчала. Потом, как бы не для нее, Люси, а для себя больше, продолжила:

— Из города вернулся опять домой. Да здесь-то работы тоже нет! Колхоз-то — тю-тю!

— А жена?

— Что жена? Жена себе оправдание нашла: пьющий мужик мне не нужен. А что он и запил-то из-за нее...

Редко плакала тетя Мариша, а тут слезы закапали на колени, как горошины...

Люся сидела растерянная, не знающая, чем тут можно помочь. Ну почему, почему на тетю Маришу валятся все напасти?! Когда-то давно мамочка сделала попытку переманить младшую сестру в Калининград; привезла ее к себе, поводила по городским улицам («смотри, смотри, как

чисто — в любое время года, в любую погоду»), свозила на море («смотри, смотри, какая красота, а наша речушка в Ивановке уже обмелела»)... Она даже с неженатым водителем из своей кафешки познакомила Маришу, стала присматривать ей работу...

Тетя Мариша выдержала только две недели, потом решительно заявила сестре: «Все, еду домой — сил нет, как соскучилась». И уехала. И скоро вышла замуж — за дядю Витю. Дядя Витя был не только колхозный шофер, но еще и гармонист, чем, видно, певунью тетю Маришу и покорил. Люся помнит, как она распевала под его гармошку во время их приездов в Ивановку. Когда заканчивался концерт юных артисток, на крыльцо выходил дядя Витя:

— А ну-ка, девчонки, уступай место мне!

И разворачивал меха своей трехрядки. Тетя Мариша тут же подхватывала мелодию:

Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки взоры...

К ней присоединялись другие взрослые, и вскоре улица уже переговаривалась завистливо: «У Федоры опять поют»... А после песен начинались пляски: ух, как дробила проулочную пыль тетя Мариша!

А потом дядя Витя попал в аварию. И тетя Мариша в тридцать лет осталась вдовой. А Саша остался без отца. А теперь вот и без жены... И матери вместо вина приходится украдкой подливать в его стакан воду...

Как же это, оказывается, важно — какая рядом с мужем жена. И разве не это она пытается внушить своим сыновьям? Разве не из-за этого она поссорилась перед отъездом с Алексеем?

...Однажды Коля, споткнувшись в прихожей об очередные босоножки, в сердцах сказал:

— Все, пора его женить!

Люсе такой выход из положения понравился.

Пытаясь хоть что-то узнать о хозяйках босоножек, она старалась всегда пригласить гостей к столу. Девочки охотно шли, весело за столом щебетали, потом уходили. И только одна оставалась мыть посуду — та, у которой босоножки были самые скромные, самого беззащитного — белого — цвета...

Сын предложение родителей воспринял, как всегда, в штыки.

— Вы что — с ума сошли? Вы хоть помните, какое на дворе время?

— Помним, — твердо, за себя и за мужа, сказала Люся. — У меня даже предложение есть на этот счет.

Люся назвала имя девочки — обладательницы скромных белых босоножек. Алексей рассмеялся:

— Сказка про Золушку наоборот... У той были хрустальные башмачки, у этой...

Потом опять закипятился:

— Тебе не кажется, что для заключения брачных уз нужна такая малость, как любовь?

Сын ее, что называется, сразил. Тогда она не нашлась, что ответить. Не нашлась, потому что...

Она училась в седьмом, наверное, классе, когда мамочка поехала в командировку и взяла ее с собой. Уже в дороге она сказала:

— В городе, в который мы едем, живет сейчас твой отец. Ты хочешь с ним встретиться?

И ни о чем другом с той минуты Люся уже не думала. Только — о встрече...

Прежде всего, она отдала себе отчет в том, что это будет третий раз, когда она увидит отца. Первый раз был тогда, в детстве, когда ей было подарено необыкновенной красоты платье. Второй раз...

Сколько лет ей было тогда? Наверное, десять. Или одиннадцать. Отец провожал ее до Москвы, где должен был передать с рук на руки мамочкиной сослуживице (она каждое лето тоже приезжала в гости к родным, кажется, в Тверь, и тоже возвращалась в Калининград через Москву). Ехали молча. Время от времени отец предлагал:

— Давай поедим.

Она отвечала:

— Не хочу.

Потом поняла, что голоден он, но без нее есть не решается. Тем более что сумку в дорогу собрала мама-бабушка. Тогда она сказала:

— Ну, разве яичко...

В Москве, в ожидании нужного поезда, он повез ее на Красную площадь. Люся шла по булыжной мостовой и думала о том, что точно такая же в Калининграде. Только здесь — всего площадь, а там — почти все улицы.

— Почему так? — спросила она отца.

— Что почему? — переспросил он.

— Почему в Калининграде такие булыжники под ногами — везде?

— Разве вам не говорили в школе? Калининград — бывший немецкий город. А немцы такие мостовые всегда делали во всех своих городах. И вообще — смотри не под ноги, а по сторонам. Смотри — Кремль.

Она обиделась: ишь, не говорили в школе... Говорили, конечно, но когда только слова — ничего толком не представляешь. А вот увидела — и эту площадь ей уже не забыть никогда. И Кремль не забыть. Хотя, что такое Кремль, она толком тоже еще не понимает, но, наверное, поймет в какой-нибудь другой приезд. А сейчас ей больше хотелось бы понять, почему он, отец, ушел от мамочки — такой красивой, такой доброй, такой...

Тетя Лиза совсем другая. Она хоть и пышная, но похожа вот на этот булыжник...

— Почему?

Она не заметила, как произнесла это слово вслух, надеясь, что уж на этот-то раз отец поймет, о чем она хочет его спросить. Но он только сухо произнес:

— Давай возвращаться на вокзал. Нас уже ждут.

Мамочкина сослуживица уже ждала их у поезда. Отец передал ей сумку с продуктами. Они вошли с тетей Ирой в вагон. Та выглянула на перрон.

— Как он похож на тебя, этот мужчина. Он кто — брат?

— Отец, — тихо ответила она.

Тетя Ира удивленно вскинула брови, и Люся поспешила отвернуться: защипало глаза...

И вот — в третий раз...

Мамочка довела ее до подъезда нужного дома:

— Дальше иди сама. Я подожду здесь.

И она пошла на шестой этаж. Можно было подняться на лифте, но ей отчего-то хотелось оттянуть момент встречи. Как тогда — в детстве, — вспомнила она. Только шестой этаж все равно настал (она подумала о нем именно так: настал — как о времени). Вот и нужная дверь. Она нажала на кнопку звонка...

Дверь открыл мальчик примерно ее возраста, но очень высокого роста.

— Вам кого?

— Мне... Василия... Дмитриевича...

— А его нет.

Этого Люся не ожидала. Она так долго ждала этой встречи... так не сомневалась в том, что еще раз увидит отца, и что-то важное наконец-то поймет...

Мальчик стоял молча. И она, ошеломленная, молчала.

— Вы кто? — догадался спросить мальчик.

— Никто, — тихо сказала Люся. Но тут же передумала и поправилась:

— Я — Люся. Скажите ему, что приходила Люся.

И бегом побежала по ступенькам вниз. И пока бежала, твердила себе одно: никогда, никогда мои дети (станет же она взрослая!), никогда, никогда мои дети (выйдет же она замуж!), никогда, никогда мои дети не останутся без отца!

Вот это: никогда, никогда мои дети не останутся без отца — ушло с ней в замужество и осталось там навсегда. Она иногда спрашивала себя: а любит ли она мужа? И не находила ответа. Это была ее собственная тайна — тайна от самой себя...

А тогда, после несостоявшейся встречи с отцом, мама пошла по своим делам, а ее вместе с тетей Ирой отправила в музей. Они ходили по залам, смотрели странные, ни на что не похожие картины. Вот на одной совсем ничего нет: только чернота, на которой проступает голубое пятно. «Как кусок голубого теста», — подумала Люся. Под картиной надпись: «Сотворение мира». Смешно... Выходит, из этого куска теста будет выпечен... весь мир? А вот «Корабли», совсем не похожие на корабли. По морю плывет какое-то утлое маленькое суденышко, а в небе... о, в небе... это даже не корабли, а какие-то огромные воздушные судна, отчего-то пылающие, как солнца... А вот действительно солнце, — его держит на руках женщина (или мужчина?) в странном, как у индейцев, головном уборе...

— Ты что-нибудь поняла? — спросила ее мамочка уже на обратном пути.

— Нет, — честно сказала Люся.

— Ну и ничего... Посмотреть все равно надо было. Понимаешь, есть вещи, которые становятся понятными потом...

А тот памятный разговор с сыном закончился у нее так. После его запальчивого: «Тебе не кажется, что для заключения брачных уз нужна такая малость, как любовь?», она постаралась как можно спокойнее спросить:

— Ты о том, о чем пишут в книгах? Или о том, что показывают по телевизору?

— Мам, ты никогда не была зашореной моралисткой...

— Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

— А разве счастье — это не любовь?

— Счастье — это тепло и свет между мужчиной и женщиной. А они генерируются сердцем. Понимаешь — сердцем, а не какими-то другими органами.

Ну, могла ли она сказать сыну, что всегда боялась этого слова — любовь?

Вчера они с Верой ревели не только оттого, что Верино здоровье стало сдавать, но, главным образом, оттого, что «муж морду в сторону стал воротить». Сказать честно, она через это тоже прошла. Давно. Еще в самом начале семейной жизни.

...Максим уже начинал ходить, когда ее Коля тоже стал уводить глаза в сторону. Люся долго не могла понять, в чем дело. Ну, не из тех Коля мужчин, которые будут изворачиваться и лгать, если в его жизни появилась какая-то тайна. И вдруг отчего-то вспомнились неясные мамочкины слова... А потом позвонила Колина секретарша (из тех редкостных секретарш, которые в подобной ситуации принимают сторону жены, а не начальника-мужа)...

Ему со мной скучно и пресно, — сказала себе (и больше никому!) вчерашняя деревенская девочка Люся. Но мамочка тоже все заметила и поняла, и стала приносить ей книжки и журналы «про это». Смотрела и читала их Люся рассеянно — не потому, что совсем им не верила или презирала, а потому, что в глубине души была уверена: не это главное, не это! Именно в те дни она и завела привычку с особенным старанием наводить в доме порядок: по десять раз на день протирала пыль, намывала полы, пылесосила. Цветы заморила поливом. В сотый раз повторяла и повторяла про себя: «Никогда, никогда мои дети не останутся без отца», но на этот раз магические слова почему-то не оказывали своего волшебного действия...

Раздражала даже мамочка, при необходимости умеющая быть незаметной. Однажды она сказала:

— Хочешь, я расскажу тебе про маму?

Про маму-бабушку Люся готова была слушать всегда и сколько угодно, но сейчас... Неужели мамочке непонятно, что на этот раз она не сможет помочь ей НИКАК? Но мамочка, проявив несвойственное ей упрямство, продолжала:

— Ты же знаешь, что мой отец, а твой дедушка Еремей был мужчина красивый, телосложения статного — деревенские бабы сами на него вешались. И была у него привычка: придет от какой-нибудь из них домой — и обо всем своей Федоре расскажет.

Люся, слушавшая рассеянно, рассеянно и спросила:

— Ну, и что? Они начинали ругаться?

— Начинали смеяться!

Люся была принуждена проявить интерес:

— Как — и бабушка тоже?

— И даже заливистой своего супруга!

— Ну, знаешь... Она что — в молодости ненормальной была? И вообще — откуда тебе это известно? Она сама рассказывала?

— Ей бы я не поверила. Рассказывала тетка Таня, отцова сестра. У самой тетки Тани все было по-другому: когда ее Кондрат приходил от другой и молча («бревном») ложился рядом, она боялась дышать и только точила слезы — тихо, чтобы муж не расслышал, а то рассердится. Вот она-то больше всего и поражалась: пришел от другой — и оба смеются!

Тогда Люся — единственный раз в жизни — почувствовала что-то

недоброе по отношению к бабушке: она что — в молодости действительно... малость того была? Ведь потом-то ничего подобного не наблюдалось...

Люсе была известна в общих чертах история жизни бабушки и деда: поженились еще до революции; бабушка была из богатой семьи, дед — из самой что ни на есть бедной. Оба были видные из себя: дед — высокий, статный; бабушка — под стать ему (что особо ценили новые родственники, которым в хозяйстве была нужна хорошая работница). В церкви их венчали в цветах — по рассказам старых людей, так венчали не всех, а только самые красивые пары. Люся иногда представляла себе эту картину: молодые бабушка и дедушка стоят в церкви перед аналоем, и на бабушке фата, украшенная бумажными цветами...

А жизнь получилась не в цветочек, а в полосочку! Сначала шла светлая полоса: молодые получили от бабушкиных родителей приданое — сыроварный заводик, и бывший бедняк оказал себя таким разворотливым хозяином, что тесть на него нарадоваться не мог, — родные сыновья такой смекалки не проявляли!

Но тут грянула революция. Завод (какой там завод — сарай, оборудованный под производство сыра) у семьи отобрали. Спасибо — из дома не выгнали (может, потому, что слишком хорошо была известна бедность дедова рода). Еремею сказали строго: иди в колхоз.

В колхоз Еремей не пошел. А чтобы кормить семью, уехал на заработки. И жили супруги так: бабушка — дома, муж — на стороне. Домой хозяин наведывался нечасто, но каждый раз оставлял по себе крепкую память — очередного ребенка. До тридцатого года стояла в селе церковь, в которой венчались молодые. Мамочка рассказывала: перед Пасхой батюшка объезжал село, заходил в каждый дом, читал молитву, кропил святой водой стены и обитателей дома. «Мы, дети, стоим рядком, мама впереди. «Ну, что, Федора, как жизнь-то?». «Да ничего, батюшка, только вот муж опять в отлучке». «Ничего, ничего, придет твой Еремей».

И Еремей неизменно приезжал. И в положенный срок бабушка рожала очередного ребенка. Всего семь родила. Мамочка была первой, тетя Мариша — последней...

Та памятная, «непостижимая» поездка, о которой рассказала Люсе мамочка, состоялась перед войной. Соскучившись по долго отсутствовавшему мужу, Федора решила его навестить. Собралась в дорогу, приехала в неблизкий город Казань, откуда в последнее время приходили от мужа письма. По адресу на конверте нашла дом, где проживал супруг. Зашла. Хозяйка встретила ее вопросом:

— А ты кто ему будешь, Еремею-то?

— Жена.

— Как жена? У него вроде есть жена.

Бабушке стало понятно, что и городские женщины против ее Еремея устоять не смогли...

— И... где же они, с женой-то?

— На работе.

— А когда придут?

— Да уж скоро. Вот-вот должны.

Бабушка прошла в комнату, где жили «молодые», и... залезла под кровать. Хозяйке шепнула: «Молчи. Ничего не говори им»...

Скоро «молодые» действительно пришли, и, после долгого рабочего дня, сразу же завалились на кровать — передохнуть. Тут-то Федора и показала...

Со слов тети Тани мамочка знает, что кос сопернице бабушка не трепала, сцен не устраивала, слез не лила. Только и сказала: «Ты сейчас уходи. Погоди, пока уеду».

О чем, как говорили на этот раз между собой супруги? Опять смеялись?

— И очень даже возможно, — предполагала тетка Таня. И добавляла в раздумье:

— Федора умная баба была. Понимала: должен за Еремеем женский пригляд быть. Постирать, стготовить... А ей — чего обиды разводить, если детей кормить-растить надо, а кто, кроме Еремея, денежку ей пришлет-привезет?

И еще раз добавляла, в еще более тягостном раздумье:

— Я бы так не смогла...

После той встречи Еремея и Федоры осталась фотография, которая висела на стене бабушкиного дома всю бабушкину жизнь.

— ... Ты видела ту фотографию. Помнишь их лица?

— Еще бы не помнить. Спокойные. Ясные. Друг другом вполне довольные. И это... после такой встречи?

Мамочка только развела руками. А Люся с облегчением спросила себя: «Значит, от ЭТОГО не умирают?»...

— Теть Мариш, а ты помнишь своего отца?

— Помню, как кто-то меня подбрасывал на руках. Высоко-высоко... Наверно, это и был отец.

— И все? А твои братья, сестры — они что-то рассказывали о нем? Вас ведь в семье было семеро — по пословице...

— Я-то родилась на десять лет позже ото всех — в тридцать восьмом. Видишь, за столом никого ни из братьев, ни из сестер — все уж ТАМ... Ну, вот, они со мной, мелюзгой, и говорить не хотели. Мама тоже отмахивалась: отстань, некогда. Надо сажать картошку... надо полоть... копать... Да и без дел — не сказала бы ничего.

— Это потому, что он в лагере был? Мамочка рассказывала...

— Его перед самой войной посадили. Время такое было: сажали за горсть колосков, за частушку. Спасение было одно — молчать. Вот мать и молчала.

Теть Мариша тоже замолчала вдруг. Потом все же решилась продолжить:

— Уже перед смертью мама рассказала, что приходил в дом человек: «Я с вашим мужем на соседних нарах лежал. Умер он. Я его и похоронил. Хороший был человек, веселый. Одного не умел — подчиняться властям»...

...Сумела-таки мама-бабушка ей помочь! Это было похоже на чудо...

После того памятного разговора с мамочкой, когда вечером молчаливый (непривычно молчаливый) муж пришел домой, Люся встретила его... тихим смехом. Больше всего на свете ей хотелось реветь, но, пересилив себя, она рассмеялась (а что еще оставалось делать?! Ничего разумного, а только — последовать безумному примеру давно ушедшей в иной мир бабушки-мамы). Конечно же, муж взорвался, и повторил ее недавние слова, только уже по отношению к ней:

— Ты что — с ума сошла?

И посмотрел на нее с неприязнью (но посмотрел же!). А она опять

рассмеялась. И в ту же секунду поняла, что смеется не по принуждению, не в обман самой себя, а потому, что ей действительно хочется смеяться — оттого что вдруг стало легко и свободно! От чего она освободилась в ту минуту? Бог весть... Может быть, от страха остаться одной? Возможно, и бабушка смеялась когда-то по той же причине?..

Отсмеявшись, она легко повернулась на каблуках (туфли на каблуках среди зимы, в самый обыкновенный будний день зачем-то надела) и беспечно пошла на кухню.

И тут произошло неожиданное: вместо того, чтобы, по привычке последних дней, незаметно проскользнуть из прихожей к телевизору, муж вдруг последовал за ней. Здесь, на кухне, она еще и сказала:

— Иди, я тебя поцелую.

Неприязнь в его глазах сменилась на изумление:

— Ты умеешь произносить ТАКИЕ слова?

И потом началось сплошное чудо...

Зачем она сейчас вспоминает все это? Почему? Она что — приехала сюда, чтобы сделать ревизию собственной жизни? Но ради чего она затеяла эту ревизию? Она должна понять — что?

На свете уже давно нет не только бабушки-мамы, но и мамочки...

Так, может, как раз поэтому? Пока были живы они, у нее было чувство, что в ее жизни есть САМОЕ ГЛАВНОЕ. А потом, после их ухода, появилось чувство осиротелости. Хотя его, по идее, быть не должно, потому что у нее есть и муж, и дети, и друзья. Единственное, чего ей не достает...

Люся не заметила, как в какой-то момент юбилея за столом появился еще один гость. Нет, сразу два — бабушка и внучка. Бабушка была молода — лет пятидесяти, не больше, и всем своим обликом напоминала императрицу Екатерину Великую: такая же тучная фигура, прямой, без переносицы, профиль, могучая грудь... Внучка сидела на могучей же руке, как на троне, и было ей годика полтора. За столом их, конечно же, знали, никто их появлению ничуть не удивился, и Люся вспомнила, как тетя Мариша вчера рассказывала:

— Сын со снохой клеили обои, вдруг она говорит: ой, что-то мне плохо. Муж кинулся за медичкой. Пока за ней бежал, пока назад бежали... Медичка только и сказала: все, опоздали...

И вот сидела теперь внучка Оля у бабушки Оли на могучей руке («сын уж опять женился, а она внучку пока не хочет отдавать — пусть друг к дружке привыкнут») и смотрела вокруг себя безмятежно. У Люси вдруг защищало глаза...

Маленькая же Оля вдруг на удивление четко произнесла: «Ба, ба!».

— Да вот же бабушка, — поспешила сказать Люся, про себя подумав: «Бабушка-мама»...

— Тут дело не в бабушке. Она песню зовет, — непонятно сказала тетя Мариша. И вслед за тем запела:

Ба-ры-ня, ба-ры-ня,
Девка лучше парня...

Оля маленькая тотчас, как взрослая, заправская плясунья, завращала над головой руками. «Значит, не в первый раз поют. И песня девочке отлично известна», — сделала вывод Люся. А тетя Мариша продолжала:

Девка пол подметет
И водички принесет...

Боже, — опять осенило Люсю. — А ведь эту песню ей пела когда-то мама-бабушка — точно такую же, точно так же. Вот отчего у нее сразу защемило сердце... Ах, Алексей... вот где близко к душе — так близко, что она, кажется, сейчас умрет. Или прозреет...

Ничего ТОГДА не было! Не было, и быть не могло. Ей все померещилось и показалось. Какие у нее есть доказательства? Звонок секретарши? Но так ли уж можно ему верить? Секретарша, возможно, спала и видела, как сделать жену своего шефа одинокой женщиной. Потому что муж, в таком случае, тоже станет одиноким. Свободным то есть. Незанятым...

Глаза мужа? Это самое необъяснимое: уводимые в сторону глаза... Или же все объяснимо очень легко: он просто ЖДАЛ. Целую жизнь ждал от нее хоть какого-то знака, намека, движения в его сторону: от нее — к нему. Иногда, наверное, ему приходилось сильно себя преодолевать... заставлять казаться равнодушным...

Ничего не было!..

Ах, как хорошо, что она приехала на этот непохожий на юбилей юбилей! Столько вспомнила, всех, кого хотела, увидела...

В аэропорту ее встречал муж. Люся — после такси, поезда и самолета — с удовольствием нырнула в родную машину.

Ехали молча. Так у них было всегда — они не любили много говорить, и не испытывали от этого дискомфорта. Наоборот — молчать вместе было приятно. Часто случалось так, что когда один из них бросал какую-то фразу, другой ронял: «Надо же, и я думал о том же»...

— А вот сейчас не угадаешь, — сказала Люся.

Коля на секунду оторвал глаза от дороги.

— Попробую. Рада, что съездила. Вспомнила детство. Всех, кого хотела, увидела...

— А вот и не угадал! Я тебе этого вообще никогда-никогда не говорила.

— Чего именно?

— Что я... что я тебя... люблю...

На этот раз он не стал отрывать взгляд от бегущего под колеса полотна даже на секунду, — просто впился глазами в дорогу. Но через какое-то время, все еще не поворачиваясь к ней, сказал:

— А ты знаешь, в нашей прихожей, кажется, прописались одни-единственные босоножки.

Она эхом откликнулась:

— Те самые — беззащитного белого цвета?..

ОЙ, ТЫ, МАТУШКА-ЗАРЯ...

У Примы был признанно сильный и красивый голос — колоратурное сопрано. Давно прошли те времена, когда к ней прислушивались и приглаждались: сможет — не сможет? Убедившись в том, что — сможет, перевели в основной состав и сразу дали партию Татьяны в новой постановке «Евгения Онегина». Прима даже знала, кто именно это предложил, — конечно же, Олежек. Олежек — так ласково звали в театре грозного худрука, в противовес его бешеному характеру, втайне надеясь таким невинным способом хотя бы немного этот характер смягчить и «за-

говорить», а может, просто давая разрядку доведенным до белого каления нервам — им же, Олежеком, и доведенным.

Прима знала, что грозный лев вообще готов был пасть к ее ногам, если бы... если бы... Но никаких «если бы» она себе не позволяла и не позволит никогда! Так что его решение дать ей Татьяну — свидетельство благородства его характера, чистого, бескорыстного благородства, которое она так вот неожиданно открыла в нем и которым искренне восхитилась: не часто, ох не часто встретишь такое в артистической среде — в этом она уже давно и стопроцентно убедилась.

Прима приехала в столицу из провинции, из далекого русского села, где всего-то — две улицы вдоль реки, где все друг друга знают и без особых причин отношения друг с другом стараются не осложнять. Когда она впервые столкнулась с театральными нравами, то убедилась, прежде всего, вот в этом: сложнопереплетенные отношения в закулисы никто не только не опасался переплести и усложнить еще больше, но делал это с явным удовольствием, превращая это занятие в своеобразный допинг, черпая в нем энергию и силу для воплощения сценических образов, чаще всего прямо противоположных переживаемым в данный момент чувствам...

Ох, как тосковала она в столице первое время по дому, по родному селу, где все было так тепло и просто! Но...

Все это осталось в прошлом. Прима давно уже жила другой жизнью. Вырваться домой получалось все реже и реже; ее дорогами стали авиатрассы на Вену, Париж, Лондон, Зальцбург...

Зальцбург — именно отсюда в ее театр приезжал недавно прославленный режиссер-постановщик, именно он выглядел Приму и стал настойчиво звать в свой театр, и она уже готова была на это лестное и во всех отношениях выгодное предложение согласиться, как вдруг...

Как вдруг в ее жизни возник этот санаторий и комната проживания на двоих. Для санаторной челяди она, конечно, никакая не Прима, а просто-напросто артистка, каких сейчас пруд пруди. И тех, которые хоть однажды мелькнули в телевизионном ящике в каком-нибудь сериале, знают и любят больше, чем их, артистов оперной сцены. Им, артистам оперы, на сцене надо жизнь прожить, чтобы этот ящик тебя наконец-то заметил, а уж вслед за ним, может быть, начнут узнавать и на улице. Или вот в санатории...

Комната на двоих — это, в общем-то, не страшно, а может быть, даже хорошо, если принять во внимание пожелание доктора «уйти от себя», и против соседки она ничего не имела, вот только...

Вот только соседка эта — увы — оказалась простой и незатейливой, как школьная линейка.

— У вас что? — спросила она вчера, сразу после знакомства. Прима не стала скрывать:

— Голос пропал.

— Эка беда — голос!

У Примы все так и взымнулось внутри, так и рванулось наружу, готовое разразиться криком ли, слезами, но... она сдержала и слезы, и крик, — только покрепче сжала зубы и отвернулась к стене...

Никогда, ничего у нее не было, кроме голоса...

А у него было все!

Были деньги. Деньги, на которые он покупал ей подарки — и она их

не замечала, и которые он давал ей, пока она училась в консерватории, на костюмы. И вот этого не заметить она уже не могла.

Конечно, ей что-то присылали родители, но тех денег хватало только на еду и одеться. Про концертные костюмы она и не заикалась, — родителям, прожившим жизнь при советской власти, и в голову не могло прийти, что учебное заведение, да еще столичное, не может обеспечить их чадо «спецодеждой». Родителям, верно, казалось, что их колхоз рухнуть — мог, а вот Москва... В Москве все должно было остаться по-прежнему, и даже лучше прежнего — на то она и столица.

Пашка не просто давал ей деньги — он давал их с удовольствием. Собственно, он и в столицу-то прикатил из-за нее — из той же Березовки, где их родители жили на соседних улицах, где они все детство играли в одни и те же игры, а потом вместе бегали в клуб на танцы, а потом она уехала учиться в Москву, а он, закончив строительный институт в областном городе, тоже приехал в Москву и устроился на работу, за которую платили большие, по березовским меркам, деньги.

Поначалу Пашка снимал даже квартиру, но потом они решили, что нечего бросать деньги на ветер — лучше купить вахтерше самые дорогие конфеты, и она всегда пропустит парня в общежитие. Соседка будущей Примы часто бывала, с ночевкой, у московской подруги, но и когда не бывала — ничего не имела против появившейся в их комнате раскладушки. А потом раскладушку убрали за шкаф — после того, как Пашка объяснил ей, что любил ее всегда и всегда любить будет, а она — она со временем к нему привыкнет, а потом тоже полюбит его...

Она тогда, после Леля в «Снегурочке» и Любавы в «Садко», репетировала в консерваторской оперной студии Кармен, и приходящий режиссер твердил ей о том, что она слишком зажата, что надо раскрепощаться, дать волю своему внутреннему «я»...

Ну, она и раскрепостилась — во всех смыслах этого слова...

Пашка очень скоро стал зарабатывать приличные — уже не по березовским, а по московским меркам, деньги, и они уже вместе сняли квартиру. А свадьбу сыграли в родном селе. В первый день гуляли у его, потом — у ее родителей. Забыв на время о «партиях», меццо и колоратурных сопрано, она слушала просто голоса и песни, и в который раз поражалась тому, как замечательно все-таки в их селе поют. Кого ни возьми — хоть тетю Веру, отцову сестру, хоть самого отца. Отцу не нужна и сцена — он поет там, где в настоящий момент находится. В праздник, как сейчас — за столом. В будни — прямо в комбайне или на тракторе. В колхозные времена районная газета называла его «поющий тракторист», сейчас называет — «поющий фермер». Мама — нет, эта петь не будет, но не потому, подозревает дочь, что у нее голоса нет, а потому, что стесняется. Мама скрытная, на люди ничего выносить не хочет, даже голоса (говорят, точно такой же была ее мама, а ее, Примы, бабушка, которая давно уже умерла).

Отец же пел сам, и хотел, чтобы пела она, его дочь. И не просто пела, а овладела, в отличие от их с сестрой простецкого пения, музыкальной грамотой, для чего три раза в неделю, пока она училась в школе, возил ее на их стареньком «Москвиче» еще и в школу в музыкальную — в районный центр. Ей не всегда хотелось туда ехать (лучше бы к подружкам сбегать), но отец твердо стоял на своем: «Садись-ка давай, садись. Пора уже кому-то из нас всерьез этим заняться».

Под «кем-то из нас» отец имел в виду еще и бабушку Любу. С бабушкой Любой вот что произошло: после войны в их Березовку приехали ар-

тисты; сначала пели сами, а потом стали слушать жителей, точнее, жительниц села, поскольку никто из мужчин прослушиваться не захотел. Бабушка Люба была тогда молоденькой застенчивой девчужкой; прослушав ее, самый главный из гостей, который сам не пел, а только слушал, сказал: «Поедем с нами. Мы из тебя такую певицу сделаем!». Бабушка, а тогда девчужка Люба, побежала домой отпрашиваться у матери. Та замахала на нее руками, даже передником по спине для верности прошлась: «Какой город? Какая певица? Тебе что — здесь петь не дают? Они там, в городе, тако-о-му научат...».

Тем дело и кончилось. И пела бабушка Люба с тех пор только на колхозной сцене да в застольях. Приглашали ее и на свадьбы — она знала старинные песни, которым еще от своей бабушки научилась. Вот и на ее свадьбе...

Ой, ты, ма-а-тушка-заря,
Рано за-а-муж отдала,
Рано за-а-муж отдала —
На чужую сторону-у...

Бабушка запела, привстав со своего места и поводя руками, как бы сама себе дирижируя. У нее, внучки, мелькнула мысль: ей бы старинное платье и — сейчас на сцену...

На чужо-о-й стороне
Трудно жи-и-ть одной мне...

Мне не трудно, — переключилась невеста уже на себя. — У меня — Пашка...

Сами ста-а-нут вечерять,
Меня по воду пошлю-ю-т.
А я по воду и-ду,
Как голубушка гу-жу...

И по воду ходить ей не надо — вода льется из крана. Пашка вообще старается освободить ее от всех хлопот, — ой, бабушка, замечательная твоя песня, но не про меня, не про меня...

Через год (она едва успела сдать выпускные экзамены и спектакль — выручила широкое платье) у них с Пашкой родилась Татьяна.

Время на передых никто не дал — ее тут же пригласили в театр («Надоели эти худосочные столичные барышни, — нечаянно услышала она голос Олежека, тогда, впрочем, никакого не Олежека, а Олега Григорьевича Колобкова, пришедшего на выпускной спектакль в консерваторию и присматривающего артистов для своего театра. — Эта же — как булочка из печи...»). Она готова была обидеться на «булочку из печи», но вслед за этим прозвучало: «Плюс голос, конечно. Точнее даже, прежде всего — голос».

Она позвонила маме: «Приезжай, выручай». Мама приехала, с удовольствием тетешкалась с внучкой, но выдержала только три месяца, а потом засобиралась домой: «Отец там один отоцает. Или другую бабульку найдет». Внучку она забрала с собой.

Когда родился сын Егорка — родители взяли и его.

И теперь у них с Пашкой собственная квартира — просторная, с хорошей мебелью, с шикарной кроватью карельской березы в спальне вместо раскладушки. Квартира, в которой комната для детей есть, а самих детей — нет...

— На танцы пойдём?

Опять — школьная линейка...

— Да я, собственно...

— Пойдем-пойдем, — не отставала линейка. Прима посмотрела на необъятные — точно уж не линейные — формы соседки и запоздало поинтересовалась:

— А вы — с чем?

— Я-то? А ни с чем. Получила по знакомству путевку, вот и отдыхаю. Ну, может, похудеть чуток хочу. Но только — чуток. Вешалок не долюбываю. Вот ты худоватая (линейка бросила на нее цепкий взгляд), но не вешалка, нет. Формы имеешь.

Форму, — уточнила про себя Прима. — Форму булочки из печи...

На танцы она не пошла, и потом пожалела об этом. «Уйти от себя» доктор велел не случайно; потеря голоса, — объяснил он, — объясняется вовсе не физиологическими причинами. Точнее, они — следствие. Следствие психологического срыва...

О, срыв был еще тот! Срыв был такой силы, что испугалась даже она, при всей своей предрасположенности — как человеческой, так и профессиональной — к эффектным эмоциям. Собственно, эти два понятия — человеческое, профессиональное — она никогда не делила; она просто и жила, и работала постоянной страстью — сделать все лучше всех. «Лучше» — это не значит, всех переплюнуть, заткнуть за пояс; лучше — значит, всем доказать, что она — ДЕРЕВНЯ, булочка из печи, на сцене может все сделать не хуже города, а может быть, в чем-то даже и лучше него. Потому что если уж природа, или Бог, как говорит мама, дали ей чудный голос (она и сама знает, что — чудный, но гордится, опять же, не за себя, а за ДЕРЕВНЮ), так вот, если уж ей достался редкой красоты голос — значит, она просто обязана довести его звучание до совершенства. Иначе — зачем он был ей дан?!

...Перемену в муже она заметила еще до того, как родила сына. Если уж до конца быть честной перед собой, то она должна признать: она и родила-то сына после того, что почувствовала эту перемену, надеясь, как всякая баба, с помощью ребенка привязать мужа крепче к себе. Оказалось — поздно...

С чего все началось? Наверное, с тех же концертных костюмов. Костюмы — шикарные! — давно уже шились за казенный счет. Подарками ее заваливали поклонники...

И Пашка однажды сказал:

— Похоже, я тебе больше не нужен.

Она засмеялась, отшутилась...

Но... чем напряженней становился ее рабочий график, чем чаще становились ее выезды за границу, тем больше мрачнел муж. Она все собиралась серьезно обдумать ситуацию, поговорить с ним по душам, как раньше («Помнишь — ты сам говорил: «Задай им перцу! Докажи!»), но шла подготовка к очень важному выступлению (на нем-то как раз и должны были присутствовать гости из Зальцбурга), и она все откладывала, откладывала...

То выступление стало ее триумфом. Павел на концерт не пришел, сославшись на то, что у него «тоже очень важная встреча», и поскольку это случалось часто (Пашка уже давно и прочно «вписался» в круг московских деловых людей) — она по этому поводу и не переживала.

В тот вечер она пела так, что была довольна сама собой. Театральные

критики, по косточкам разбиравшие ее партии в профессиональном журнале, и представления не имеют о том, что требования, которые предъявляет она сама к себе, непомерно выше тех, что предъявляют они к ней. А тут — была довольна. Но — странное дело — она не чувствовала сопутствовавшего успеху привычного восторга.

Более того, ей вдруг пришла в голову мысль: а ведь она совсем забыла о тех, кто сидит в зале. Она чувствует только себя, слушает только себя... А ведь в зале, в зале... Там сидят люди, у каждого из которых — своя жизнь, и свои планы на будущее, свои радости и свои печали. Однажды на ее концерт приезжали мама с отцом; мама сидела и плакала, и глаза отца были влажными, и именно он потом сказал: «Ты пой, пой... а за ребятишек не беспокойся»...

Когда-то на каждом ее концерте бывал и муж; и вот...

Домой она возвращалась, как это бывало в последнее время все чаще, на служебной машине. Открыла дверь своим ключом (открывать было неудобно — букет был необъятным), но — открыла, зашла, бросила цветы прямо в ванну (ваз все равно бы не хватило), включила воду, села на краешек перевести дух. Вспоминала, какими оглушительными были на этот раз аплодисменты, и как Олежек, зашедший в ее гримерку после концерта, сказал: «Поздравляю. Считаю, что все уже решено»...

И тут в ванну зашел муж. Ни слова не говоря, схватил ее за волосы, и, как курицу-парунью — в воду, в воду, в воду. Она хотела закричать от негодования и возмущения, но быстро поняла, что все усилия надо тратить на то, чтобы не захлебнуться. В какой-то момент он остановился, брезгливо стряхнул с себя капли воды и ушел в свою комнату, хлопнув дверью. Немного придя в себя, она подошла к двери, хотела постучать, но поняла, что ей не откроют. И пошла к себе.

Ночь она пролежала, глядя в окно, и, кажется, совсем ни о чем не думая, только безуспешно стараясь согреться.

И еще в голове звучал бабушкин голос:

А мать сы-ы-ну говорит:
Требуи, сын, жену боби-и-ть...

Она что — все знала? Все предчувствовала? Откуда? И зачем она пела? Надо было — простыми словами, и — фартуком, фартуком ее...

А утром обнаружила, что у нее пропал голос: когда она попыталась заговорить с мужем, из горла вырвались какие-то хрипы и пiski...

Соседка-линейка вернулась за полночь.

— Не спишь?

«Она не была бы линейкой, если бы не спросила», — с неприязнью подумала Прима. После паузы она ответила:

— Нет, не сплю. Ну, что там, на танцах?

— А-а-а... Пропади все пропадом! Надоело!

Линейка плюхнулась на кровать, и вскоре оттуда без умолку понеслась:

— Все надоело, надоело, надоело! Словно не своей жизнью живу! Делаю, что велят, а чего хочу я — никто не спросит. В детстве диктовали родители: учись хорошо, домой приходи вовремя. Выполняла! Теперь диктует муж: найди работу поденежней, домой приходи вовремя... Поденежней, но — вовремя, — ну не смешно ли?

— Но позвольте... Что касается детей — им, наверное, действительно следует приходить домой вовремя.

— Детям — наверное. Но я-то давно в другом возрасте нахожусь! И мне все время кажется, что я для чего-то другого родилась.

— И... для чего же?

— В том-то и дело, что не знаю! А вот вы — знаете? Где вы, кстати, работаете?

— Ой, не надо... по крайней мере — сегодня...

— Как хотите. А я...

Соседка буровила дальше, но Прима вдруг перестала ее слышать. Дети! Она забыла про главное — про детей. Пусть в зале, где она поет, больше никогда не будет мужа, но все остальные, ради кого она поет, должны здесь остаться. Мама, отец. А главное — дети!

С детьми она встречалась только в каникулы. Обычно на это время дети едут к бабушкам и дедушкам, а у них наоборот: в каникулы они приезжали к ней. И тогда она устраивала им сплошной праздник, каждый день куда-то везла: в цирк, детский театр, зоопарк, за город... В этом году Таня пошла в четвертый класс, а Егор в первый. Они еще не так далеко ушли друг от друга по возрасту, их интересовало одно и то же: звери в цирке и зоопарке, сказки на театральных помостках... К вечеру они валялись от усталости, она кормила их и укладывала спать. И уже к спящим подходила, смотрела и не могла насмотреться, и сердце ее плавилось от любви, от вины, от горячей надежды: но когда-нибудь мы все равно будем вместе... Вот только еще то... и только еще это... А уж потом...

С соседкиной кровати вдруг донеслось:

— Детей, что ли, завести? Говорят, когда дети — дурью маяться некогда.

— Не такая уж она и линейка, — думала, после того, как соседка наконец успокоилась и заснула, Прима. — Хотя вот лично ее не спасают даже дети.

Она не просто забыла о тех, кто в зале — она забыла о главном — долге! Ишь, выдумала: доказать! Покорить и столицу, и за границу! А дети?! Сколько можно держать их у бабушки с дедушкой — при живых и здравствующих родителях? Никому и ничего не надо больше доказывать. Хватит!

И надо скорее позвонить домой! Вот, прямо сейчас! Время, конечно, позднее, но утра ей, кажется, не дожидаться...

— Алло, мама? Как вы там?

— Да что с нами делается? Дети спят. А я вот припозднилась... Ты сама-то как?

— Пока все так же... Лечусь. Но я решила...

Договорить Прима не успела, поскольку поняла, что ее не слушают: мама кого-то убеждала не мешать ей говорить. Скоро стало понятно — кого: в трубке зазвучал дочкин голосок:

— Мамочка, здравствуй!

— Здравствуй, солнышко мое! Ты еще не спишь?

— Сплю. Но почувствовала вдруг, что это ты звонишь. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Почти хорошо...

— Вот и замечательно! Ты когда к нам приедешь?

Прима замешкалась лишь на секунду.

— Скоро, доченька, очень скоро.
— Ой, как хорошо! Только знаешь что...
— Что, мой ангел?
— Если тебе надо петь — ты не спеши. Мы с Егоркой подождем. Правда-правда.

Хорошо, что дочка сама положила трубку. И уже не услышала то ли стона, то ли вопля, то ли рычания, вырвавшегося из ее груди.

А потом она — странное дело — уснула. И снился ей сон. Снилось бабушка Люба, которой на свете тоже уже не было.

— Бабушка, откуда ты знала? — спросила она ее про то, что мучило. — Надо было, как твоя мама когда-то: фартуком меня, фартуком!

Бабушка улыбнулась мягко, ласково, но сказала твердо:

— Что ты, внученька. Ты приняла свой голос от всех от нас: от своей прабабушки, от меня, от отца и тетки Веры. И уронить его тебе никак нельзя. Неси его дальше. Неси...

ДЕНЬ НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ

Раиса глядела на свой портрет — и саму себя не узнавала: неужто и вправду была такая? Волосы вьются, глаза веселые-превеселые... А сейчас? От пышных кудрей осталась только короткая стрижка («Выше стриги», — сказала она районной парикмахерше; та удивилась: как это — выше? «Ну, короче», — поправила Раиса). И глаза уже как пеплом присыпаны. А щеки... в зеркало страшно заглянуть...

Только ведь жить-то надо! А жизнь с каждым днем становится все трудней. В доме убирает, слава Богу, приезжающая из города дочь. А огород? Сажает его, опять же, она, дочь Вера, но до выходных огурцам-помидорам без полива не дотянуть. При жизни мужа доброе слово в его адрес Раиса говорила редко, а теперь как выходит к грядкам, так и скажет то про себя, а то и вслух: как хорошо, что САМ воду в огород успел завести. Она, Рая, отвернет кран, наберет воды в старую ванну, а из нее черпает небольшим пластмассовым ведерком, а из ведра — кружкой. Так, глядишь, и польет.

...За что она мужа при жизни не любила? А — пил. А, выпивши, становился не просто злым — жестоким. Разве забыть, как летела на пол посуда, какие грязные слова обрушивались на ее голову? Что на ее — дети стояли рядом, захлебывались слезами...

А еще — по бабам бегал. За Стешей последовала Катя, за Катей — Фаина... Последнюю особенно трудно было простить. Ни кожи, ни рожи, грязной юбкой трясет...

И так — всю-то жизнь! Кажалось — никогда о прошлом не пожалеет, а вот поди ж ты...

Когда первый раз поймала себя на этом странном и непривычном чувстве — жалости, сожалении ли — нашла ему чисто бытовое, хозяйственное объяснение — хозяйство без мужа рушиться стало. Знающие люди говорили: так всегда бывает, когда хозяин из дома уходит. Крыша у много лет стоявшего и исполняющего свое назначение сарая вдруг прогнулась, как старческая спина; хлев, в котором давно уже не было коровы (зато куда как хорошо жили куры), накренился — пришлось просить соседа подпереть тыльную его сторону бревнышками. В доме пол щелями пошел... И разве находишься к соседям с просьбами о помощи?! Вот ког-

да она вынуждена была признать: не шибко, не торопко, а все-то по хозяйству Михаил исполнял, как надо: и крышу вовремя подправлял, и стену, где и просто — гвоздь вбивал, да тот гвоздь разруху удерживал, все, что из дерева сделано, крепил...

Из-за огорода у них с дочерью вовсе тяжелый разговор случился: Раиса настаивала, чтобы картошкой, как и всегда, все пятнадцать соток засадить, а дочь предлагала посадку резко сократить:

— Разве мы с тобой теперь осилим столько? Посчитай-ка, сколько тебе лет. Да и я уж немолода. Сажать что — Таю с Камчатки пригласим?

— Ну, поди-ка и в свое селе кого найдем, — выдвинула веский, как ей казалось, аргумент Раиса.

— Кого? Трезвых мужиков днем с огнем не найдешь. А которые все-таки трезвые — у тех своих забот по горло.

Ух, и тошнехонько стало Раисе! Без картошки за всю ее жизнь усад ни разу не оставался, а теперь что же — бурьяну его отдавать?!

Вечером Вера уехала в город, а она вышла на задворки (кладбище — вон оно — через Полин огород) и выдохнула со слезой:

— Все, не могу больше! Бери уж меня к себе!..

Одна-одинешенька на всем белом свете — вот что почувствовала она про себя.

А тут еще, перед самым днем Победы, принесли деньги. «Победные» — так называли их в селе. Получать эти «победные» особо было уже и некому: два ветерана да семь вдов на все село осталось. Хотели собрать этот невеликий народ в ДК, да не все оказались ходячими. Она, Раиса, дошла бы, но коль другим на дом обещали принести, пускай и ей несут. Пришла председатель сельсовета (не по душе Раисе новое название сельской власти — глава) да бухгалтер. Сказали полагающиеся в этом случае слова и оставили на столе конверт с деньгами. И первый раз в жизни Раиса деньгам не обрадовалась. Это она-то, которая всю жизнь выкраивала копейку, чтобы скопить рубль, а рубль — в сотню, а сотню — в заветную тысячу, представлявшуюся ей верхом богатства.

И вот — сразу пять тысяч принесли, а Раиса сидела, смотрела на них, и опять непривычную думу думала: а ведь от денег счастье-то, оказывается, не зависит. Вон поглядишь на нынешних олигархов — купаются в деньгах, а лица — неприступные, озабоченные, иной раз вроде и с улыбочкой, да улыбочка та к лицу словно приклеенная. И счастливых среди них — нету...

Вот и она, Рая, сидит, смотрит на конверт (у них — миллионы, а для нее и пять тысяч целое состояние), смотрит и думает о том, что — никаких денег не надо, а лучше были бы живы ее братья, Алеша да Николай. Таких братьев, какие у нее были — поискать! Бывало, нацелится она на улицу, мама начнет ворчать, а Алеша:

— Пусть идет, я сам все дела сделаю.

И действительно: и посуду мыл, и полы — как девчонка. И, как девчонка, был красивый. Мама — голубиной кротости душа — нарадоваться не могла на сына, а тятя ворчал: «Станет ли когда-нибудь мужиком?».

Мужиком Алеша стал быстро и неожиданно для всех. Однажды (он уже закончил семилетку и по вечерам провожал с бревнышек ровесниц), Алеша пошел с товарищами в карты играть. Отец узнал — и так пробрал его! Даже замахнулся, хотя и не ударил. Раиса, случившаяся рядом, во все глаза глядела на мужиков (вот тогда она и назвала про

себя брата Алешу мужиком). До сих пор было так: если кто-то из детей провинился, тятя грозно спрашивал: «А ну-ка, где моя большая рукавица?». Тятя ладонь была чуть поменьше лопаты, его зимняя рукавица выглядела внушительно, и никому не хотелось почувствовать ее на своей спине...

На этот раз про рукавицу речи не зашло. А на другой день брат исчез из дома. Через какое-то время деревенские заметили его в Нижнем. Тятя с мамой собрались, поехали туда, отыскивали блудного сына. Но тот возвращаться домой наотрез отказался:

— С вами пожил — и хватит. Теперь САМ хочу!

Дома он появился уже в войну: высокий, еще больше красивый — в строгой-то военной форме, с медалями на груди. Вечером во время застолья отец (не от него ли сын характер и перенял?) кряхтел, сопел, но все-таки выжал из себя:

— Ты уж того... не держи зла.

Ух, как взорвался Алеша! Поднялся за столом во весь свой немалый рост, схватился за кобуру... Так до утра отец домой и не зашел. И тому и другому казалось, видно, что жизни впереди еще много, успеют — помирятся...

Утром пошли провожать брата в Ладу. Пока ждали поезда, Алеша вдруг исчез, а через недолгое время вернулся с... платьем в голубой горошек:

— Это тебе, сестренка. Носи да помни.

Рая все думала: снял у кого с веревки? Или все же купил?..

А вскоре в дом пришла похоронка. Мама как надела на голову темный платок — так и не снимала потом всю жизнь...

А Николай, Николая, как звали его в семье, был талант! Играл на гармошке, рисовал портреты (чуть ли не всю деревню перерисовал), хорошо чинил обувь. Именно это, последнее, его умение и понадобилось во время войны: Николаю призвали в армию, а через какое-то время дома получили письмо, в котором он извещал, что находится аж в самой Москве, живет — лучше некуда, и занятие его — чинить солдатскую обувь — привычное и совсем необременительное. Мама тихонько радовалась: ну, хоть этот под немецкую пулю не попадет...

Под пулю Николая и вправду не попал. Но на третьем году войны пришлось в дом письмо, написанное уже не его, а чьим-то чужим почерком. Из того письма стало ясно, что про жизнь «лучше некуда» Николая сочинял, а на самом деле — заболел от недоедания и тяжелой работы. И умер... «Жил я с вашим сыном в одном бараке, сказать про него могу только самое хорошее. Главное — уж больно добрый и совестливый он был», — читала Рая то письмо вслух, не совсем еще написанное понимая. Отец слушал с неподвижным лицом, а мама... мама, когда она дочитала последнюю строчку, убралась на печь, да и пролежала там целую неделю с температурой под сорок...

Так что если бы ей сказали: верни деньги назад, а мы тебе твоих братьев вернем — она бы еще и своих, на смерть скопленных, добавила. Только где найти такого волшебника?!

А сама Рая от войны убежала. Ее и еще двух девчонок из деревни увезли в Саров — на токарей учить, слесарей, фрезеровщиков. Некоторые из ровесниц и впрямь хорошо усваивали мужские профессии, а ее, Раю, от них с души воротило. Все понимала: мужики на войне, надо кому-то их у станков заменять, но — ничего поделывать с собой не могла. Да и по

дому тосковала так, что каждую ночь он, родимый, снился. Феня, подружка, была такой же. И вот когда посадили девчонок в поезд, чтобы везти к месту работы — на Урал, задумали они с ней сбежать. И сбежали! Две недели домой пешком шли — крадучись, по ночам (днем в стогах отсиживались да отсыпались), и дома еще боялись — а ну, арестуют по военному времени.

Вместо ареста их снова увезли — на этот раз лес валить. До осени на лесоразработках пласталась — и сбежала опять. А, вернувшись в деревню, поддалась на уговоры вербовщика и уже сама написала заявление в педучилище, рассудив: нет, не судьба видно — дома жить, надо от мамы уезжать...

Так и стала учительницей, и всю жизнь потом учила ребятню читать и писать. Работать ее послали в соседнее село. Там она и встретила Михаила. Он только с войны пришел — молодой и, как брат Алексей, красивый.

Но счастья не получилось...

Что счастья — самой жизни не получилось! Какая это жизнь, если мужик что ни день — пьяный, если любая вертихвостка поглядывает на тебя насмешливо да свысока? От этого в доме каждый день — бои да баталии. Что она, не знает, почему Тая на Дальний Восток уехала? «Надоели вы мне хуже горькой редьки со своими скандалами»... С одной стороны, конечно, ее туда распределили после окончания института. Но ведь могла бы вернуться, как это сделали многие ее подружки. Нет: «надоели вы мне хуже горькой редьки»... Только раз в год и приезжает домой с мужем и детьми. Муж неплохой, непьющий, хотя и не очень по нраву ей, теще, пришедшийся: все чего-то молчит, все чего-то думает...

Но уж лучше такой, чем никакого, как у Веры!

Вот, только вчера она сказала дочери: «Вышла бы замуж — было б кому картошку сажать». На что услышала: «Чтобы жить потом, как вы с отцом прожили? Нет уж, спасибо».

И что странно: как они, обе дочери, по отцу горевали! Она даже обиделась на девок: что, все разом забыли? Как пил, как матерился, как из дому гонял?

Девки в ответ молчали. Но однажды залетная Тая ровно бы ненароком заметила: «Была бы сама помягче»...

— «Помягче»? — удивилась она. А потом и опять обиделась:

— Это с какой стати помягче-то? Если кругом виноват?

— Вот-вот — ты всегда права! Ты одна знаешь, как надо правильно жить!

Много времени пройдет, прежде чем Раиса спросит себя: а может, младшая дочь и права? Она ведь и впрямь всю жизнь думала, что у счастья только одно обличье — такое, какое мерещилось ей самой. Не пьет, не бегаёт на сторону — это, во-первых. На хорошей работе состоит — это, во-вторых. А тут — ни первого, ни второго. Ни третьего. Потому что с хорошей работы — заведующего гаражом (и всю жизнь потом сам баранку крутил) — его поперли за пьянку, а третьего — уважительного отношения к жене — сроду не было. «Потому что ты никогда его не любила», — выдала однажды та же залетная (она всегда была резче Веры) дочь. Раиса аж задохнулась от обиды: «Да за что ж его было любить-то?»...

Дочь уехала, а она стала думать. Вспоминать. Вспомнила, как вместе

с Михаилом в один и тот же день вернулся с войны Симка, Серафим — по всем статьям не хуже его, Михаила. Мало того, Серафим (Симкой его уже и родные перестали звать, поскольку он должен был ехать учиться в военное училище на офицера), перед отъездом Серафим спросил ее, тогда кудрявую и веселоглазую: «Поедешь со мной?». Она поглядела на белый-пребелый воротничок парадного кителя и испугалась: а сумеет ли так чисто ему стирать? Теперь смешно, а тогда всерьез испугалась...

Вспомнила и колхозного счетовода (она еще в родительском доме жила, приезжала из училища на каникулы). Однажды в колхоз приехала комиссия, и тятя, завхоз, послал их на склад за медом — той комиссии в гостинец. Там, на складе, счетовод (имя теперь и не вспомнить) сказал: «Раечка, ты сама как мед... пойдешь за меня замуж?». «Еще чего, — решила она. — Это получается — так и останусь в своей деревне. Не-е-е, хочется в судьбе перемены...».

И сменяла — шило на мыло... Вышла за Михаила и стала ждать счастья...

Маленькие девки были послушными, а как вошли в возраст... Залетная Тая что думает, то и говорит. Вера, конечно, помягче, но тоже что-то пытается ей доказать. Книжки всякие, как бы ненароком, оставляет дома. Читает Раиса уже мало и редко, а тут открыла как-то одну, а там строчки, подчеркнутые карандашом: «Свет должен исходить от тебя. Не жди, что он придет откуда-то еще». Поначалу решила: мудрено сказано, этого ей не понять...

Или вот еще: «Изменив свое отношение к прошлому, мы меняем будущее...». Еще мудренее, — хотела отмахнуться. И тут что-то забрезжило — в голове ли, в сердце ли. Вдруг подумала: что-то внутри себя она должна сделать. Какие-то узелки распутать, какие-то нитки связать. Вот, например, сколько живет, столько и думает: почему Алеша тогда не простил отца? Ведь уже мужиком стал, войны успел хлебнуть...

А может, как раз поэтому? Сколько раз Раиса вспоминала тот его последний приезд домой, с фронта: да, красив был Алеша по-прежнему, а вот глаза... Кака-то чужинка в них появилась, будто обожгло их горячим пламенем: все свое, родное, ласковое то пламя выжгло, а чужинка — тут как тут, будто только этого и ждала...

Но она-то тут при чем, Раиса? Что она может теперь изменить в том, что прошло давно и безвозвратно?

Подожди, подожди, — вдруг сказала сама себе. — А ведь Михаил-то — на той же войне воевал. Тем же пламенем его обжигало. Может, не зря ее девки всю жизнь корят за то, что мало его любила. Может, и вправду — будь она помягче да поласковой...

Э, да что теперь об этом говорить! Поздно уже что-то менять, поздно! Ей уже и впрямь: пора к Михаилу под бок!

А ночью он ей приснился. Да чудно так: будто идет — по их, по родному, огороду — в одной галоше, а она ему говорит: «Ты что в одной-то? Давай и другую наденем». И помогла надеть. Всю жизнь точила, пилила, уязвляла, а тут — вдруг помогла... А он ей будто бы говорит: «Ты ко мне не спеши. И себя не одиночь. Думаешь, дочерям не нужна? Еще как нужна. Да они об тебе больше, чем обо мне, жалеть будут. Какой я был, сама знаешь. А ты пироги им пекла. Обновки из Москвы привозила. А что диктовать любила... Так это только по молодости не по нраву, а потом человек даже рад, когда ему дорожку показывают».

Утром она проснулась и подумала: всю жизнь прожили рядом, да были поврозь. А теперь будто и встретились.

Господи, что же не раньше?..

ЛЮБОВЬ ЦВЕТА БАБОЧКИНОГО КРЫЛА

Взрослые живут неправильно. Эта простая мысль пришла внучке в голову, когда она слушала, как ссорятся мама с бабушкой. Наверное, это была не совсем ссора — мама отчитывала бабушку, как строгая учительница двоечницу, а бабушка стояла и молчала, опустив голову и глаза.

«Мы с бабушкой в одинаковом положении, — думала внучка. — Утром мама отчитывала меня, а теперь — ее. Но разве можно отчитывать старших? Именно она, мама, говорила сегодня утром, что старших надо слушаться. А сама?! И что же получается: когда она, Инга, вырастет, у нее тоже появится это право — отчитывать свою маму?!

Как трудно понять этих взрослых!

А главное — она, Инга, вовсе не хочет маму отчитывать — она хочет ее любить!

Лучше мамы никого на свете не было!

Мама жила в другом — большом — городе и училась на художницу. И рисовала цветы. Цветы на ее картинах были, как люди: они улыбались, грустили, разговаривали друг с другом, шептали друг другу на ухо всякие тайны... Мама оставляла эти картины в бабушкином доме, когда приезжала ненадолго. Все остальное время они с бабушкой маму ждали. Когда ожидание становилось нестерпимым, Инга начинала канючить и хныкать: когда, когда...

— Скоро, — говорила бабушка. И для того, чтобы ожидание сделать еще более легким, добавляла что-нибудь еще, какую-нибудь приятность. Например: знаешь, мама привезет тебе такое красивое платье! Как у Золушки на балу!

— И я буду совсем как Золушка? И когда побегу к карете — тоже потеряю хрустальную туфельку?

— Конечно. Ведь в сказке было именно так. Пусть будет как в сказке...

Со сказки начинался обычно каждый их день. У Инги был плохой аппетит, и бабушка придумала вот что: рассказывала ей какую-нибудь историю, например про то, как ночью в дом заползла черепаха, и что она вытворяла, пока они, обитатели дома, спали. Или про то, как лягушка-путешественница упала однажды в их двор, прямо на клумбу с цветами, а кот Василий, случившийся рядом, сначала страшно испугался, а потом решил завести с пучеглазой гостью знакомство. Внучка слушала, в буквальном смысле разинув рот, в который очень удобно было совать ложку с кашей. Что бабушка успешно и делала.

В обед опять была сказка. И в ужин — тоже. А перед сном...

Перед сном было самое интересное. Потому что они, уже вместе, сочиняли сказки про маму. И тут им здорово помогали мамины картины. Они разглядывали нарисованные ею цветы, и фантазировали, фантазировали... Вот, например: однажды один цветок — пион — (мама рисовала

его особенно часто, и всегда он получался у нее ярким и пышным — как сказочный герцог) стал вдруг расти, расти и превратился в галантного кавалера. И сделал маме предложение, предварительно подарив ей руку и сердце. И мама стала жить в большом городе не одна...

В один прекрасный день сказка стала явью: мама действительно приехала из города не одна. И заявила, что они с Артуром (пиона звали Артур) забирают ее с собой.

Артур оказался совсем не таким, каким они с бабушкой его насочиняли: ни гордой осанки, ни стати. Длинный и тощий. Не пион, а какой-то фасолевый стручок...

Фасолевый стручок повез их с мамой на море. Море Инга видела в своей маленькой пока жизни в первый раз. Все было так замечательно! Море — до неба, неба — рук не хватает обхватить, и мама с Артуром плавают наперегонки. Она пытается их догнать, и несколько раз ей это удается...

Она подозревала, правда, что взрослые пловцы сдавались специально, ну и пусть! Им приятно сделать приятное ей, а она просто счастлива оттого, что они с мамой, наконец, вместе, и Артур такой же молодой и сильный, как мама. Конечно, ей хотелось бы, чтобы на месте Артура был ее настоящий отец, но мама сказала твердо: «Никогда не спрашивай про него! Когда вырастешь — я все тебе расскажу сама».

И они опять бежали в море... Солнце, брызги, волна... С бабушкой не очень-то поплаваешь, она больше на берегу предпочитает сидеть.

Хотя, если честно, по бабушке Инга тосковала тоже. Раньше — по маме, теперь — по бабушке... Почему мама так странно смотрела на них — бабушку и деда — там, на вокзале?

Бабушка с дедом отвезли их на станцию; отъезжающие сели в вагон, провожающие стояли на перроне. И друг на друга смотрели. Бабушка с дедом — с грустью, а мама... Мама — как-то странно. Так смотрят на старую обувь: носить нельзя, а выбрасывать жалко...

Когда поезд тронулся, Инге захотелось плакать. Но мама почему-то вдруг засмеялась, затормошила ее, и она, желая отозваться на этот призыв, засмеялась тоже...

А осенью началась школа. И Инга никак не могла заставить себя учиться хорошо. Особенно трудно давалась ей математика: ну, не могла она постигнуть, почему три умножить на три — будет девять. Или четыре на четыре — шестнадцать.

Какое это имеет значение — сколько будет? А если это не имеет значения и смысла — зачем это знать? Значение имеют совсем другие вещи... Но мама кипятилась:

— Говорила же — занимайтесь с ребенком, готовьте его к школе! Нет, они сочиняли сказки!

Неожиданно подал реплику сидящий за компьютером Артур:

— Ну, вообще-то главная задача бабушек и дедушек — любить.

Мама посмотрела на мужа удивленно. А она, Инга, вдруг подумала: и никакой он не стручок — он волевой, умный и очень интеллигентный мужчина! Да-да, она уже знает, что означает это слово — интеллигентный. Это значит — у человека умная не только голова, но и сердце. Чтобы умной была голова — надо много читать. А вот как сделать умным сердце... нет, этого она пока не знает.

Приезжать к бабушке они стали, как когда-то мама — только в отпуск. И поначалу все было замечательно. Но к концу отпуска — чувствовала Инга — в доме возникало напряжение. Мама словно уставала жить тихо и мирно, ей хотелось все вокруг себя взбудоражить. Вот и этим летом...

— Ты неправильно воспитала дочь! Она несобранна, неорганизована...

Бабушка что-то лопотала в ответ; кажется, она повторила Артуровы слова, что, мол, она и не воспитывала вовсе, она просто любила, на что мама обрушилась с пущим пылом:

— Ребенка надо не просто любить — к нему надо предъявлять требования!

Ах, как жалко, что рядом не было Артура! Он бы напомнил маме...

Инга переводила глаза с одной на другую, потом решила попросить:

— Мамочка, не надо!

— Замолчи! Тебя не спрашивают!

И она, Инга, убежала на крыльцо. Смотрела сквозь слезы на бабушкин огород и думала: ну почему, почему так: цветочный язык мама понимает, а бабушкин — нет?! Она догадывается, когда мама его поймет: тогда будет уже поздно. А понять надо сейчас, пока все на одной земле...

Рассерженная мама ушла к подруге, а бабушка вышла к ней на крыльцо. Теперь они сидели уже вдвоем. Инга знала, что думают они об одном и том же, и ничуть не удивилась бабушкиному вопросу:

— Ты думаешь, во всем виновата мама?

— А кто же?

— Я.

— То есть как ты? Она же так себя вела...

— Вот как раз в этом я и виновата... А кто же еще? Она же моя дочка. И все дело в том, что она еще маленькая.

— Маленькая? Родила меня, вышла замуж за Артура, и — маленькая?

— Понимаешь, возраст определяется совсем другим. Боюсь, что ты этого пока не поймешь. Хотя (бабушка улыбнулась) для своих лет ты удивительно умна.

Помолчали. Потом Инга спросила:

— Так что же теперь делать?

— Ждать. Ничего другого не остается.

— А... если ждать придется долго? Ты... не разлюбишь ее?

— Что ты! Этого никогда не случится! Тем более что...

Теперь замолчала бабушка, но внучка поторопила ее:

— Что — тем более?

Вместо ответа бабушка взяла ее за руку и повела в дом. Здесь она вынула из шкафа очередную мамину картину и, поставив ее на стул, сказала:

— Смотри.

Инга смотрела. На картине был изображен целый букет самых разных цветов. Что удивительно — некоторые из них были вовсе даже не цветами. Нет, в центре картины красовался, конечно, любимый мамин цветок — пион, и бабушка сказала по этому поводу:

— Правильно, он и должен быть в центре, поскольку самый пышный и самый основательный...

А вот вокруг пиона хороводились цветы, напоминающие... птиц, рыбок, зверей. В бутоне одного цветка спала Дюймовочка... На стебле другого дрожала крыльями стрекоза... А белый (сахарно белый!) цветок, расположенный мамой чуть на отшибе, напоминал танцующую балерину. К нему — белому — летела бабочка яркого желто-оранжевого, солнечного цвета.

— Тебе не кажется, что эта балеринка похожа на тебя? — спросила бабушка.

— Кажется! — восхищенно вздохнула внучка. И, еще раз вздохнув, добавила:

— Теперь я знаю, какого цвета бывает любовь.

ТОНКИЙ СЕРПИК ЛУНЫ

Большой город принял его, и стал считать своим.

И он за долгую жизнь тоже успел его полюбить. Эта любовь началась еще в студенчестве, когда он, никакой еще не профессор — просто студент, мальчишка, приехавший из далекого и маленького воронежского городка, убежал с лекций для того, чтобы бродить по улицам, музеям и выставочным залам большого города; в какое-то мгновение этих похождений стало понятно, что — влюбился, что в родном его городке нет и тысячной доли того, что можно увидеть, узнать и почувствовать здесь, и что надо приложить все силы к тому, чтобы остаться в большом городе навсегда.

Так и случилось. Из студентов он стал доцентом, потом — преподавателем, потом — преподавателем с профессорской степенью, а когда его волосы начали сесть, к званию «профессор» было добавлено определение «почетный». Коллеги уважали его за обширную эрудицию, руководители кафедры — за то, что не только безропотно, но даже с удовольствием вез тяжелый воз преподавательской работы, и все вместе любили его за то, что к праздничным датам и юбилеям он мог написать приличествующие случаю стихи, что обладал неиссякаемым чувством юмора — в его присутствии всем становилось почему-то легко и просто, собеседники, словно по мановению волшебной палочки, превращались вдруг в школьных друзей...

Но уже на другой день после того, как его не стало, в Большую аудиторию, в час, отведенный расписанием для него, пришел другой преподаватель. Да, он сказал о нем несколько добрых и, конечно же, искренних слов, выдержал печальную паузу и... начал лекцию. Только слова летели, кажется, в пустоту, — ну, не могли ребята забыть о нем так скоро! Уже случалось: и в прошлом, и позапрошлом году он попадал в больницу с гипертонией, но через две-три недели снова входил в аудиторию — неизменно легкой походкой, несмотря на свои семьдесят, с неизменной улыбкой на устах... Впрочем, почему только устах? Когда профессор улыбался — менялось все его лицо, менялось так, словно в нем возникало (от какого генератора? при помощи каких энергий?) какое-то дополнительное освещение...

Да, вот они-то, студенты, и помнили его дольше всего. Особенно — Анечка, которой он однажды — вопреки всем своим убеждениям и правилам (его любовь к «своим ребятишкам», как и к большому городу, была бесконечной, но и требовательной тоже — он всегда ставил в зачетку ту оценку, какой заслуживал ответ), но Анечке... Анечке он поставил «пя-

терку» тогда, когда она и на «три» ответить не смогла. Протянула дрожащей рукой билет и... заревела.

— Анечка, что с тобой? — спросил он. И она призналась в том, о чем не сказала еще ни матери, ни отцу:

— Алексей Николаевич, я... беременна.

Только одну минуту он молчал, глядя на нее так, как умел только он — серьезно и ласково (вот за это они его, наверное, и любили: серьезно умел смотреть всякий преподаватель, а вот ласково... это не всякий родитель умеет); посмотрел и сказал:

— Давай зачетку.

И в нужной графе, на нужной строчке вывел твердое «отл». И размашисто расписался. И потом еще сказал:

— Умница. Просто умница!

Откуда ей было знать, почему он так сказал? Об этом знали только он сам, его бывшая жена и другая Анечка — вторая жена профессора.

Бывшая жена профессоршей была классической, умевшей одеваться, держать и подавать себя как дама из высшего общества. Собственно, этим она его, вчерашнего провинциала, и покорила. Его она тоже научила одеваться и держать себя, а вот подавать... нет, к этой науке он остался глух, несмотря на все ее старания. Лера тоже работала на кафедре (занималась бумажными делами), весь профессорский и преподавательский состав знала вдоль и поперек; нередко она ему говорила: «Что — Н. умнее тебя? Или М. образованнее? Да ты умнее и образованнее их всех, вместе взятых! Но цену себе не знаешь».

Он и не хотел знать никакой «своей цены» — его больше занимала политика ценообразования в целом государстве, а также просчеты и возможности государственных систем, ему было интересно, ему было интересно, чем кончится очередной экономический (не только, впрочем, экономический) эксперимент в родной державе. Наверное, он и впрямь много знал, если послушать его приходили студенты даже с других, не только экономических, факультетов, и дело было, может быть, даже не только и не столько в знаниях, сколько в том, как он их преподносил: цифры и факты в его лекциях обрастали такими подробностями и деталями, что создавалось впечатление — он жил и в средневековой Европе, и в Америке, когда там шла война между Севером и Югом, а уж в России... В России он жил всегда, пережив вместе с ней все ее взлеты, падения, опять взлеты... Словом, в словах Леры было много правды, и ее очень даже можно было понять, когда она говорила:

— Это замечательно, что ты защитил кандидатскую. Но не пора ли...

— Успеется, Лерочка! — беспечно перебивал он жену и они отправлялись на очередной спектакль или концерт, и там, в наполненных сдержанным гулом залах, гулом, который готовно замирал при виде расходящихся полотен занавеса, он чувствовал, что жизнь его полна во всех смыслах. Любимая жена, любимая работа, любимые студенты...

Единственное, чего ему не хватало — детей собственных. Всякий раз, когда он с женой заводил об этом разговор, она отвечала:

— Прости, но я никак не могу забеременеть. Мне обещали хорошего доктора; вот, подожди, пролечусь...

Время от времени она ненадолго исчезала из дома, объясняя свое отсутствие как раз этим: «Прохожу курс лечения».

Однажды, во время одного из таких курсов, он пришел утром на ка-

федру и встретил пронизательные глаза Ариадны, преподавателя зарубежной философии и лучшей подруги жены.

— Что — опять лечится?

— Увы...

— В какой же больнице? Точнее — в каком отделении?

Голос лучшей подруги был откровенно ироничен.

— Собственно... Извини, я не знаю. Она никогда не говорила мне адреса...

— И не скажет! — так же откровенно запальчиво сказала лучшая подруга. — Лапин, ты все постиг в экономике. А вот в жизни чего-то не понимаешь. Такое слово, как аборт — оно тебе известно?

Наверное, именно тогда что-то впервые произошло с его сосудами: пол кафедры вдруг закачался, как палуба корабля, его затошнило... Но он быстро с собой справился. И услышал, как лучшая подруга жены отчеканила:

— Никогда никого не предавала. И не продавала. Но тут случай особый: уж больно она завралась... Тебе сказать адрес?

Как во сне, сел он в автобус, приехал к нужному (точнее — совсем не нужному) зданию, поднялся на второй этаж и увидел табличку «Гинекологическое отделение». Нянечка, открывшая дверь, неприветливо спросила:

— Вам кого?

Он назвал имя и фамилию.

Вскоре жена показалась в коридоре: бледная, но в кокетливом халатике, с покрашенными яркой помадой губами.

Увидала его и остановилась...

Вот уж кто совсем не был похож на профессорскую жену, так это другая Анечка, Анна Ивановна Свешникова, вторая его жена, ставшая профессоршей на закате своей жизни. А на ее рассвете она была просто бухгалтером.

Анечка любила быть незаметной. Одевалась она так, что подруги все-ррез беспокоились: «Ты не боишься, что твой механик уйдет к другой?». Она беспечно махала рукой: а-а, не в том они возрасте, чтобы друг от друга бегать. У них уже дочь взрослая...

Анечка любила не говорить, а слушать. В окошечко кассы, через которую она выдавала зарплату ученым людям, нередко попадали обрывки таких интересных высказываний! Она скоро поняла, что ей и газет читать не надо: в газете будет длинная и нудная статья, которую за один присест еще и не одолеть, а здесь... «Украл пирожок — сиди, украл несколько миллионов — получай должность и власть»... Вот когда она поняла, что демократия в стране все-таки утвердилась. Уродливая, уходящая в болтовню демократия, но все-таки... не сажают же. Как когда-то ее отца...

— Лапин, ты опять едешь на свою любимую родину?

Этот вопрос она слышала в начале каждого лета. Он адресовался симпатичному (симпатичному из-за его глаз — ласковых и серьезных одновременно) профессору. И каждый раз тот неизменно отвечал:

— Непременно поеду!

— Но ведь бывший студент пригласил тебя в Аргентину. Знойное солнце, синее небо, ласковое море...

Думала ли она тогда, что придет время, когда она будет ездить на его родину вместе с ним?

А такое время пришло — совсем неожиданно, без всяких усилий с ее стороны. Однажды он пришел получать зарплату позже всех, и был — всегда такой бодрый, такой энергичный — непривычно рассеянным. Даже, пожалуй, грустным.

— У вас что-то случилось? — участливо спросила она.

Какое-то время он смотрел на нее озадаченно, словно удивился такому к себе вниманию. Но ответил в своем духе — весело и непринужденно:

— Знаете, кашу варить некому по утрам.

— А хотите — это буду делать я?

Сто раз она потом спрашивала себя: ну, как могла сказать такое почти незнакомому человеку? И не могла на этот вопрос ответить.

Нет, одна из причин, конечно, была в том, что на тот момент своей жизни она тоже осталась одна. Подруги напророчили: однажды муж пришел домой не один и страшно удивился, увидев здесь Анечку: «Разве ты... не на работе?». Не испугался, а — именно удивился. Она не стала разыгрывать сцен — просто ушла к дочери и домой уже не вернулась...

И все-таки это была только часть правды; другая часть заключалась в чем-то другом. В чем — она поймет позже. А в тот вечер она пришла к нему (он тоже не сразу смог объяснить себе, почему пригласил ее — почти незнакомого человека — к себе), пришла и сварила кашу, потом пожарила картошку, а потом они пили вино и разговаривали обо всем на свете. Когда это повторилось во второй, в третий, а потом уже бесчисленный раз, она нашла, наконец, вторую часть ответа: ни с кем ей еще не было так легко и — так интересно. Так что к тому времени, когда дочь спросила ее: «Зачем тебе этот старик?», она уже знала ответ...

Знала и то, что у дочери долго задерживаться не стоит. Та молода, ей надо устраивать свою личную жизнь. Дочка, правда, с этим не спешила, но ведь все может измениться в одночасье...

На его родину они стали ездить каждое лето. И каждый их приезд неизменно начинался с ремонта родительского дома. Причем чаще всего все приходилось делать (подкрашивать, подмазывать, подклеивать) ей одной, потому что профессор с утра обычно «ушивался», как говорил он сам, в «обход». За долгую жизнь в большом городе он не забыл никого из своих школьных друзей, как и они не забыли его; вот почему, уйдя из дома после завтрака, он мог вернуться только к ужину. Она не обижалась, — как можно обижаться на ребенка, пусть и большого? По вечерам, после «обхода», а потом после ужина, профессор садился в грушевое кресло (кресло из грушевого дерева) и начинал:

— Представляешь, Анечка, в этом кресле сидел когда-то мой дед, потом — отец, теперь вот...

— Вижу — ты.

Она отставляла вязание, чтобы минутку полюбоваться его мечтательным лицом и потом сказать:

— Ты мне уже рассказывал о них, но я опять не прочь послушать.

— Я тебе рассказывал, что дед был директором одной из школ в нашем маленьком городке. Потом он уступил место своему сыну — моему отцу. А вот что касается прадеда...

— Ты знаешь и о нем?

— Отец мне рассказывал тихонечко...

— Тихонечко — почему?

— Ну, ты тоже про своего отца дочери громко не говорила. Хотя он до ареста был нормальным советским служащим... А мой прадед, Аким Сергеевич Лапин, в свои молодые годы служил власти царской, исполняя обязанности надворного советника при тамбовском губернаторе. Но всю жизнь сначала дед, а потом отец, заполняя анкеты, в графе «происхождение» писали: «пролетарское». Рисковали, конечно. Но как-то пронесло... Самое интересное то, что они почти не врали!

— Как же не врали, если...

— Дело в том, что еще до всех революций — и семнадцатого, и пятого года — мой странный прадед добровольно бросил все нажитое и... ушел странствовать по Руси.

— Как это — странствовать?

— Представь себе, что это занятие в те времена почему-то нравилось многим! Во всяком случае, в одной из пекарен соседнего, такого же маленького городка, мой прадед работал некоторое время с таким же бродягой — Алешей Пешковым.

— Который потом стал Горьким?

— Ты у меня просто умница, настоящая профессорская жена. Когда-то я думал, что профессорши должны быть другими, но теперь знаю точно — только такими, как ты!

Настоящая профессорша опять бралась за спицы, размышляя о том, что вот с первым своим мужем она всю жизнь прожила, а ни о чем, кроме хозяйственных забот, они не говорили. Казалось — зачем, если жизнь как раз от них, бытовых проблем, в основном и зависит. И вот оказывается вдруг, что в большей степени она зависит совсем от другого...

Почему она чувствует себя счастливой, когда он рассказывает ей о чем-то своем? О том, что уже прошло, и не имело к ней никакого отношения, а ей интересно, словно она читает захватывающий роман, где каждая страница таит в себе новую тайну...

Единственное, чего не может понять она, всю жизнь прожившая в большом городе — как можно любить эти неказистые домишки, кривые улочки, засыпанные мусором овраги...

А он, между тем, однажды сказал:

— Ты знаешь, Аня: большому городу я отдал всю свою жизнь, все свои силы. Но сердце мое, оказывается, всегда было здесь.

Со временем и она нашла удовольствие жить в маленьком городке, обитатели которого во многом были похожи на сельских жителей. Например, почти каждый из них имел огород; жители окраинных улиц — рядом с домом, жители немногих пятиэтажек — возле реки. Родительский дом профессора стоял как раз на окраинной улице; однажды, выйдя покопаться в грядках с головной болью и болью в желудке, она вдруг обнаружила — а боль-то прошла. И там, и сям. Неторопливый, однотонный труд успокаивал, и напрочь выключал из беспокоящих душу проблем. Например, дочкиных. Анечка тревожилась: годы идут, пора уже подумать не только о замужестве, но и о детях, а она... «Ты так и норовишь загнать меня в прокрустово ложе семьи. Зачем, если мне и так живется неплохо?». Неплохо — это Анечка знала. За свою работу в туристическом бизнесе дочка получала деньги, которых хватало на все, а отдыхать она ездила в Турцию или Египет. Да, все это было хорошо, вот только...

Странное дело, — размышляла она. — Однажды, усевшись в свое гру-

шевое кресло, профессор сказал: «Если б ты знала, как бы я хотел, чтобы в это кресло после меня сел мой сын»... Мужчина — хочет, а женщина, самой природой предназначенная для продолжения жизни...

Разве могла она подумать, что прошедшее лето будет у них последним? Они приехали поздно — уже заканчивался июль, и приводить дом в порядок профессор ей категорически запретил. Прошедшая зима была у них напряженной — зимой Анечка перенесла операцию. Профессор каждый день приходил к ней в больницу и приносил гостинцы один нелепей другого. Например, апельсины:

— Анечка, этот фрукт — кладезь витаминов.

— Абсолютно с тобой согласна, но мне нельзя. Ты забыл — мне резали желудок...

Зато теперь он все делал правильно: решительно привел в дом внука одного из одноклассников, и тот и подкрасил, и подклеил, и подбелил. Профессор на этот раз «завязал» даже с обходами и помогал мальчишке во всем. Они не просто привели дом в порядок, но и поставили новые ворота.

— Знаешь, как-то нехорошо — ворота совсем старенькие. Отец отругал бы меня.

Он до сих пор думал о том, что сказали бы родители. Как будто они живые...

Собственно говоря, с родителями он, можно сказать, и не расставался: фотографию, на которой они были совсем молодые, невероятно красивые и счастливые, он возил с собой всегда. Возвращался в большой город — брал ее с собой, собирался в отпуск — бережно помещал ее на дно чемодана, прямо в рамочке, чтобы по приезде повесить на стену, на гвоздик, прибитый специально для нее. Родители его, точнее, чувства, связывающие их, кажется, и впрямь были необыкновенными. Профессор рассказывал:

— Однажды они приехали в Питер, ко мне в гости. «Скажите, вашу маму зовут Розой Васильевной?», — спросили меня соседи. «Почему вы так решили?» — удивился я. — «Мама — Ксения Васильевна». «Но ваш отец постоянно называет ее Розочкой»...

Розочкой его отец звал его маму всю жизнь. Они и умерли, почти как в сказке; «почти» — потому что не в один день, а один за другим. Первой не стало Ксении Васильевны; когда вернулись с кладбища после ее похорон, муж прилег отдохнуть. Через час не стало и его...

По вечерам, после окончания всех работ, они пили чай на открытой веранде. Однажды засиделись совсем допоздна — так уж хорош был вечер. Небо сплошь усеяно звездами, луна тонким серпиком висит над садом...

— Мне страшно, — сказала она так, как подумалось.

— Страшно? Отчего? — не понял он. — Ты посмотри, какая ночь! Увидишь ты в своем большом городе такие звезды, такую луну?

— Потому и страшно, что все это когда-нибудь кончится.

— А почему это должно кончиться? — опять не понял он.

— Ну, как же... Мы же не вечные с тобой. Как и наши родители.

Обычно скорый на слово, на этот раз он задержался с ответом...

А осенью заболел уже он. Теперь она ходила к нему в больницу, носила нужное: картошечку-пюре, немного прокрученного мяса (гипертоникам нельзя), компот...

За две недели ему привели в порядок давление, сказали, что подлечили сосуды — стали готовить к выписке.

И вдруг в квартире раздался неожиданный страшный звонок...

Наверное, она бы не справилась с ситуацией, если бы накануне (что — все предчувствовал?!) он вдруг не сказал:

— Ты сама едва оправилась о болезни, а вынуждена ходить... Знаешь, если что... ты с моими похоронами не заморачивайся. Сожжешь — и отвезешь горшочек на родину. Летом. Или лучше весной.

Она замерла. Хотела пошутить. Но вдруг сказала серьезно:

— Горшочек... Мы с тобой что — не православные люди?

— Ты сама едва оправилась от болезни, — упрямо повторил он. И спустя минуту добавил:

— Ты же знаешь — я должен туда вернуться.

Она все сделала, как он велел. И теперь ждет весны. Беседовать ей не с кем, и она стала ловить себя на том, что разговаривает вслух. Дочка, обнаружив это, стала приходить в гости чаще. Боязливо поглядывая на шкаф, где хранилось ЭТО, она заводила разговор о чем-нибудь легком, житейском, но мать упрямо сворачивала на свое.

— Знаешь, там, в его маленьком городе, в его доме, осталось кресло. Из грушевого дерева. В нем сидел его дед, потом отец. Потом он. Однажды он сказал: «Как бы я хотел, чтобы в это кресло после меня сел мой сын»... Если бы мы были моложе, когда встретились!

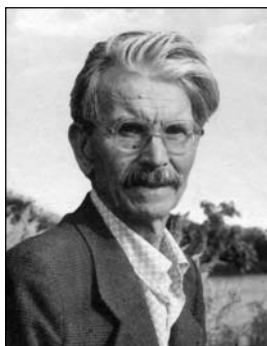
— Мам, ну чего сейчас об этом... Хочешь, мы поедем туда вместе? Как только станет тепло.

— А ночью там такое звездное небо! И луна над садом. В большом городе такого не увидишь. Однажды мы пили чай, на веранде, и я сказала, что мне страшно. Ну, оттого, что когда-нибудь придется расстаться. И знаешь, что он сказал? Нет, сначала помолчал, а потом сказал: «Глупая, мы же будем совсем рядом. Вот этот тонкий серпик луны — только он и будет нас разделять».

Представляешь?..

Михаил Федорович Тимошечкин родился в 1925 году в селе Васильевка Новохопёрского района Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Новохопёрское педагогическое училище, Московский заочный педагогический институт. В конце 1950-х работал собственным корреспондентом областной газеты «Коммуна» по Новохопёрску и Россоши. Автор четырех сборников стихотворений. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза писателей России. Живет в городе Россошь Воронежской области.

Михаил Тимошечкин

ЛИШЬ БЫ ТОЛЬКО РОДИНА ЖИЛА

РОССИЯ

Краснознаменная Россия,
Золотоглавая Москва.
Где отыщу еще такие
Равновеликие слова,
Для сердца русского родные,
Незаменимые слова!

Услышу ль образнее речи
В какой еще из прочих стран
И доброту такую встречу,
Как у моих односельчан,
И прямоту такую встречу,
Как у моих односельчан,

Где насладюсь степным напевом
И хлебным запахом полей,
И есть ли вправо или влево
Края просторней и светлей!
И есть ли вера справа, слева
Добрей, чем наша, и светлей!

Где прислонюсь плечом к березке
И на старинном большаке
На безыменном перекрестке
Замолкну с шапкою в руке,
Перед оградкою неброской
Замолкну с шапкою в руке,

Увижу ль на погосте древнем
Среди крестов в одном ряду
С войны хранимую деревней
Красноармейскую звезду,
Усыновленную деревней
Над тихим холмиком звезду.

Россия, милая Россия,
Первопрестольная Москва.
Где я найду еще такие
Равновеликие слова,
Для сердца русского родные
Проникновенные слова!

*1958. Новохопёрск
Март 2000*

ПАХАРИ

*Памяти
Степана Григорьевича Брюнина,
Андрея Ивановича Ныркова,
Ивана Афанасьевича Рыжова
и других односельчан, павших
в битве под Москвой.*

Были это все живые люди.
Отойти не пожелав назад,
В новеньких шинелях у орудий
Мужики побитые лежат.

Взяли их с уборочной в солдаты,
Впрок и дня не вышло отдохнуть.
Неуклюжи чуть и мешковаты,
Будто перед кем-то виноваты,
Шли они от сельсовета в путь.

Жуткие осенние недели.
Враг у подмосковных деревень.
У орудий серые шинели
Начинали новый трудовень.

Бить по танкам непростое дело.
Все кругом в неистовой пальбе.
Соль на гимнастерках прикипела,
Будто на току, на молотьебе.

На руках тяжелые снаряды,
И на лицах копоть, как смола.
Никакой награды им не надо,
Лишь бы только Родина жила.

Тяжела их ратная работа,
Но работать им не в первый раз:
И родились в поле у ометов,
И встречаются тут последний час.

Мать-земля, родная с колыбели,
Мягкую постель им приготовь.
Новые — с игопочки — шинели
Теплая пропитывает кровь.

Потонула даль в дыму и гуде.
Враг отброшен. Враг бежит назад.
В новеньких шинелях у орудий
Пахари побитые лежат.

*1959. Новохопёрск
9 января 1961, 21 августа 1970*

РОДНЫЕ КАРТИНЫ

Родные, милые картины,
Полей печаль и благодать...
Какая радость гражданину
Глядеть на эту вот равнину
И русским воздухом дышать!

Когда душа твоя устанет
От разноцветья слов и дел,
Неудержимо вдруг потянет
Вернуться вновь в родной предел.

И заторопишься в дорогу,
И вот уже приметить рад:
У обгороженного стога
В обнимку лошади стоят.

30 апреля, 29 мая 1960

ДУЮТ ЮЖНЫЕ ВЕТРЫ

Дуют южные ветры.
На дорогах весна.
В день по сто километров
Наступает она.

Где-то берегом Дона
Продвигалась вчера.
А сегодня трезвоном
Полнит пойму Хопра.

Раззадорилось солнце.
И во весь небосвод

В избытые оконца
Током золото льет.

На полях еще бело,
Лишь буграми вздробь
Оголиться успела
Не земля — неудобь.

ПОГОДИТЕ! НЕ УХОДИТЕ...

Православный обычай древний.
Под распевный церковный стих
Умирающая деревня
Провожает кормильцев своих.

Уцелевшие в год перелома,
Жить оставленные войной,
Обитатели сельского дома
Отправляются в мир иной.

И лишения и невзгоды —
Все стерпев, никому не в упрек,
Ставят точку под небосводом
Отработавшие свой срок.

Мужики. Косари. Хлеборобы.
Сила ратная! Русский дух!
Путь на кладбище. А за гробом
Лишь платочки согбенных старух.

И ни сын уж теперь, ни родитель
Никому ничего не должны...
Погодите! Не уходите.
Вы ведь все так России нужны.

УТРО НА КОРДОНЕ

Кровью солнца разогреты,
Прямо с краюшка земли
Брызги розового света
Да по белому легли.
Окропило все кругом
Зимним солнечным дождем —
Степь, дорогу, крайний дом,
Березняк по-над селом.

И шагнул через плетень
Улыбающийся день.

Нежил розовый мороз
Шеи голые берез,

Зажигал на берегу
Звезды звонкие в снегу.

А над снежной белизной
Воздух яснился сквозной.

Шел из чащи на кордон
По стволам веселый звон.
Полз к лесхозному двору
Визг полозьев по Хопру.
И гудели, как столбы,
Корабельные дубы.

ПОЛЕ

Поле, поле, простор впереди,
Средь равнины курган отлогий...
Припадаю к твоей груди,
Трусь щекой о твои облоги.

Жадно-жадно вбираю в себя
Все цвета твои, запахи, звуки
И, как сын твой, опять тебя
Обнимаю, раскинув руки.

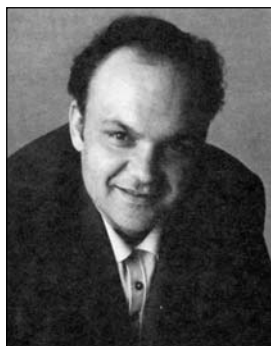
Вновь иду полевым столбом¹.
Ни в грехах, ни в стихах не каюсь.
Мну солому колючую лбом
И в ометах твоих кувыркаюсь.

И под куполом теплого дня,
Где еще нет ни ветра, ни хмари,
Жеребенок целует меня,
Придавлив мне копытцем гусарик.

«Милый, милый, смешной дуралей...»
Этих слов я еще не знаю:
По России моей среди полей
Только-только ходить начинаю.

---

¹ Столб — прямая, не распахиваемая между загонами дорога, обычно чуть возвышающаяся над пашней.

Виктор Иванович Белов родился в 1938 году в Воронеже. Окончил историко-филологический факультет Борисоглебского педагогического института. Поэт, прозаик, журналист. В 1970-х работал инструктором Новохопёрского райкома КПСС. Печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Подъём». Автор более десяти книг стихов и прозы. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза писателей России. Живет в Белгороде.

Виктор Белов

КОГДА ОТЦВЕЛА ЛИПА

Рассказы

Гроза в последние вечера июля находила несколько раз. То с юга, со стороны села, то с юго-запада — прямо на Калиновский лес. Тучи, темные до черноты, с бездонными просветами на заходящее солнце, будто огромные валуны, ворочались, толкались вдали и, наконец, яростно сшибались. И тогда яркие золотые зарницы вспыхивали и освещали землю, притихшую, чутко прислушивающуюся к высокому рокоту каждым своим стебельком.

Большой двухэтажный дом, лесной дворец Раевских, казалось, тоже беспокоился. В печных трубах тонко, монотонно попискивало. Ласточки откуда-то снизу, из-под балкона, выскакивали и прятались в гнездах, прилепившихся над резными наличниками окон и дверей и под резным, вокруг всего деревянного дома, карнизом. Прятались ласточки, выжидали, но потом снова нетерпеливо бросались вниз, к ромашковой поляне, в сад, по тополевой аллее парка — к Хопру. А там, на берегу, «темный дуб склонялся и шумел». Это Ленивый дуб. Раскидистый, густой и постариковски скрипучий.

Сергею говорили, что берег — излюбленное место Раевских. В тени опрятного шестисотлетнего дерева размещалось их

семейство и многочисленные гости. А ныне в гостях он, Сергей. Только в гостях у Юлия Ивановича Крейцера, управляющего имением, и его дочери Елены, Лели, московской ученицы Сергея. Ему отвели одну из ста комнат, уютнейший уголок на втором этаже. В этом, 1901 году, он приехал в мае, когда в открытые окна залетали и падали на пол, на рояль, в плетеное кресло лепестки вишен и яблонь. И вот — июль, отцвела липа. «И мне уже двадцать восемь».

Сергей вспоминает, что о своем возрасте стал думать с тех пор, как ему подарили в Москве Левко, черного ушастого леонберга. Еще совсем недавно глаза у щенка были безнадежно глуповаты и забавны. А теперь Левко серьезный, мудрый пес. «Стало быть, возраст иной, а с ним... и все остальное».

И еще Сергей вспоминает: впервые в Красненькое он приехал в позапрошлом году, то есть — аж в девятнадцатом веке. Тогда у него не было выбора. Вернее, выбор был, он мог поехать в Ивановку, что в Тамбовской губернии, и его звали туда, но «мне кажется, что родные... меня не любят (кроме отца, который там не живет). Звали для приличия». Впрочем, это мимолетный наговор, из-за неровного характера и часто меняющегося настроения. Просто ему надо было уединиться, «потеряться» и подождать: «А станет ли она искать?».

Так он оказался в Воронежской губернии, в Новохопёрском уезде, в имении, дотоле ему неведомом.

Она — не стала его искать.

Она — Верочка Скалон. Он узнал ее, когда ей исполнилось пятнадцать лет, а ему шел восемнадцатый. За необыкновенную впечатлительность сестры дразнили Верочку «Психопатушкой», в то время новомодным словечком. А Сергей всех трех сестер стал величать «генеральшами»: их отец, Дмитрий Антоныч Скалон, был генералом. Скалоны часто гостили у родственников в местечке Пады, что в двадцати верстах от Ивановки, имения родителей Сергея. С первого же дня знакомства вольно или невольно он стал следить за ней. Сообразительная, смешливая и в то же время застенчивая и наивная, она ему нравилась все больше и больше. Ему хотелось постоянно быть рядом с ней. И все же приходилось часто исчезать: он вынашивал свой первый концерт для фортепиано с оркестром. А музыку подсказывали шум деревьев, птичьи трели и... одиночество.

А когда часть за частью будущей концерт выливался на бумагу, когда в такие моменты он почти ничего не замечал вокруг, через окошко протягивалась к нему тонкая рука с пригоршней крупной садовой земляники или в полутьме раскрывались перед его лицом маленькие ладошки с фосфорически светящимися огоньками светлячков. Он все бросал и уходил, с ней. И теплые, доверчивые руки Верочки лежали на его больших ладонях.

А потом — все, в путь. Сестры Скалон уехали в Петербург, где они жили с родителями в одном из корпусов конногвардейских казарм, а Сергей вернулся в Московскую консерваторию. Теперь уже десятилетней давности его письмо, он знал об этом, хранилось у Верочки. Он писал сестрам: «Давно порываюсь написать вам, хорошие, дорогие генеральши... Почему-то мне кажется, что вы стали ко мне гораздо холоднее, что ваши петербургские бароны начинают вытеснять из вашей памяти воспоминания о бедном странствующем музыканте...».

Он всегда обращался сразу ко всем трем сестрам, но между строчками умела читать одна Верочка, да он и хотел бы обращаться только к ней.

Но это было невозможно. Еще при первой встрече со Скалонами Сергей часто слышал имя — Сергей Толбузин. Молодой и преуспевающий нижегородский помещик, этот Сергей Толбузин был другом детства барышень Скалон, и уже тогда родители Верочки это имя произносили при «странствующем музыканте» с важной и многозначительной улыбкой.

С годами подозрения Сергея подтвердились. И где бы он ни встречал Верочку, всюду сталкивался с гвардейским офицером Толбузиным, с белокурым господином в визитке, весьма учтивым, но малоразговорчивым. И всегда не одна, Верочка смотрела теперь на Сергея с доброй, грустной и немного виноватой улыбкой.

Но он еще надеялся и чего-то ждал. Особенно в Красненьком. В последнем послании он зачеркнул почти все, оставив: «Очередь твоя. Найди меня, или...».

Она — не стала его искать.

Был лишь один человек, которому он мог не высказать что-то прямо, но кто его сразу бы понял. Это Наташа Сатина, двоюродная сестра Верочки, очень любившая музыку и только что окончившая Московскую консерваторию по классу фортепиано. В 1899-м Наташа неожиданно по пути заехала в Красненькое и сама вручила ему свое неотправленное письмо. И в этой же комнате он прочел: «Верочка Скалон вышла замуж...».

«Ну вот и молодец! — вдруг явилась мысль. — По крайней мере — предельная ясность: решительный шаг, и все прошлое к чертям. Не как некоторые — «любят меня только потому, что я музыкант, а не будь я музыкантом, они бы на меня и внимания не обратили».

И эту незваную мысль он долго пытался удержать на поводу, словно коня-спасителя. Так долго, что ему хватило сил казаться веселым за ужином. Он даже над чем-то смеялся, по обыкновению обхватив руками затылок.

Да и хозяйева: степенный, рассудительный, но не лишенный чувства юмора Юлий Иванович Крейцер; брат Лели, балагур и весельчак, обладатель весьма приятного тенора Макс Юльевич; помощник управляющего, сразу и крепко привязавшийся к Левко, Ананий Григорьевич Сидоров; и, конечно же, Леля, его единственная ученица, это юное, милое существо, готовое на все смотреть его глазами, обо всем судить его суждениями, уже сейчас видящее в нем великого композитора и любую слабость его расценивающее как признак истинной гениальности... — все старались создать ему обстановку безмятежную, творческую, домашнюю. Они ни о чем не догадывались.

Одной Леле любящее сердце ее подсказывало: он страдает, он одинок, он кем-то отвержен. Ибо зачем его преследует и преследует тема судьбы из Пятой симфонии Бетховена! И никогда прежде она не представляла, что еще *так* можно «читать» Бетховена, и не слышала *такого* исполнения. А когда она случайно подслушала целиком уже здесь написанный им (на стихи Апухтина) романс «Судьба», она поняла: сердце ее не обманывает. И Сергей не знал, какими горькими девичьими слезами оплакано рождение его новой вещи.

После ужина он поднялся к себе. И снова и снова не перечитывал, а всматривался в строчки Наташи: «Верочка Скалон вышла замуж...». Он и прежде замечал за собой: волнует его не факт, не событие, не следствие чего-то непоправимого, а какая-нибудь незначущая деталь. И это надолго. Так случилось и тут: «А письма? Что она сделала с моими письмами? Где они?».

Крейцеры по-деревенски рано ложатся спать. И дом быстро затихает. Как только такой момент наступил, Сергей — осторожно, чтобы не греметь сапогами, нащупывая ступеньки — одну, другую, третью... — в потемках спустился по витой лестнице, бесшумно прошел по коридорчику, вот и дверь. Откинул крючок, и звездная августовская ночь пахнула в лицо, а расстегнул ворот рубашки — и лесная прохлада, покальывая, побежала по всему телу. Ему нравится его неизменное летнее одеяние — сапоги, рубашка навыпуск, просторные брюки, шелковый пояс с кисточками и белая чесучовая фуражка. А страсть — об эту пору полежать да поразмышлять на охапке свежего сена!

Тогда он ушел через парк, по спуску, выложенному булыжником, добрался до мостика, что перекинут над ручьем, вытекающим из Шилова озера, слева, и впадающим в Хопёр. В этом недалёком пути на мостике он выкурил, наверно, десятую папиросу. На берегу сразу же нашел чудесную копешку. Но так и не улегся, а все ходил и ходил, то и дело зажигая спички и прикуривая. А на почтительном расстоянии следовал за ним его верный Левко.

«Не странное ли совпадение: Пушкин и Лермонтов тщательнейшим образом нарисовали дуэли, и оба убиты на дуэлях. Я написал «Алеко». И вот сам как мой Алеко. А Шаляпин был в Петербурге неповторим. Вся опера будто специально для него писана... Что же она сделала с письмами?».

После он узнал — она их сожгла.

И об этом Сергей узнал все здесь же, в Красненьком, куда приехал и в 1900-м. Непонятная и необъяснимая сила влекла его сюда. Здесь хорошо писалось. Не сразу поддававшиеся или только начатые вещи находили быстрое и точное решение или удачно завершались. И происходило это, скорее всего, потому, что в имени Раевских он был желанным гостем, близким и высокочтимым человеком. Над Хопром легко дышалось и светло думалось и при таких обстоятельствах, при которых в другом краю даже срединной России ему все представлялось бы в темном цвете и казалось безвыходным.

А еще — здесь была Леля Крейцер. И была она почти в возрасте Верочки Скалон, в том самом возрасте, когда Сергей впервые увидел Верочку и так долго не может забыть. Вольно или невольно он теперь ищет ее черты в чертах Лели. И находит их. Понимает, что обманывает себя. Но и обман ему отраден и утешителен.

Сегодня Леля составила для него длинный вопросник, отвечать попросила экспромтом и ничего не утаивая. Он согласился.

— Ваш любимый поэт?

— Лермонтов.

— Композитор?

— Чайковский.

— Писатель?

— Чехов.

— Художник?

— Левитан.

— Если бы Вы были писателем или художником, о чем бы Вам больше всего хотелось рассказать?

— О русской природе.

— Ваш самый горький час?

— У Толстого, когда он сказал, что Бетховен — вздор...

— Ваше любимое занятие?
— Сейчас — делать петухов из бумаги.
— Желанный дом для Вас в Москве?
— Третьяковская галерея.
— Чего Вы боитесь?
— Озерной воды. От нее моя лихорадка. Это Наташа внушила.
— Ваша оценка Вашего Второго концерта для фортепиано с оркестром и Второй сюиты для двух фортепиано?
— Вообще, Елена Юльевна, все у меня пока просто дрянь.
— Неправда, Сергей Васильевич! — Леля даже заикаться начала от волнения. — Сюита — вступление, вальс, тарантелла, романс — это звучит удивительно! Так и Наташа считает. И что же, по-вашему, я переписывала не сюиту, а... Я не нахожу слов...

— Сдаюсь. Помня о ваших трудах и мучениях, говорю: тут что-то сносное, кажется, есть. И ничего не таю: есть только потому, что и вы причастны к сюите.

— Пошли дальше.
— С удовольствием.
— Куда бы Вам очень-очень хотелось поехать?
— На Цейлон.
— Это голубая мечта?
— Голубой цвет терпеть не могу. А Цейлон — да, моя постоянная мечта.

— Когда Вы были близ Генуи, какое место в России Вам вспоминалось?

— Красненькое.
— Это правда?!
— Истинная правда. Я там чуть не задохнулся. От безветрия и одиночества. И вспоминал Красненькое, беговые дрожки и вас...

Лелин вопросник порадовал Сергея. Порадовал, потому что он видел, как искренне счастлива была целый день его ученица. Сам он — грубоватый внешне и от природы замкнутый (увы, эта замкнутость его же раздражала больше всего!), — сам он не умел выразить ей, как приятна ему ее, может быть, первая увлеченность. Но он, предмет ее увлеченности, понимал: если он сейчас неосторожно поддастся охватывающему и его чувству, будет поздно.

Рядом с ней не столь острой показалась ему боль от потери Верочки. Он простил Верочку Скалон, даже пожалел Верочку, ибо представил на ее месте себя, а на своем — Лелю Крейцер, влюбленную так же безоглядно и так же безнадежно.

«Видимо, верна поговорка: что бог ни делает, все к лучшему. А точно ли так, поживем — увидим».

И опять же — здесь, в Красненьком, еще прошлым летом он понял, внезапно и отчетливо осознал, что не прожить им друг без друга — ему и Наташе Сатиной. И зимним воскресным днем, когда они вышли из Третьяковской галереи, он сказал ей об этом.

Но об этом пока никто не знает.

...Гроза в Красненьком и в последний вечер июля не состоялась, хотя тучи — тяжелые, готовые вот-вот обрушиться шумными веселыми струями — по-прежнему чувствовались где-то близко. Изредка погромыхивало, и зарницы нет-нет да и блеснут из-за сумрачных дубов Калиновского леса. И духота всюду, даже у воды, у Шилова озера и на берегу Хопра. Сам

воздух, густо настоящий на лесной мяте и еще не везде отцветшей липе, казалось, того и гляди вспыхнет от папиросы, лишь стоит сделать затяжку посылней...

«Ну, и за каким же дьяволом ты приехал сюда?! Побывать рядом, убедиться еще раз, что любим? Убедился? А каково им — обеим? Здесь Леле, а Наташе — в Ивановке. Вероятно, теперь она уже приехала туда. Да и липа твоя отцвела, дружище! Да, твоя липа отцвела.

А вообще — хорошо, что приехал сюда. Необходимо было приехать. Стало быть, в третий раз пытаю судьбу под этим небом. А бог любит троицу. На том аминь».

Решение пришло быстро, и Сергей уже не захотел его изменить. Вернулся к дому, тихонько поднялся в свою комнату и, светя спичкой, написал на листе нотной бумаги несколько слов Леле. Потом снова спустился вниз и чуть слышно постучал в окошко Ананию Григорьевичу. Помощник управляющего тут же предстал перед ним, открыв дверь и выдохнув:

— Что случилось, Сергей Васильевич?

— Ради бога, не беспокойтесь и простите, что тревожу. Со мной всегда что-нибудь случается. Вот, надумал: надо срочно ехать в Ивановку.

— Сейчас? И как же, без доклада Юлию Ивановичу?

— Так надо, милый вы, Ананий Григорьевич. Там ждет меня Зилоти.

— Александр Ильич? Тоже музыкант?

— Точно. Пианист и дирижер. Концерт мой напечатали. И нам с Зилоти надо сыграть. Вместе в Москву ехать. Но вы же знаете: Юлий Иванович скоро не отпустит. Я ему потом все объясню. А вас прошу, снарядите в дорогу. И чтоб как мышь — ни звука...

— Да что с вами, чудачками, делать. Надо ж, ни свет ни заря.

...Утром Леля Крейцер прочла записку, оставленную им на письменном столе: «Очень мной уважаемая Елена Юльевна! Позвольте Вас от всей души поблагодарить за Ваше внимание...

Сергей Рахманинов».

ГРОМ И МОЛНИЯ

Нюру стали звать Молнией с тех пор, как она вышла замуж за Ваньку Грома. Ваньку в младенчестве паралич разбил, и он таскает за собой правую ногу, согнутую. И когда идет, хлопает той ногой об дорогу, вроде бы гремит, далеко его слышно.

Вышла за него Нюра не по любви. Да ведь через пять лет после войны все ли выходили замуж по любви? Ваньке было тогда двадцать, а ей — шестнадцать. Много было девок, какие тут же насовсем бы прибежали к Ваньке, только поманил бы он. А ему приглянулась Нюра. Осенью сыграли свадьбу и жить стали отдельно, домик себе купили на Большой дороге. Неказистый домик, правда, зато и за цену взяли малую. А весной Ванька домик собственноручно разобрал до основания, гнилье выбросил и сам же к Октябрьским праздникам восстановил домик. Дранью его обивать, глину месить да мазать соседи и теща Ванькина помогали. Справили новоселье, а тут давно уж хворавший тесть Ванькин помер. Схоронили его, и теща стала звать Нюру и Ваньку переходить к ней.

— Труды немалые ты в дом вложил, — говорила она Ваньке, — а земля-то песок один. Навозь ты ее не навозь, хоть всю МТФ свежи, а с моим

огородом не сравнится. И дом продашь теперь, — денежки будут. Мне долг сразу воротите, и еще останутся.

Теща живет в Колосовке, первый дом от луга, огород прямо в речку упирается. Подумали Нюра с Ванькой и перебрались в Колосовку. Ванька все сараи тестевы развалил и заново поставил. Хорошо зажили Гром с Молнией. Только что вот детей у них не было. В чем причина, к докторам узнавать не ходили. Ванька все надеялся, а Нюра и не тужила, боялась: родишь, а он, как Ванька ее, с неправой ногой получится. На что он такой нужен?

Плохо ли, бедно ли, как говорится, а прожили Ванька с Нюрой двадцать пять лет. Он, как с детства взял кнут в руки, так и не бросает, пастухом козиным да овечьим ходит, а Нюра доярка в колхозе. Ванька не колхозное стадо пасет, а частное, то есть скотина-то все равно колхозникам принадлежит, но личная. Председатель ему сказал однажды (теперь уж того председателя и забыли давно, много их сменилось за годы-то), что в конце жизни платить ему колхоз не будет, за частное стадо не положено. Ванька тогда взялся было колхозных телят пасти, да месяца не прошло — бросил. И дело не в малом «наваре» вовсе, как посчитали некоторые, а в том, что привык Ванька на людях быть утром и вечером. Каждый знает его, кланяется, с просьбами обращаются, пригляди, мол, там за комолой моей, вчера ячменя дорвалась-обожралась, воды ей не давали, а ты теперь погоняй до обеда без капли, глядишь, и обойдется. Едет потом Ванька на велосипеде за стадом, из-под неправой ноги он педаль открутил и снял, чтоб не мешала, а левую ногу в ремешок вставляет, чтоб не соскочила, и ту комолую глазом стережет... Уважение Ваньке за его заботливость тоже есть, то чарочку поднесут, а то и целую бутылочку в его сумку парусиновую, непромокаемую, сунут.

И весь день в степи Ванька. Вдвоем с кобелем Буяном пасут они стадо. До Казацкого шляха доберутся — позавтракают, в Матюхиной балке пообедают, там все и подремлют, а поужинать можно и дома. Не так еще давно просторные были степи за Чумраком. Село на горе, а окрест, сколько глаз достает, дали неоглядные. От первых жаворонков до последних журавлей в степи Ванька. Теперь-то степи, можно сказать, и нету. Поля везде. Все как есть распахали. Вдоль них-то по неудобьям и пасет скотину Ванька. Это что ж такое, думает он иногда, ни колокольчика тебе, ни пастушков, васильки, и те вредным растением признали, химией травят. Хорошо хоть чабрец да полынь ничему не поддаются, надышаться можно. И опять же вот лук дикий любит Ванька, нащиплет в сырых балочках, макнет в соль, и со ржаным хлебом ох как славно. А сахару нет, можно у клеверка макушку подергать, вынуть цветочки да кончики их внутренние обсосать. Слаще меда клеверок молодой.

Кончится тепло, с первым зазимком Ванька на МТФ подается, корма подвозит, ну и что когда еще велят, делает. И Нюра там рядом.

Рядом-то она рядом, а с некоторых пор нету у них ладу. Да что говорить — «с некоторых», как заявился в Чумрак Махрян Колька, так у Ваньки с Нюрой все наперекосяк и пошло.

Ворюга этот Махрян, пьяница. После армии в Бурятии женился, дите народили. К матери в Чумрак приезжали. Ту бурятку его мать не приняла, не понравилась, стало быть. Уехали они. Бурятка, сказывали, в магазине торговала. И доторговалась, что посадили ее. А все через Махряна. У нее же он водку воровал да пил. Ребенок у тещи-бурятки остался, а он сюда пить приехал. А пить-то на что, если не работаешь?

Так он соседа, тоже Кольку, Чудотворца, обокрал, какой весь век один жил и платки пуховые еще лучше баб вязал. Из сундука у него днем платки Махрян и украл. Ну тот Чудотворец тоже хорош, что плохо лежит, подберет живо. В больницу с чем-то попал, а в умывальной комнате часы кто-то забыл, он их цап-царап и увел. А куда в больнице спрячешь? Он и выдумал — в трусы их и к тютюну своему пристегнул. Нашли часы, а Чудотворца с позором домой выгнали. Когда платки у него украли, село только посмеялось, мол, и на ловчака ловчач нашелся. Махряна же лишь подозревали, пропажу у него участковый не обнаружил. И, видно, промысел этот понравился Махряну. Какую-то девагу подыскал он в Богане, что в пяти километрах от Чумрака, с ней на краже платков и попались. Отсидел Махрян в тюрьме, а выпустили, приказали, чтоб в течение двух недель трудоустроился. Куда денешься? Живет у матери и работает на Нюриной ферме за доярку, аппарат к цыцкам коровьим приставляет. По нынешним временам работа денежная, и людей нехватка, его прямо за милую душу взяли туда. Махрян, конечно, остепенился, пьет в меру, и наблюдение за ним есть. А такого наблюдения, чтоб он за чужими женами не ухлестывал, нету. А Нюра там как раз молодая самая.

Слухи всякие нехорошие стали доходить и до Ваньки, и тяжело он стал думать над ними и по трезвости и по пьянке. И решил, что дело-то в Нюре. Всю свою жизнь с Нюрой перебрал по косточкам Ванька. Выходило, Нюру не обижал он. Ласкал мало? Так это уж как умел. И сейчас готов ласкать пуще прежнего, а разговоры-наговоры на кого не катятся, может, и не виновата Нюра? Да только в том и главное, что не желает Нюра его ласки принимать. И чем он душевней слова подбирает, тем ему и хуже. Злые слова Нюрины ответные Ванька бы и мимо пропустил, да прячет глаза Нюра. Всякими эти дорогие ему глаза видел Ванька за двадцать пять лет жизни их совместной, а теперь вроде бы и нету глаз у Нюры, душу ее разглядеть невозможно.

С матерью родной, и с той грубо стала обращаться Нюра. И будто покойник в доме, все громко говорить боятся. Спросит кто у кого о чем-нибудь и слышит лишь «да» или «нет». Неохота Ваньке дома оставаться, и на ферму идти неохота.

Нюра к первой дойке в четыре утра поднимается, а Ваньке по зиме и в семь встать — не опоздаешь. Но он, как Нюра уйдет, тоже на ногах. Скотину проверит, корму задаст, а потом слоняется без дела, курит и проклятые думы свои думает. Раньше и отказывался он третьим в выпивках участвовать, теперь сам предложения вносит. А с получки и четвертную не жалеет. На дурняк с другими да и с Ванькой Махрян выпить не прозеваает, все анекдотики травит, вроде как ими и расплачивается. На Махряна в общем-то, кроме Ваньки, никто зла не имеет. С шутками-прибаутками он всем свойский. Но все, Ванька знал об этом, опасаются его. С улыбочкой и вилами приколоть может.

Были бы дети, думает Ванька, оно бы и другое дело. Но, видно, не судьба. И неужто она их с Колькой заводить станет? Поздновато уж, голубка ты моя! Каждому овощу свой срок.

Съездили Ванька Гром с Володькой Карнауховым на Дальнее поле за соломой, привезли, а на ферме Нюры нету. Время — самая дойка, а ее группа неопрогатая стоит, коровы реветь начинают. И Колькина группа — тоже так. Учетчик Гришка Халтай увидел Ваньку:

— Где же твоя фря, в лоб ее мать?! — спрашивает.

А Ванька ничего сказать не может. Откуда ему знать, если он с утра на Дальнем поле был, замерз как цуцук.

— Тогда берись да сам дои, — говорит Халтай. — Деньги немалые гребете, а коров портить изволите?!

Подоили Ванька с Володькой Карнауховым и Нюриных коров, а потом — и коров Кольки Махряна.

Пришел Ванька домой, а Нюры и дома нету. Теща говорит, на ферме она, как ушла утром, больше не видала.

Нюра по темну заявила, выпивши. Ванька на дворе со своей скотиной возился, в сенцы зашел и услышал: ругаются Нюра с матерью. Курит Ванька в сенцах и все слышит.

— А на что он мне нужен, урод-то!.. — кричит Нюра. — Я с ним двадцать пять лет прожила, а света белого не видала.

— А теперь увидала?! — тоже кричит мать. — Выросла — пальцем тебя не трогали, вот и привыкла об себе думать. Ну, тот из тебя пыль выколотит. Одумайся, пока рано, а то ни шерсти, ни барана. С кем связалась-то?!

...Нюра ушла жить к Махряну Кольке. А куда Ваньке деваться? Теще один Ванька тоже не нужен. Хоть и не гонит она его, а сказала:

— Ты, Ваня, думай чего-нибудь.

А что придумаешь? Водку всю не попьешь, да и не зальешь душу-то печальную. К депутатке ходил, к Марии Васильевне, агрономке, она тут же, в Колосовке живет.

— Заявление ты подать можешь, конечно, — сказала Мария Васильевна, — если мне сельсовет поручит, я вас и разделю. Да только куда же ты пойдешь с имуществом своим? Ты сперва над этим подумай.

Тесно стало жить Ваньке Грому, ох как тесно. За стаканом сочувствуют мужики, без дела — посмеиваются. Бабы попервам о Молнии болтали много, а потом надоело им, об других разговоры есть.

Дотерпел до тепла, выгнал стадо в степь — и легче задышалось Ваньке. В Матюхиной балке расстелит брезентовый свой плащ на сыроватую еще землю, ляжет на спину и смотрит в ясное небо. Тут оно и подумать можно, а можно и не думать совсем. Лежи да гляди, а жизнь идет, как вот облачка маленькие. И откуда они берутся, облачка? По телевизору об этом рассказывали, не понял Ванька, компенсация какая-то выходит, что ли, а к чему она? Запомнилось ему, что теперь будут стрелять по облакам, и дождь прольется, где кому надобно. А чего хорошего? Так американцы все облака расстреляют, а нам что останется? А Нюру гад Махрян бьет. Карнаухов, известно, и сбрехать может, а зачем ему брехать?

Хорошо среди полей Ваньке. Можно было б, и не вернулся домой. А есть он, дом-то, у тебя? — опять затревожится Ванька. Лето коротко, а потом что? Теща озляется. Ваньку винит, что у него характер мягкий.

...В октябре заколол Ванька Гром борова, поехали они с тещей мясо продавать. Можно бы и погодить еще, но теща узнала, самая сейчас цена подходящая. Продают. Ванька рубит, теща на весы кладет, деньги в подвернутый фартук складывает. Шибко пошло мясо. Ванька все изрубил, прислонился к стенке в павильоне гулком, покуривает. Тут к нему и женщина подошла:

— Это ваша лошадь там, у забора, стоит? — спрашивает.

— Моя.

— А нельзя ли вас попросить отвезти мне кухонный столик. На ва-

шей телеге в самый бы раз он поместился, а целую машину нанимать не хочется. Вы не беспокойтесь, я заплачу.

— А как же, конечно, заплатишь.

Ванька загремел к теще. Объяснил, что за предложение появилось.

— Сколько дает-то? — спросила теща.

— А хрен ее знает, еще не договаривались.

— Ну так ты не зевай, проси десятку, а там гляди.

— А везти-то далеко? — это она уже у подошедшей к ним женщины спрашивает.

— Я минут двадцать займу, — улыбнулась и ей женщина.

— Продажа-то вся, — засомневался Ванька. — С деньгами тут одна-то как будешь?

— Вези! — как-то сразу решила теща. — Не застанешь меня, значит, я на автобусе уехала.

Столик Ванька водрузил на телегу махом одним. Женщину посадил, сам рядом поместился. И поехали.

— Вас как зовут?

Улыбчивая ж баба, подумал Ванька, приятность от нее идет какая-то.

— Иваном звать.

— А по отчеству?

— Иван Кузьмич, стало быть.

— Ишь ты, голубь мой! Прямо как моего мужа покойного, Иван Кузьмич.

— А тебя как?

— Анна Ивановна.

— Вот так оказия-проказия, — хмыкнул Ванька.

— А что такое?

— Да так, ничего... — остановил себя Ванька. — Муж-то чего помер?

— А всех сейчас косит рак. Из больницы вышел, за полтора месяца и управился.

— И давно одна?

— Шестой уж год пошел.

— А дети есть?

— Дочка, Светочка. Но она не со мной, в Воронеже политехнический институт заканчивает. И я уж бабка. Замужем она. Внука Мишу народили. Ее-то муж раньше институт окончил. Работает. А она и с ребенком, и учится. Хочу к себе внука забрать. Вот подрастет немного — и возьму. Я квартиру новую, неделя как, получила. Одна комната, но все удобства есть.

— Ты еще и сама не старая.

— Голубь ты мой! А кому я нужна? Самостоятельного не найдешь теперь, а вертопраха сама не хочу.

— Ну уж все и вертопрахи... — возразил Ванька. Просто так возразил, без мыслей всяких, поговорить лишь бы. Давно Ванька с женщиной не говорил. А с этой Анной Ивановной в охотку разговор идет.

— А ты с кем живешь?

— С тещей живу.

— Понятно. И теща с вами, а кто она-то?

— «Она-то»! А нету ее-то, — не зная почему, аж взвизгнул Ванька, обида его взяла, и жалко самому себя стало. — Сбежала! Двадцать пять годов прожили вместе, а вертопрах-то один, как ты говоришь, подвернулся, она к нему и удрала.

— А дети? — испугалась Анна Ивановна, за передок телеги ухвати- лась. — А дети-то как же?

— Детей у нас не было.

— А, ну да. Ну это хоть хорошо, — вздохнула Анна Ивановна.

— Чего ж хорошего?! Она для меня как дите была. Теперь вот, что делать, не знаю. Думаешь, я теще теперь нужен?!

Анна Ивановна промолчала. Да и Ванька замолчал, папиросу достал.

— И давно у тебя так, Ваня? — заговорила она немного погодя.

— С прошлой осени.

Привез Ванька столик. Подъезд третий, этаж тоже третий. Заглянул в подъезд, уж больно тесно на лестнице. Веревкой столик перехлестнул, взвалил на себя и вперед. Анна Ивановна помочь хотела, но он только рукой махнул:

— Не мешай. Потяжелей таскано.

Стол сразу и на место определили, рядом с плитой газовой постави- ли. А по другую сторону раковина есть. Все установилось тютелька в тю- тельку. Анна Ивановна аж засмеялась:

— А я-то купила и все думала, что ж не измерила расстояние-то, а вдруг не войдет столик, пилить его тогда или что делать? А он в самый раз. Ну, ты, Ваня, снимай плащ, мой руки и садись. Сейчас за этим сто- ликом сам столик-то и обмоем.

— Это оно, конечно бы, и того, — замялся Ванька, — да теща ж там. Ехать надо.

— Ну, тут я командовать буду, а ты слушайся, — прямо как воркует Анна Ивановна.

И Ванька противиться ее словам никак не может. Сходил вниз, отвел мерина в сторону от подъезда, вернулся.

Анна Ивановна говорит много, а выпила-то чуть-чуть, за компанию лишь. И все закуски Ваньке пододвигает. Ну и Ванька не какой-нибудь там, чтоб всю бутылку вылакать. Не в Чумраке, чай. И не с Володькой Карнауховым. С тем бы эту бутылку ухнули, только утерлись бы. А с та- кой закуской и три бутылки, не помолясь, уговорили б. А тут Ванька три стопочки опорожнил, с выдержкой, чин по чину опорожнил, разрешение закурить попросил.

— Кури, — разрешила Анна Ивановна. — Хоть мужской дух будет. Давай только в комнату дверь прикроем.

И не стал торопиться домой Ванька. Всю свою жизнь рассказал Анне Ивановне. И она слушала, не утомилась. А как уходит ему, десятку в карман сунула. Ваньке дюже стыдно стало десятку ту брать, пожалел уж он, что разговор с тещей не утаил.

— А я знаю, что ты с меня и рубля б не взял, — сказала Анна Иванов- на. — Отдай деньги теще, лошадь отгони, а себя попытай: если очень по- тянет ко мне, приезжай. Я в столовой работаю, на заводе токарных пат- ронов. Найдешь. А после семи я дома. Давай оба подумаем, Ваня. Люди мы пока вольные, да чтоб неволи не было.

С тем Ванька и укатил в Чумрак. Мерина сразу в конюшню поставил, приковылял домой, а дома Нюра у них. Ванька еще с улицы ее в освещен- ном окне увидел. Так ему легко было только что, а тут тяжело сел Ванька на лавочку у порога.

Нюра, оказалось, уже туда, к Махряну, собралась. Теща ей свинины в белую тряпицу завернула, до порога проводила, увидела Ваньку и скрылась, дверь притворила. Остановилась Нюра перед Ванькой, постояла и рядом села.

— Ну, здорово, что ли! — бодро, а по-неправдашнему, сказала Нюра. — Как живем?

— Хлеб жуем. Побираться не ходим. Когда весь пай свой заберешь? Небось, требует.

— Требует, — призналась Нюра.

— А ты чего ж? Забирай.

— Ох, Ваня. Невольная я.

— За что боролась, на то и напоролась.

— А ты простил бы меня?

— Я тебя и не наказывал.

— Сама себя я наказала.

— Про то нам неизвестно.

— Так теперь знай.

Рядом сидит Нюра. Еще вчера Ванька в мыслях держал ее на коленях, по головке ее, неумную, гладил, и все бы простил. Теперь же всплыли обиды ее. Предала она Ваньку, в грязь втоптала да сверху соломкой присыпала... И пришла к нему тоска, нудная и протяжная, как собачий вой.

...Встал Ванька рано, теща спала еще. А он и глаз не сомкнул. Все думал Ванька, «себя пытал». И вышел за порог в одеянии своем выходном, взглянул на предрассветную улицу Колосовку, по обледелым узким жердочкам перебрался через речку Чумрачку и в гору пошел, к первому автобусу на Дубохлебск.

...Про Ваньку Грома да про Нюру его Молнию весной в Чумраке опять заговорили. Ушла она от Махряна, к матери воротилась. Ваньку в городе перестрывает, к себе зовет, а он говорит: я тебе не Гром, а ты не Молния мне. Отсверкала. Ванька в столовой работает. При лошади. Буян к нему из Чумрака убежал, по следу нашел. На дворе заводском теперь, как дома. Ночью завод сторожит, а днем с Ванькой рядом. А про Ваньку говорят, что Ванька того, чокнулся, похоже. По воскресеньям его с лошадью столовской да с Буяном то на Казацком шляху видят, то в Матюхиной балке. Лошадь пустит на волю, сам ляжет на землю и в небо смотрит. А чего в нем, в небе, высматривать-то? Нешто нормальный мужик станет без толку в небо глядеть? И куда он девается потом, непонятно. Через Чумрак-то ни разу и не проезжал. Сразу там, в степи, оказывается.

Там, на Казацком шляху, и встретила его агрономка, Мария Васильевна. Подъехала к нему на велосипеде, что ты делаешь тут, Ваня, спрашивает.

— А ты что делаешь? Ты ж на пенсии теперь.

— Правильно, Ваня, на пенсии. И делать мне тут нечего. А как весна, не могу, тянет в поле. Тут же вся моя жизнь прошла. Каждое деревце в лесной полосе знаю, каждый камушек на меже...

— Вот и я не могу, — сказал Ванька. — Я в Чумрак заезжать не хочу, другой дорогой еду. И тут вот душу отвожу.

— А что, и в городе тебе плохо?

— Что ты, Васильевна! Я теперь как снова на свет народился. И вроде бы до этого и света божьего не видел... Хотя, что я зря наговариваю, — задумался Ванька, — было плохое, было и хорошее. Но в Чумраке все потеряно, и жалеть не надо. А вот землю, места эти забыть не могу. И не так же они далеко. Потянет ветерок с нашей стороны, и я вроде бы дома.

— Я понимаю тебя, Ваня, — сказала Мария Васильевна. — Я вот, видишь, чего набрала? — взглянула она на багажник велосипеда. — По-

лыни степной. А то мало ее и перед порогом-то моим. Так нет, степной полынью подышать хочется. Я понимаю тебя, Ваня.

Ванька о ее жизни расспросил Марию Васильевну.

— Моя-то жизнь, что? — сказала агрономка. — Я с сорок второго года одна. Как убили моего Ивана Иваныча да брата Петю, всю ораву к себе собрала — свой сын, племянников-сирот двое, да родители мои. Хлебнуть пришлось всякого. Сватались за меня мужчины, а как подумаю бывало, куда же я с такой оравой, кому мои дети нужны, на том и остановка получалась. Но, я скажу, тогда жизнь все равно веселее была. Голоднее, а веселее. И песни в поле пели, и душевной друг к другу были, чужая боль и тебе больна была, и чужая радость радовала. А теперь сытые все, уткнулись в телевизоры, а что рядом делается, и знать не хотят.

— Ну, оно ж, Васильевна, время теперь другое. И тогда ж ты молодая была, по-другому все видела.

— Может, и так, — согласилась агрономка.

— Я все спросить хочу, — вдруг вспомнил Ванька, — ты не видела по телевизору, как это в облака теперь стрелять будут и дождь прольется на тебя сразу. Облака-то из морей-океанов выходят, американцы там их все не расстреляют?

— Нет, — рассмеялась Мария Васильевна. — Все не расстреляют. Это специальный препарат в заряде посылают в облако, он влагу конденсирует, собирает, стало быть, воедино, и вода от собственной тяжести вниз летит, дождем облако проливается. Так что ты не беспокойся, Ваня, — опять улыбнулась Мария Васильевна, — много облаков на свете, и нам с тобой останется...

СКВОРЦЫ

О скворцах говорят, что на своих крыльях они приносят весну. И в самом деле — наступает март, и мы их ждем, делаем и выставляем входом на восток новые скворешни, ремонтируем старые, а появление скворцов — это праздник. Особенно для детворы. Да и для пожилых — тоже. И вот они поют! Пожалуй, для определения издаваемых скворцами звуков подходит слово только это. Ведь не скажешь, что скворец щебечет или тенькает? Но его пение удивительно еще и тем, что скворец как бы кому-то подражает. У меня есть о скворце очень давнее и очень короткое стихотворение:

Скворец летит!
И сердце — празднует,
Во все века, во все эпохи
Скворец кого-то передразнивает.
А разве плохо?!

Однако человек ко всему привыкает. Скворцы напелись, мы наслушались. Пора за работу. У скворцов она, работа, начинается сразу, как говорится, вместе с песнями. Прошлогоднее гнездо по травинке-по соломинке выбрасывают, свежее — по травинке-по соломинке собирают. Причем эти дела у них общесемейные. Ну а вскорости приспеваает пора скворчихе и на яички садиться. Признаться, я до сих пор, уже не молодых лет, не могу определенно сказать, где «он» и где «она», оба черно-серебристые,

оба речисто-голосистые. Да и нет особой необходимости задаваться этим вопросом.

Меня интересовал некоторое время другой вопрос. Высадила матушка в грунт рассаду помидоров, а утром глянула: двух-трех нет, вместе с корешками. Туда-сюда — никаких следов. Естественно, в пустые лунки она сделала подсадку. На следующее утро вновь недосчитались нескольких корешков. Потом выяснилось: бедокур-скворец. Посередине грядки воткнула она палку, привязала к ней тряпицу, чтобы трепеталась на ветру, и помидоры наутро оказались в целости.

Сосед пояснил:

— Скворцы дюже помидорный дух уважают. А в скворешню волокут для дезинфекции.

Точно ли это так, я как-то выяснить не собрался. Такое объяснение проказы скворца меня удовлетворило. Я как бы привык к нему.

На дворе весна 1993 года. И вот уже, по моим наблюдениям, три марта подряд в области Центрального Черноземья скворцы не прилетают. Если быть точнее, апрельским ранним утром я видел трех скворцов у себя на даче под Белгородом. Но они улетели. И скворешня моя пуста. Пуста скворешня и моей матушки, которая уже в преклонном возрасте и которая каждую весну их ждет. Недавно сказала:

— Никакой палки с тряпицей на моей помидорной грядке они бы не увидели. Только бы прилетели, жили бы да пели. Что они думают, жалко мне рассады? Пусть таскают. Мне хватит. А им разве много надо?

Не от соседа я узнал версию о причине неприлета к нам скворцов. В газете вычитал, что тьма скворцов ныне в Голландии и в соседних с ней государствах. Там они — бедствие, ибо на их огромное количество не только помидорной рассады не хватает.

В заметке, видимо, знающий предмет автор сообщил, что скворцы, как, впрочем, и другие перелетные пернатые, двигаются над землей строго заданным маршрутом. И маршрут тех скворцов, которые родом из наших краев, пролегает над страшным местом, над тем, где располагается Чернобыльская атомная электростанция.

Об этом я прочитал в минувшем году и тогда же об этом я поведал моей матушке. Она вздохнула, горестно глянула на пустую скворешню, отвернулась и пошла в сад. Мне тогда показалось, что концом платка она смахнула слезу. Больше о скворцах мы с ней не разговаривали. И я уже как-то привык и к этому, к тому, что даже весной мы не разговариваем о скворцах.

А на днях матушка сказала:

— Ты знаешь, я подсчитала. Авария в Чернобыле случилась в восемьдесят шестом. А скворцов нет у нас три года. Значит, чтоб вымереть им, погубить себя на извечном пути, хватило четырех лет, восьми перелетов.

Мы были на даче. Она тяжело поглядела на пустую скворешню над грушей и добавила:

— Но даже не это, сынок, меня печалит сейчас горько-горестно. Печалит больше всего то, что многие люди вот уже три года и не замечают неприлета к нам скворцов.

Матушка молча удалилась в сад. А я вдруг подумал, что я скоро привыкну и к этому, к тому, что многие люди, а может, большинство, не замечают неприлета к нам скворцов.

Я закурил и почувствовал, что к горлу подкатил комок. Тот, который выжимает слезы...

НОЧНЫЕ КУВШИНКИ

На уборку я попал в самое дальнее село района, в Листопадовку. Жил в яслях. К вечеру детей уносили, ясли замыкали, но у меня был свой ключ от комнаты с отдельным ходом. Чудесная комната! Просторная, с белоснежными занавесочками и гулкая ночью от шагов. Для меня поставили здесь кровать, табуретку и теннисный стол. На нем я находил ужин, всегда уже остывший, хотя и укутанный полотенцем. Здорово было ужинать в полночь за теннисным столом и всякий раз думать, а зачем он младенцам?

Считай, сутки — в душной пыли, исколотый остюками, набившимися под рубашку и майку, словно крошечные ежики, — сутки я ждал этого момента. И теперь сидел чистенький, с мокрой головой, пахнувшей рекой, рожью, солнцем...

Наш СК-4 мы оставляли в поле, а сами с комбайнером Сантуровым на мотоцикле прямо по стерне мчались к реке. У меня замерзала спина, пока мы ехали в темноте. На берегу я сбрасывал с себя все и долго вытряхивал это все над рекой. И прыгал в воду. А вода — вар, горячая, особенно для спины. Я плывал под луной и звездами, под таинственным шелестом верб и дубов. Нырять, находил ракушки и пробовал докинуть до другого берега. И не докидывал: широко. А выходил из воды с кувшинками. Для дочек Сантурова. Ему лет тридцать шесть, а у него их четверо, да еще есть два сына. Из реки Сантуров вылезал раньше, курил и ждал меня. Потом снимал с проволочного багажника фуфайку и надевал, а мне отдавал свой вытряхнутый пиджак и кувшинки. И мы ехали в Листопадовку.

Поломки у нас что ни день. Ведро погнутое, камень, кусок оглобли паршивой — наши. И как Сантуров находил их во ржи или в пшенице на таких огромных полях, все диву давались. Хрястнет что-то внизу, он остановит комбайн, и не по ступенькам, а только шурх вниз — и полез. Сантуров глуховат, так орет — аж в Листопадовке слышно:

— Ключ! На восемнадцать!

Я хватать ключ из ящика и к нему:

— На.

— Иди ты с ним... — еще пуще орет. — Ослеп? Это ж на двадцать четыре.

— Не может быть...

Но ключ уже летит ко мне. Смотрю, точно — на двадцать четыре. Белкой — вверх. Нахожу на восемнадцать. Кувырком вниз:

— На.

Он что-нибудь откручивает, я стою наготове, гляжу. Ремонтирует он обычно сам. А, если я гайку закручу, так он ее все равно открутит, дунет в нее и закрутит.

Мозговит Сантуров. Любую вещь для хозяйства, только глянет — сделает. Да и не глянет — сделает. И запаслив. Найдет гвоздь, остановится, поглядит. Ногой ковырнет, еще поглядит. Присядет. Наступит ногой, пошел. Шел-шел, верть назад, и тот гвоздь — в карман. И в сердцах скажет:

— Да откуда ж ты взялся, проклятый?!

Отремонтируем там мотовило или наклонную камеру — и вперед. И гоним быстрее всех. При этом срез не страдает, даже пониже, чем у других. Я с ним тоже наловчился так же водить комбайн.

И вот — мысленно вижу все это и ужинаю. Не спешу. Поглядываю на одну-две кувшинки, которые мне всегда отдает Сантуров.

— Забирай все, зачем они мне? — скажу ему, расставаясь.

— Бери, бери! Может, кому вручишь. Но вручать их было некому.

И тут я услышал стук в окно. В общем-то не стук, а такой аккуратенький щелчок, вроде бы птичка клювиком сняла мошку со стекла. Я отодвинул шторку и посмотрел. Никого. Однако, и птицы в эту пору спят. Жучок ночной сильнее бы стукнул. Я постоял, подумал и задвинул шторку. И вдруг — снова, только в другое окно. Опять отодвигаю шторку, и — никого. А после третьего щелчка и в третье окно я накинул свой чистый пиджак и вышел в ясельный сад.

Ночь не темная и не светлая, ущербный месяц только встает. Свежевато. Где-то шлепнулась в траву тяжелая груша. И, наверно, самый неутомный, один-единственный сверчок верещит совсем рядом. Хорошо да и только!

Я обошел две стены под освещенными окнами. Дальше тропинка ведет к открытой калитке. Никого не увидел и вернулся. Одна вишня могла бы, пожалуй, дотянуться до окна, но при добром ветерке, а сейчас ничто не шелохнется. Я посмотрел на вишню и почему-то подумал: «Ты не дотянешься до окна, как я никак не докину ракушку до другого берега». Зашел, всунул в коридорную дверную ручку ножку от стула, выключил свет и улегся. «Так, ерунда всякая. После общежития впервые один...»

Проснулся от громкого треска мотоцикла.

— Погоди, Сантуров! Сейчас умоюсь...

— У тебя что, повылазило? Солнце вон где, а он — «умоюсь»! Садись.

У реки с татарским названием Савала, то есть светлая вода, минуту он все-таки подождал, и я умылся.

Приехали на место. Кроме сторожа Устиныча, никого у комбайнов нет. Это обрадовало Сантурова. Он прошелся по загонке, помял руками еще волгловатую рожь, о чем-то поговорил с Устинычем.

— Запускай, Константин! Полегоньку начнем.

Я завел мотор. Заправочная машина еще не появлялась, но у нас горючее оставалось. Подъехала на «козле», сама за рулем, главный агроном «Авангарда» Антонина Васильевна Губкина.

— В общем-то, ребята, косить можно. Только не торопитесь.

Я смотрю на ее статную фигуру, на загорелые лицо и ноги, а вижу другое лицо и другие загорелые ноги...

Вчера посылал меня Сантуров в мастерскую. «Хрустнула» у нас ось от привода цепной звездочки. Мастерская рядом с током. Я отдал ось кузнецу, а сам пошел попить во времянку. Иду мимо девчат, лопатящих зерно. Они обернулись в мою сторону, в первую секунду все одинаковые, в светлых платьях, на головах косынки, и все босиком.

— Здравствуйте! — сказал я.

— Здравствуешь, если не хвастаешь! Помогать нам идешь?

— А что, уморились?

— Да поглядеть охота, как ты лопату держишь. Небось, не знаешь с какого конца и брать.

И засмеялись.

— Вы сначала напоите меня, где тут вода у вас?

Ко мне вышла девушка. Вернее, девчужка. Молча прошла мимо и пошла вперед. Я понял, что надо идти за ней, и пошел.

Во времянке на лавке большой бак с краном и тут же кружка. Мух так много, словно их специально ловили и сюда выпускали.

— Чего хочешь, молока или квасу?

Обычные слова, обычный вопрос, но почему-то недружелюбно это сказано. Взгляды наши встретились. В тон ей, грубовато, я ответил:

— Молоко сроду не пью. Да вот же вода есть.

— И охота тебе пить из этой кружки?

Мне и правда не захотелось пить из погнутой старой кружки. Но мгновение назад я и не подумал бы о том, что она такая. Девчущка покопалась в своей сумке и достала бутылку квасу. Не холодного, правда, но из ржаной муки и настоящего на душистой молодой мяте. Я сделал несколько глотков и только тут увидел, что она подает мне свою эмалированную кружку.

— Ну вот! Что же ты не предупредила?

— Ладно, пей.

— У тебя еще-то есть?

— Есть.

По ее «есть» было ясно, нет у нее больше квасу. А я уже заметил в сумке пучок луку. На неловкость мою она подобрела:

— Да не думай ты. Пей всю, дело какое. Завтра я хоть пять бутылок принесу.

— Завтра я сюда не приеду. Не каждый же день нам с Сантуровым ломаться.

— Приедешь.

— Ну? И ты точно знаешь?

— Точно знаю.

— А зовут тебя как?

— Лариса.

— А знаешь, что означает твое имя? Она немного подумала и созналась:

— Нет, не знаю.

— Чайка. Лариса в переводе с греческого или с какого там еще языка — Чайка.

Довольная, она улыбнулась и сказала:

— И брехать же ты, видать, здоров.

— Ну а знаешь, как меня зовут?

— Костей тебя зовут.

— Верно.

Я не стал с ней возвращаться к девчатам и пошел к мастерской по-за времянкой по стерне.

* * *

...Лариса угадала — на следующий день я снова был в мастерской, хотя наш СК шел нормально. Этот скряга и жадоба Сантуров всучил мне какую-то железяку — размером чуть не с мельничный жернов и такой же тяжести, я еле до мотоцикла доволок.

— Дуй, — сказал, — в мастерскую. А как сделают, ко мне домой завезешь.

Кузнец, дымя махоркой, раз пять обошел вокруг этой, как он сказал, «части от ерунды» и почесал в затылке.

— Ну дает Сантуров! А чего с ней делать-то велел?

— Велел «обручем схватить».

— Хо-х! Ну молодец. Ну люб он мне, Сантуров! Изо всех моих зятьев это ж находка. В такую пору все помнит о своих пацанах. Ты знаешь, что он удумал?

— Что?

— Карусель дома сварганить. А то мало ему ясельных каруселей... А ты сам-то откуда будешь?

Я сказал.

— Нравится у нас?

— Хорошо. Да только смотреть некогда, работа.

— Что верно, то верно. Ты вот что, передай Сантурову... Я улыбнулся.

— Ты чего?

— Да ведь он зять вам, а вы его, как и все, тоже Сантуровым величаете.

— У, он тут что полководец какой! Да, так ты передай Сантурову, чтоб нонче он управлялся чуток пораньше. Скажи, дед в Ольховой балке мед качает. Велел приезжать сразу к нему. И ты приезжай. Медку отведаешь, отдохнем, подышим.

— Да ну, зачем же? Вы там все свои.

— А ты, что же, не хошь быть нашим?

Вопрос как-то врасплох застал меня. «Да» не скажешь, а «нет» обидит. Кузнец, видимо, понял это и добавил, чуть тронув меня за шевелюру:

— Приезжай.

— Ладно.

Я взял за рога сантуровский мотоцикл. Взглянув на ток, увидел: во времянку Лариса пошла. И мне вспомнилось ее вчерашнее — «Приедешь. Точно знаю». И что-то такое тронуло сердце. Что-то такое тронуло... А что, не поймешь.

И я пошел к Ларисе. Не через ток, где работают девчата и женщины, а по стерне, по-за времянкой. Впрочем, вход тот же, и я заметил, что девчата с улыбками смотрят на меня и о чем-то негромко заговорили.

А во времянке перемены явные. Дверь настежь, но марлевая занавеска до порога, и мух почти нет. Лариса выставила квасу бутылок шесть.

— Вот. Пей вдоволь.

Девчушка. Совсем девчушка. Мне, двадцатидвухлетнему, уже побегавшему за девчатами, ясно: неспроста все это для меня приготовлено.

Мы смотрим друг другу в глаза.

— А ты знаешь, я не хочу сейчас пить.

— Тогда возьми с собой.

— Куда же я поставлю? Сумки нет у меня.

— Сумка и не нужна. Ой, какой ты неумеха, оказывается... Она сдернула с головы косынку, запеленала в нее бутылку, укупоренную бумажной пробкой:

— На. Поставь ее «на попа» за ремень под рубашкой. Никуда не денется и не прольется. И не нагреется от тебя.

Вариант действительно подходящий и надежный. Я сделал, как она велела.

— Спасибо, Лариса. Ну, пока.

На какое-то мгновение мы оба отвели глаза, не зная, что еще сказать. Лариса взглянула на выставленные ею остальные бутылки квасу и низко опустила голову. А когда я откинул марлевую занавеску и оглянулся, мне показалось, что она смахнула слезу.

Но в следующее мгновение она улыбнулась. Открыто, чуть запрокинув голову. И я поразился. Никогда прежде я не видел, чтобы улыбка так могла преображать в общем-то просто симпатичное девичье лицо. Наверно, это и было то, что называют каким-то внутренним озарением, что ли. Я уже шагнул за порог, и нас разделила занавеска.

Той же дорогой я пошел к мастерской. Пошел, ничего и никого не замечая вокруг, видя перед собой лишь неповторимо прекрасное лицо Ларисы. А вспомнив, что она смахнула слезу, подумал: не было никакой слезы, это мне показалось...

* * *

...«Управиться чуток пораньше» мы с Сантуровым так и не смогли, но где-то в первом часу ночи в Ольховую балку примчались. Как всегда, искупавшиеся и с кувшинками. Пчелы спали, а у костерика возле фанерного перевозного домика поджидали нас дед Семен — хозяин пасеки, кузнец Илья Семеныч и — совершенно неожиданно для меня — Лариса.

Стало ясно: Лариса — дочь кузнеца и, значит, сестра жены Сантурова. Не по указанию ли жены своей Сантуров столь часто посылает меня в мастерскую? «Полководец»!

На старинном крашеном столике, утонувшем ножками в земле, расставлены тарелки с медом, хлеб, кружки и стаканы.

Дед Семен на мое «здравствуйте» сказал, будто мы были давними знакомыми:

— Садись. Наконец-то. Лариса! Чай разливай.

Лариса в белом коротеньком платье, в белых босоножках, в неярком свете костерика совсем другая, чем днем. Праздничная и загадочная.

Она шагнула к котелку, а я — к ней, с кувшинками.

— Принимай, Лариса.

А сам взял у нее большую эмалированную кружку. Сантуров громко добавил:

— Все забирай, Лариса! Мои теперь спят давно.

— Точно, — раскатисто засмеявшись, сказал кузнец. — После меду с чаем на зверобое. Пашка не захворал бы, больше всех наворачивал.

Речь, видимо, шла о сыне Сантурова.

— Пашка такой! — тоже захохотал Сантуров.

Я зачерпнул из котелка, но Лариса, опустив на траву кувшинки, перехватила кружку:

— Я сама. Ты садись, садись.

И стали мы под луной есть мед. Как говорится, по усам текло, но и в рот попало. Мужчины здесь собрались до работы охочие да и поесть не дураки. А поели, тары-бары пошли. Больше говорил Сантуров, и, конечно же, — хоть уши затыкай.

Лариса на лавочке сидела рядом со мной. Сантуров о чем-то говорил всем, а я слушал негромкий рассказ Ларисы. Она говорила о сантуровском четырехгодовалом Пашке, о его проделках и хитроватости. О том, как этот Пашка сделал себе конуру в стоге соломы за садом, залез в нее и вход солодкой прикрыл. Его ищут, ему все видно, и он там хохочет...

Я ушел прикурить к костерику. Дед Семен в него подбрасывает по два-три поленца, для освещения. Через минуту-другую Лариса оказалась рядом. И, не спеша, за разговором ушли мы с ней далеко в темноту, до рукава Савалы, заросшего осокой и камышом. У берега она сняла босонож-

ки, взяла их в руку, и мы дошли до копешки сена, видимо, сложенной дедом Семеном. Вот нам и свой шалаш!

Я вспомнил нашу первую встречу во времянке.

— Ты какая-то сердитая сначала была, что ли?

— Сердитая. На тебя.

— Так ты ж еще и не знала меня.

— Знала. Видела, как приехал с чемоданчиком. Мимо сантуровых окон прошел, а я у них была.

— Ну и что же?

— А то. Вечером Анька Тарабрина говорит про тебя: а новенький-то практикант — все «здравствуйте» да «пожалуйста», «как хорошо у вас...» Я, говорит, его живо приворожу. Он мой компот хвалил. Она в яслях работает.

— А, правда, хвалил. Хороший был компот. А она чернявая котоя, да?

— И косая!

— Я тоже заметил, косит немножко. Но, знаешь, это ей как раз и к лицу. Она ничего, симпатичная девчонка...

И тут Лариса залепила мне крепкую и звонкую пощечину. Это произошло мгновенно, я сначала ничего не понял. А понял, рассмеялся.

— Ну а теперь левой!

Но она бросилась ко мне:

— Прости. Прости, пожалуйста. А компот Анькин не пей! Он отравленный. Она туда чего хочешь накладает. Не пей!..

...О женщины!

И взял босоножки, поднял Ларису, обвившую мою шею, и понес ее к пасеке. Но она вдруг соскочила на землю, пошла рядом. А когда мы оказались у первого улья, обнаружили, что одну босоножку потеряли. Тут же увидели деда Семена. Стоял он здесь неизвестно зачем. Сантуров у костерика что-то доказывал кузнецу.

— Лишь бы головы не потеряли, — весело сказал дед Семен.

— А тебе что, дедушка? Свои головы потеряем, не ваши, — так же весело откликнулась Лариса и побежала босиком, белая во тьме...

* * *

...Отныне мы с Сантуровым делили кувшинки пополам. Он подвозил меня к яслям. Я знал, что Лариса где-то в саду, но выходила она всякий раз, когда Сантуров уже уезжал. Я вручал ей кувшинки, и мы шли в мою комнату. На теннисном столе, по-прежнему на том же месте, был ужин, укутанный полотенцем и всегда уже остывший. Лариса сразу же отодвигала его в сторону: «У, ведьма! Опять наготовила», и не разрешала ни к чему притронуться. И доставала из сумки свой ужин. Я дразнил ее: «А все-таки я посмотрю, что там сегодня мне Аннушка приготовила...»

Лариса таких шуток не понимала. И те недолгие час-полтора, что отводила нам на двоих судьба, порой уходила на то, чтобы ее успокоить.

Наверно, не осталось в ясельном саду ни одной тропинки, по которой бы мы не прошли с Ларисой. По натуре своей не больно скор я на слово, особенно — веселое. А поди ж ты, находились они, являлись такие слова. И озарялось лицо Ларисы. И так хотелось, чтобы улыбка ни на миг не покидала ее. Когда же Лариса тревожилась или чем-то была опечалена, тревога и печаль передавались и мне. И это состояние было тягостным,

щемящим, невыносимым. Прежде я ничего подобного не испытывал. Потом немало думал обо всем этом. И отчетливо представлял себе, что же оно такое то, что принято называть счастьем, и что такое — утрата его.

Больше всех цветов Лариса любила кувшинки. Я их тоже полюбил. Иногда проснусь, а на шее ожерелье так и осталось. Ее руками сделанное. И тепло на душе, и радостно, и светло на душе. И хотя под окном трещит уже мотоцикл Сантурова, все равно хорошо. А Сантуров перестал посылать меня в мастерскую бестолку. И полководцы должны кому-то подчиняться!

Теперь я сам искал повод, чтобы и днем вырваться в Листопадовку и повидаться с Ларисой. И убедительного повода не находил. Было уже одиннадцать утра. В это время сменял меня Сантуров. Можно поваляться в тени под копной соломы, можно и подремать, но отлучаться далеко нельзя. Дело, конечно, не в том, что за этим строгий контроль, просто — порядок есть порядок. Соблюдать его мы сами обязались накануне уборки. Есть у меня и книжки из листопадовской библиотеки. Их нам в поле привозят. Дочитываю «Казаков» Толстого. Да только — не лежит, не дремлет, не читается. Настроение — прямо как по песне: «... А сердце щемит и щемит у меня, как будто с ней век не видался».

Сантуров споро идет очередную загонку. И вообще — день выдался удачным. Ночная роса просохла быстро, а это верная примета: будет ведро. Между прочим, я записываю в блокнот эти самые приметы. И по возможности стараюсь их поскорей проверить. — Ну, к примеру, есть такие. Утром туман стелется над Савалой — будет хорошая погода. У акации поспели стручки, значит, и рожь поспела. Если кувшинки едва поднимаются утром над водой, да и то с опозданием — после обеда будет дождь. Эти я уже выверил: все сходится точно. А есть и такие, что сразу не проверишь. Кузнец Илья Семенович сказал: «13 июля кукушка всюю куковала. Стало быть, лето углядится хорошим и долгим». А вот пасечника, деда Семена, слова: «Осота нынче много. Зима холодной будет. А про декабрь так уже сейчас можно сказать, быть ему морозным, раз июнь вон как жарил». Последняя запись у меня такая: «Если паук выходит из гнезда и делает новую паутину — к погоде». Ее-то я и вознамерился проверить в зарослях шиповника на склоне оврага. За пауками наблюдал на прошлой неделе, а приметку услышал вчера. Но тут увидел: Сантуров зачем-то остановил комбайн на середине загонки и машет мне. Я замахал ответно. Теперь указывает: мотоцикл подгони. Что там у него опять? Подъезжаю. Сантуров уже спустился вниз, поджидает.

— Слушай, Константин, ты не обижайся, что не даю отдохнуть, — говорит Сантуров почему-то тихо и вроде бы виновато, — бери штурвал. Мне домой надо. Не обижайся...

— Да что ты запричитал-то?! Надо так надо. Езжай себе с богом. Последние слова я скороговоркой произнес, себе под нос, и пошел к комбайну. Но Сантуров расслышал все и, уже оседлав «Ижака», сказал:

— В том-то и дело, что не знаю пока, зачем ехать надо... А чувствую: ехать надо! — и газанул с места.

Обед нам тоже привозят в поле. Комбайны, разумеется, не простаивают: и за столом Сантуров сменяет меня, или я сменяю его. На сей раз он к обеду не вернулся. Значит, в Листопадовке что-то случилось...

А случилось вот что. Сынишка Сантурова Пашка, тот самый медолюб и проказник, исчез. Его искала с ребятами Лариса. И самый маленький, еще не говорящий сантуровский потомок у реки с мостика, с кото-

рого полоскают белье, указал ей в воду. Мол, Пашка там. Она сразу же бросилась в Савалу. И искала. День солнечный. И ей, видимо, показалось, что да, Пашка там. На дне было что-то похожее. В осоке, в перепутавшихся водорослях она пыталась дотянуться до того, что виделось с берега. Она выныривала и снова уходила под воду. Запуталась в водорослях и никак не могла выбраться. То, к чему она тянулась, был большой старый кувшин. Она дотянулась до кувшина, а силы иссякли. Именно в этот момент и подскочил к Савале Сантуров. Не раздеваясь, он бросился в воду, Ларису нашел сразу. Вместе с ней поднял и кувшин.

А Пашка на шум выбрался из какого-то своего укрытия.

К реке сбежались и стар и млад. Сантуров и тут не замешкался, вдвоем с соседом они сделали все, что необходимо было сделать в такой ситуации. Искусственное дыхание заставило, наконец, забиться сердце Ларисы.

* * *

...Прошел ровно год, и я снова на берегу Савалы, под таинственным шелестом верб и дубов. И снова — с кувшинками. Кому их вручу сегодня? Возможно, и некому будет вручить. Так вышло, что я не знаю пока, в Листопадовке ли теперь Лариса. И никто не ждет меня в этом самом дальнем селе района. Тем более сейчас, июльской ночью. Но Сантуров-то уж, конечно, должен быть здесь.

Тогда он проводил меня к рейсовому автобусу с кувшинками. Я вел их Ларисе в райцентр, в больницу. Однако мы с ней разминулись. Она почти в то же время выехала сюда.

Сантуров сказал тогда:

— Я ваших дел не знаю. Ты скоро станешь вольной птицей. Но чует моя душа, прикатишь к нам. Ко мне сперва прикатишь. Ты же так и не научился отличать ключ на восемнадцать от ключа на двадцать четыре...

— Уж так и не научился? Это я в суете ошибался, а ты эту суету постоянно и создавал.

Сантуров засмеялся и признал:

— Верно говоришь. Иногда я нарочно так делал. Характер твой проверял. И ты ни разу не сорвался. Значит, не злой ты человек, можно тебе доверить...

Сантуров не успел закончить свою мысль: шофер вдруг закрыл автоматическую дверь, потом открыл, впуская меня, и автобус покатил.

Ну что ж, о том ключе и поговорим с Сантуровым для начала. Я иду с кувшинками по ночной Листопадовке и вижу вдали всего лишь одно освещенное окно. И чем ближе подхожу к нему, тем крепче уверенность: это как раз то окно, за которым приветят меня...

Светлана Борисовна Руденченко родилась в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета. Работала учителем, директором школы в селе Пыховка Новохопёрского района Воронежской области. Публиковалась в журналах «Подъём», «Кольцовский сквер», коллективных поэтических сборниках. Автор книги стихотворений «Оберег». Член Союза писателей России. Живет в селе Пыховка Воронежской области.

Светлана Руденченко

Я СЛЫШУ ВЕЧНОСТЬ В КАЖДОМ ЗВУКЕ

* * *

То не волны о берег ропщут,
Не зарей заалелась река,
То Россия свой плат полощет
И не выполощет никак.
Полоскала в Дону да Волге,
Полоскала в Москве-реке,
Только горькие слезы вдовьи
Выступали на том платке.
Полоскала в Оке да Каме,
Опускала в свет-Енисей,
Только кровь на библейской ткани
Выступала еще ясней.
И склонилась она, убогая,
Выбиваясь уже из сил,
Одного только просит у Бога,
Чтобы был он на небеси.

* * *

Ранний час. Час Сатурна и магии.
Торжество пера и бумаги.
А в душе как в ограбленной скрыне:
Ни молитв, ни стихов, ни святыней.
А в душе ни рода, ни племени.
Стынет сытный суп с пельменями.
Оголтелые воют ветра.
Почернели иконы древние,
И взошли на костер деревни.
И не нам ли гореть в тех кострах.

Ранний час. Торжество покоя
Над жильем, над жнивьем, над строкою.
Божий свет из-под сомкнутых век...
Или, может, и в самом деле
Только лишь на страстной неделе
Наступает чистый четверг?

* * *

Да! Есть еще преданья на Руси.
И крепок Афанасьевский мороз.
И по дороге весело трусит
Лошадка меж мелькающих колес.
Степного сена еще зелен стог.
А снегопад задумчив так и тих,
Что сил земных под снегом слышен ток
И серебром звенящий русский стих.
Слезой огонь в печи не загасить.
Не отряхнуть с ресниц волшебных грез.
И четок профиль трепетных осин,
И неизбежна красота берез.
А потому пощады не проси
И выпрямись однажды в полный рост.
Да! Есть еще преданья на Руси,
И крепок Афанасьевский мороз.

* * *

Той истиной от пламени и пепла
Земного бытия
Я, может быть, однажды и ослепла,
Но стала зрячей, несомненно, я.
Той истиной, как выстрелом, отныне
Пробита плоть. Но, как воды глоток,
Та истина в томительной пустыне
И веры и безверия итог.
Та истина, когда себе дороже,
И ничего иного не дано.
Но вспенили, подняли тесто дрожжи.
В глухих подвалах вызрело вино.
Но свет взыграл в таинственной утробе
Дремучего, немого естества.
И Дух восстал, и час творенья пробил,
И Слово в мир сошло с креста.

* * *

А мне мила заброшенная церковь,
Где голуби гнездятся в куполах.
И божий свет сквозь решето отверстий
Струится, словно истина в словах.

Так невесомо высохшее тело,
Земли касаясь, смотрит в небеса,
Куда душа, тоскуя, отлетела.
Все минуло, прошло, все отболело,
И только, может быть, голубкой белой
Незримо вечность дремлет на часах.
Меня молиться не учили в детстве.
Был дед идейным недругом Христа.
А мне мила, как кровное наследство,
Заброшенная церковь без креста.

* * *

По лугу красная бродит корова.
Правит высокую скирду сосед.
Осталась неделя всего до Покрова.
Самое время долгих бесед.
Где-то сгорает боярышник в поле,
Не опалая зноем лица.
Господи, сколько света и боли
В мире ушедшего рано отца!
За горизонтом бледно-лиловым,
Там за размытою синькой дождя,
Что невозможно мне вымолвить слово
И невозможно в себе удержать.

* * *

И сбросив времени вериги,
Презрев мгновенные дары,
И разуверившись в интриге
Ума и чувственной игры,
Не окроплю слезою даты:
Все вспомнив и про все забыв,
Я разучилась быть солдатом
Ее высочества судьбы.
Самой себе себя вручаю.
Самой себе дарю совет.
И на саму себя серчаю,
Коль в темноте тьмой станет свет.
Познав безумие разлуки,
Сроднившись с древом бытия,
Я слышу вечность в каждом звуке.
И вечности причастна я.

* * *

Есть в жизни милосердия закон,
Который прячет правду далеко:
За тысячу запретов и замков.
За тридцать земель и облаков.
И открывает лик ее немногим.

И тщетно мы томимся на пороге,
И так хотим порог перешагнуть,
Запоры снять и распахнуть все двери,
Что бог, покорный нашему неверью,
Благословляет нас когда-нибудь...
И рушатся заветные печати.
И покровы спадают до конца.
А мы глядим с обидою дитяти,
Не узнавая в оспинах проклятий,
Так долго нас пленявшего лица.

* * *

В себе самом узреть зрачок горгоны.
Перед самим собою устоять.
И усмирив гордыни спесь и гонор,
Выдавливает по капли злобы яд.
В себе самом пройти все круги ада.
В себе найти причину всех причин,
И заслужить прощенья награду
У тех, кого собою огорчил.
Стать смертным братом молнии и грому,
Героем мифов и исландских саг.
И, повинувшись посоху земному,
Следы свои оставить в небесах.

* * *

Слова, в которых света нет,
Уже и не слова, а гири.
И нас спасет от летаргии
Не вождь, не воин, а поэт.
Над Соротью, как над богиней,
Пылает за полночь рассвет...
Душа, несущая в мир свет,
Покуда мир стоит, не сгинет.

Николай Владимирович Зотов родился в 1951 году в совхозе «Елань-Коленовский» Новохопёрского района Воронежской области. Окончил Калачеевский техникум механизации сельского хозяйства, филологический факультет Воронежского государственного университета. В 1980-х работал в районной газете, затем руководил деятельностью новохопёрских агентств страховых компаний. Публиковался в литературных альманахах, периодической печати. Живет в Новохопёрске.

Николай Зотов

ЗООПАРК

Рассказы

На них и внимания никто не обратил. Так, зашли двое после пятиминутной остановки в Дугде — одной из мизерных станций, обслуживающих Бамовскую ветку. Зашли, потоптались возле купе проводника, пошучивались с ним, проползли сумками по вагону и грузно опустились напротив нас, у бокового столика. Один похож на страусенка — белобрый, длинношей, лет семнадцати. Под расстегнутой болоньей курточкой еле угадывались хилые плечики. Другой не таков: низкорослый, длиннорукый, с выпуклой грудью, мощной шеей. Квадратные челюсти тунгусского лица и прищуренный взгляд раскосых глаз придавали облику свирепый вид. И если белобрый постоянно дергался, оглядывался по сторонам, будто знакомясь заочно с пассажирами, то «тунгус» не мельтешил. Упершись взглядом в столик, он напряженно о чем-то думал. Лет двадцать пять. Одет неброско, без претензий на что-то.

Поглядеть, ну обычная пара юных забудлыг, которых можно встретить всюду. Их сейчас — целый мир, расхристанных, нагловатых, панибратски настроенных. К ним уже все привыкают, как к неизбежному злу.

Поезд тронулся. Мы продолжали спокойно ужинать, как могут спокойно ужинать путники, пресыщенные временем. За

окном уже ничего нельзя было рассмотреть, да и надоели однообразная тайга, мелкорослая, темная, сиротливые полустанки, траншеевидные вездеходовские дороги, непостижимым образом соединяющие редкие-редкие почерневшие деревни. И над всем этим тихим миром мрачные осенние тучи. Тоска-а-а!

— Ну что, мужики, — немного освоившись, обратился к нам белобрысый. — Сидим-едим?

Мы удивленно посмотрели на него, как на залетевшую муху. Он быстро среагировал и уже другим тоном продолжил:

— Ну ладно-ладно, ножик-то хоть у вас найдется — рыбу нарезать?

Последние слова «страусенок» вызывающе проинтонировал. «Тунгус» оторвал взгляд от столика и тяжело посмотрел на своего друга. Взгляд как «табу», можно было и не бросать короткое:

— Умри!

— Да ладно, Серый, — недовольно пропел «страусенок», — не ешь мозги. Что я такого сделал?

— Умри! — чуть громче повторил Серый.

— Л-ла! — «страусенок» картинно поднял руки, но тем не менее просяще воззрился на нас.

Я все же одолжил нож, хотя и с молчаливого неодобрения моих попутчиков. И вскоре понял, что предстоит не ночь, а ноченька. Больно уж игриво был настроен меньшей. Он мигом выхватил из сумки несколько бутылок пива, фигурную фляжку, три сушеные рыбины — длинные и тонкие, как змеи.

Одну из них он отдал нам вместе с ножом:

— Во спасибо, мужики. А то грызть — мышинное дело, а я не мышь. Ха-ха-ха...

Жаргон понемногу пробивался, и это утверждало меня в первоначальном мнении. Сразу же повеяло неприязнью от его идиотского смеха, вначале вроде бы нормального, даже заразительного. Но по мере повторения этих «ха-ха» звук не замирал, а наращивался, превращаясь в торжествующую насмешку. В соответствии с этим менялось и выражение лица: от беззаботно веселого к презрительному. Получалось, что смеются над тобой. В открытую.

Рыбу мы взяли, но отложили в сторону. Подступило подспудное желание отвязаться от неожиданных соседей. Разумнее всего было молча продолжать свой ужин, что мы и сделали. Но, как говорится, пушка выстрелила, чему быть, тому не миновать. Где-то через полчаса разговор между приятелями оживился и понемногу перекинулся на нас. На столе у них тихо позвякивали пустые бутылки, фляжка валялась на боку, рыба давно была съедена.

— Ты, Серый, успокойся, — пьяно уговаривал «страусенок». — Я не бакланю. Приедешь — увидишь. Кранты!

— Где? — наседали с одним и тем же вопросом Серый.

— Да в Тынде, твою мать! Я ж тебе говорю, — почти кричал «страусенок».

— Где?

— А-а, быть мне кривому!

— Не ори! Где, спрашиваю? И смотри, Блоха, если что!..

— Да Серый, да ты ж меня знаешь, а? Ну чего ты, успокойся. Там же, у мангала, у Зозо, где и раньше. Хочешь еще раз расскажу? А?

— Не нравится мне твой Зозо, — зло бросил Серый. — И скажешь ты, наконец, где? Не на улице же, тыфу!

— А-а, усек, — быстро ответил Блоха. — Есть там угол, будь спок. Бля буду!

Он робко похлопывал Серого по руке и преданно засматривал в глаза. Тот нехотя сдался:

— Ладно, Блоха, завязывай. Сколько ща время? Пойдем покурим и — спать!

Серый медленно встал и с удовольствием расправил плечи. Блоха тоже поднялся, порыскал по карманам, по сумкам, нашел сигареты и облегченно вздохнул.

— Сколько время, мужики? — с усмешкой спросил он. Никто из нас не ответил.

— Вы чо, мужики?

Мы молча продолжали жевать телятину, и я чувствовал, что солидарное молчание было всем приятно. Визитка своего рода.

— По-ошли, — промычал Серый и потащил Блоху за руку. — В зоопарке не разговаривают.

— Н-да-а, — искренне удивился тот и вальяжно направился к тамбуру.

В тамбуре они пробыли долго. Известно, что пьяные разговоры короткими не бывают. За это время мы покончили с ужином, распланировали свои действия на завтра и потихоньку начали готовиться ко сну.

— На этих сопляков не обращайтесь внимания, — наставлял Иван Николаевич, старший нашей группы. — От них только вони много, лишнее нам. Главное — успешно пересесть в Тьнде. Там бывают патрули, могут загрести весь багаж — не пикнешь. Еще спасибо скажешь, что голым отпустят. Так что, ведем себя тихо, ни во что не ввязываемся.

— Ну, а если... — начал было Володя, его помощник.

— Никаких если! Рты — на замках. Я все проверну сам. Ваше дело — спокойно лежать и не мешать мне. Иначе — труба!

Мы понимали, что рисковать нельзя. Слишком тяжело достался нам свой груз, слишком дорого было уплачено за его нелегальный провоз, чтобы из-за возможной нелепой стычки лишиться всего. Понимать-то понимали, но и безропотно сносить все не хотелось.

— Я вас очень прошу, ребята, — продолжал Иван Николаевич. — Максимум выдержки. Часа через два-три они заснут, а то так и вовсе может не быть бузы. Успокойтесь, и будьте начеку. Я все сам.

Ладно, черт с ними, решил я. Станется с нас, что ли? Столько терпели, потерпим еще немного. Так думали, наверное, и другие. Накрывшись одеялами, мы начали уже подремывать, как тут появились они. Не останавливаясь, прошли в другой конец вагона, на ходу злорадно бросив:

— Ха-а, Серый, эти козлы уже спят. Ну-ну!

Нас словно ветром сдуло с полок. Ехидный голосок Блохи вмиг сбил христианскую готовность к терпению.

— Куда? — прокричал Иван Николаевич. — Назад!

— Это уж слишком, — возмущились мы в один голос. — Они будут делать это всю дорогу, а мы лежать?

— Да, лежать! — отрезал Иван Николаевич. Он сурово посмотрел на каждого и тихо продолжил. — Вы меня удивляете, честное слово. Не дай бог заваруха: проводник вызывает «омоновцев», а с ними бесполезно разговаривать. Паспорт, билет, вещи — все будут нюхать. Это — конец! Приедем домой пустые, а ведь каждый из вас деньги вложил в товар, целый год копил рубли на эту поездку. Неужели не жалко?

— Жалко...

— Тогда в чем дело?

Миша, хохол, геркулесовского сложения «качок», попытался высказаться:

— Иван Николаевич, я их обох так прыжарю оцим утюжком, шо воны до утра будут рады нэ просыпаться. Який тут «омон», чи заваруха! Ураз усэ...

— Молчать! — снова крикнул Иван Николаевич. Он встал и подошел к Мише вплотную. — Ты что, сала объелся? Тут твоя сила не нужна, запомни. Здесь не тайга, а вагон. Вагон, в котором едет проводник, который отвечает за порядок и которого за любое ЧП могут уволить, чего ждут десятки людей из очереди на его место. Понял? Чуть что — проводник обязан подать сигнал. Обя-язан! Приходят дюжие ребята и живо обесточивают твои «утюжки». Не таких ломали, поверь. Даже если ты будешь не виноват, найдут к чему прицепиться. Усвой опыт. Понял, герой?

— Ох, лышко-лышко, — вздохнул Михаил с досадой. — Нэ привык я к цему.

— Привыкай, дорогой, привыкай!

Иван Николаевич похлопал его по спине и прошел на свое место. А я лежал и думал, что нормальному человеку, привыкшему общаться с нормальными людьми, наша тревога по поводу мальчиков показалась бы излишней. Ну начнут надоедать — так пойдн пожалуйся проводнику. Он их пересадит, благо свободные места есть. Все! Так нет, целую стратегию разработали!

Однако я знал и другое, что так может рассуждать только тот, кто не знает дороги, ее написанных законов. Ушло то благословенное время, когда пассажиры должны были соблюдать определенные приличия. Непонятная свобода коснулась и транспортной жизни, и теперь не поймешь, чей порядок круче: тот, который пытается навести милиция, или тот, который привнесен жестоким ветром перемен. Если ты «купил» проводника, то что ты должен? Ниче-го! Он все тебе спустит с рук. И что сделает проводник, если другой, тоже «купивший» его, пожалуется на неудобства? А просто! Предложит найти общий язык.

А если это невозможно, привлечет из особого вагона «омоновцев», сопровождающих состав, которые для выяснения обстоятельств «вежливо» высадят из вагона скандалистов в какой-нибудь ближайший по следованию линейный отдел милиции, «досконально проверят», и ты поедешь дальше, но уже через сутки, уже другим поездом, с другими пассажирами и с заметно поубавившимся багажом. Такова цена жалобы! Так что лучше? Терпеть, понимая, что как обычные пассажиры, так и пассажиры, везущие товар, в случае конфликта никогда не вступятся за тебя? Да они и никогда не допустят никакого конфликта! Одни — просто из-за житейского страха и не нужных проблем с милицией, другие — из-за страха потерять добытое. Это лучше?!

Тогда разве мы — люди? Или драть горло, не догадываясь, что проводники, «омоновцы», работники линейных отделов милиции — суть одно целое, одна хорошо продуманная машина, для которой «пощипать» «челночника» благое и выгодное дело? Тогда как понять ту свободу, которую нам так щедро даровали, и достойны ли мы ее вообще?

Я лежал и упивался логикой своих размышлений. О, как закрутил! Прямо тупик какой-то. Один выход, самому напиться, чтоб другие боя-

лись. Можно смеяться. Но а если серьезно? Довольно щекотливая ситуация. Тут, как мой дед говорил, хоть верть-круть, хоть круть-верть.

Меж тем в начале вагона послышались угадываемые голоса. Я посмотрел вниз. Иван Николаевич с улыбкой подмигнул мне. Володя и Миша лежали, отвернувшись к стене. Чужие голоса, чужая энергия властно вращались в предсонный покой.

— А я тебе говорю, Серый, все это — блевотина. Эти козлы меня важно учат, напускают вид, фуфлят, а без кулака — ноль! Щенки, навозники, у них дерьмо из ушей лезет от ума...

Оба устало плюхнулись за столик, выгрузили водку и пиво из боковых карманов. Бутылки пять или шесть. Появилась палка колбасы, консервы и какая-то еще закуска. Но не столько это меня удивило, сколько взведенность Серого. Он тяжело дышал, постоянно оглядывался, мял ладони.

— А у тебя — из глотки! — рявкнул он. — Гад! Сколько раз говорил тебе, не фраерись! Тут стена, понял? Ее рвать надо, если уж напрягаться, а не брызгать слюной...

— Да не думал я, что они такие козлы, клянусь! Ну? Серый? Ну?

— А-а, пшел вон, отрав...

Серый отмахнулся и, схватив бутылку пива, ногтем большого пальца (одним ногтем!) мгновенно откупорил ее. Пробка дзинькнула об окно и вылетела на проход. А он жадно приложился и громадным кадыком громко отмерил несколько внушительных глотков.

— Мы куда едем? — отрыгнув, спросил он. — В Тынду! За чем? На дело! Может, не надо ехать, а?

Серый зло смотрел на своего друга и периодически прикладывался к пиву.

— Я тебе кто? — снова спрашивал он. — Конура? Лаять из-под меня удобно? Я в гробу видел твой гонор, барбос плюгавый! Еще дома тебе вгонял — лейся, но тонкой струйкой. Вгонял?

— Вгонял...

— А чего же ты сейчас взбрыкнул? А?

— Да не думал я, Серый, — одно и то же повторял Блоха. — Ну не злись, а? Ну, давай вдарим по сотке и забудем, а? Тебя ж только раз угостили, а меня в четыре грабли причесывали. Серый? А?

«Тунгус» сначала отвернулся, потом молча пододвинул стакан.

— Последний раз с тобой еду, понял? — глухо произнес он. — Крыть больше тебя не стану. Живи сам, своей мозгой.

— Да ладно тебе, — более смело протянул Блоха. — Не шагай вперед. Стол, водка — чем не житуха? Сиди и жуй, ха-ха-ха...

— Заткнись! — снова рявкнул Серый.

Они молча выпили и долго закусывали. Один не знал, как успокоить друга. Другой — как успокоиться. Оба уставились в ночное окно, послушно отдаваясь вагонной качке. Поезд увеличивал ход, не заботясь о спящих пассажирах. Он будто понимал этих ребят, поддерживая их обоюдное напряжение.

Иван Николаевич вдруг закашлялся, приподнялся на локте, а потом и совсем сел, откинувшись на перегородку. Друзья словно этого и ждали. Такого шанса для примирения они упустить не могли.

— Ха, папашка, ты еще живой? — начал Блоха. Он повернулся всем корпусом и ехидно захихикал. — А я думал тебе каюк. Час назад проходил, гляжу — откинул члены и не дышишь. Может, тебя полечить стопочкой? Давай, не бойся!

— Ну, во-первых, я тебе никакой не папашка, сыно-очек, — с желанием поставить на место пацана отвечал Иван Николаевич. — Во-вторых, кто из нас быстрее загнетса, еще не известно. Ишь, врач какой выискался! А в-третьих, чего мне тебя бояться, Блоху, без роду без племени. И пить я с тобой не буду, не хочу развращать малолетних. Все! Не мешай отдыхать.

— О-о-о-о!.. Гляди, Серый, он меня пугает. Он меня тоже учит. Да кто ты такой, дяденька? От тебя же смердит за версту!

— Хватит, дорогой. Я тебя по-человечески прошу. Иначе надеру уши — будут болеть.

В голосе Ивана Николаевича уже не было степенности. Блоха же обрадовался, что завел его. Он картинно сделал перехлоп ладонями по груди, коленям, столику и саркастически пропел:

— Ой, па-паш-ка, а ты мне нра-вишь-ся, а можно я к тебе при-ду, по-за-ба-вимся!

Иван Николаевич переменялся в лице. С трудом сдерживая себя, он выдавил сквозь зубы:

— Последний раз предупреждаю, замолчи и ложись спать. Не мешай людям.

Блоха засмеялся громко и раскатисто, демонстративно выставляя свое презрение. Меня снова поразил этот смех.

— Людям? — прервавшись, спросил он. — А где они?

И снова засмеялся, и вдруг закричал на весь вагон:

— Эй, вы-ы! Лю-ю-юди-и! Лю-юди, где вы-ы?

Вагон безмолвствовал. Но мы уже не могли спокойно наблюдать. Чувствуя это, Иван Николаевич предостерегающе поднял руку. Он встал, видно было, что в нем все клокотало.

— Послушай, засранец, я сейчас пойду к проводнику. Хочешь?

— Куда? Да иди? Он тебе конфетку даст, успокоит.

Блоха хмыкнул вслед удалявшемуся Ивану Николаевичу и, обращаясь к Серому, сказал:

— Во козел! Упадет же такой на голову!

Серый не усмирлял своего друга, а, на удивление, начал с ним заодно посмеиваться. Он менялся прямо на глазах, словно готовился к какому-то действию, но готовился с гораздо большей энергией, чем у Блохи.

— А пусть канает, не с... Начинается зоопарк, а значит надо выпить.

— Давай, — с готовностью поддержал Блоха.

Они выпили, по-стариковски крякнули и начали вяло закусывать. А мы молча слезли с верхних полок и устались в их наглые морды. Надо было, чтоб нас еще раз задели, чтоб был хотя бы легкий толчок. Но ни Серый, ни Блоха даже слова не произнесли и лишь ухмылялись меж собой. Похоже, им было тоже приятно проигнорировать нас, как в начале знакомства поступили с ними мы.

Появился проводник. Иван Николаевич остановился сзади.

— Вот эти артисты! — уже не сдерживаясь, выпалил он.

— В чем дело, ребята?

— А что такое? — удивленно ответил Серый. — Сидим, разговариваем, дела до нас никому нет. Что?

— Ну, как, — замешкался проводник, худой, нескладный, весь какой-то темный. — Кричите, обзываетесь... Зачем?

— Да какой базар, шеф! — пропищал Блоха. — Кто кричит? Может, во сне кто, а ты наезжаешь?

— Ну, как же...

— А так же, в натуре, в чем дело?

— Так, ребята, — проводник начал жестикулировать. — Слушайте внимательно. Во-первых, пожилой человек не будет врать. Раз! Во-вторых, если не успокоитесь и не найдете общий язык, позову отряд. Мало вам досталось в буфете? Это два! В-третьих, вы распиваете спиртное в вагоне, а это запрещено. Три! В-четвертых, если...

— Да ты пальца-то не гни, — перебил его Серый. — Спокойно скажи, чего надо, и все-е...

— Повторяю...

— Ой, не надо, а? — перебил теперь Блоха. Он медленно вытер свои жирные губы. — Давно просекли. Уже спим — не дышим. Иди и ты отдыхай.

— Смотрите, — сказал проводник и, обращаясь к Ивану Николаевичу, произнес дежурное. — А вы, если что... Но лучше не обращайтесь на них внимания.

Сказал и ушел, и мы снова остались один на один с торжествующим хамством. Иван Николаевич подсел к нам и разочарованно развел руками:

— Что я вам говорил? — выдохнул он. — Позовет отряд! Так сопите в две дырочки и не провоцируйте эту мразь. Все, бай-бай!

А за столиком удовлетворенно засмеялись. Первым начал Блоха, спокойно, по-отечески сочувственно:

— Эх вы-и, мужики-и! Хомутовое ваше племя! Когда же вы научитесь жить? Ты, папашка, на меня не обижайся, на мою эту грубость. Все не так. Я хочу, чтоб ты опустил на землю. Оглянись — вокруг тебя одни холопы! За копейку ползать будут. От этого тошно жить. Думаешь, я не знаю, чего вы зажались? Везете навар. Бойтесь кипеша. Трясетесь за каждую вещь. И от этого мне противно! Мы двое, вас четверо, а сделать нас не можете, кишка тонка. И все из-за жадности! Не скучно так жить, а? Папашка?

— Слушай, философ, как ты мне надоел, — вяло ответил Иван Николаевич.

— А как вы мне все такие надоели, — прошипел со свистом Блоха. — И не убывает вас, а прибывает. И как кость в глотке вы у меня торчите!

— Умри, Блоха!

— Да ладно, Серый!.. Интересно, когда же вы насытитесь, насытитесь, а? Ну сколько вам нужно денег, чтоб успокоились? Ну?

— Тысячу! — неожиданно выскочило у меня. Было забавно видеть, как картинно вещает и учит тот, кто так презрительно отзывался о своих недавних «учителях» в буфете, о чем мы только что узнали от проводника. Вот, значит, откуда появилось их возросшее озлобление! Чувство негодования сменилось у меня на чувство удивления и интереса. Удивления оттого, что этот паренек в общем-то бил в точку. Интереса — как в дальнейшем сложится «беседа», если ему немного подыграть.

— Тысячу! — повторил я. Они недоуменно переглянулись, затем Блоха поспешно достал две пятисотрублевые купюры и спросил:

— Таковую?

— Да, — ответил я.

Он взял зажигалку со стола и демонстративно поджег бедные денежки. Потом достал еще две такие же и снова спросил:

— Повторить?

И снова поджег. Мы опешили, а он доставал из внутреннего потаенного кармана новенькие хрустящие купюры и жег, жег, жег... Купе наполнялось специфическим запахом, куски обуглившихся пятисоток обреченно падали на пол, а его лицо, высвеченное огнем, горело яростным презрением ко всему мирскому и сущему, в глазах сверкало дьявольское удовлетворение фанатика.словно помешенный, приговаривал он в пьяном оскале:

— Ну, выхватывайте, мужички. Чего ждете? Ведь горит добро ваше, счастье ваше, цель ваша...

Всякому терпению приходит конец. Миша-качок, несмотря на сопротивление Ивана Николаевича, начал выдвигаться из глубины купе.

— Послухай, голуб, — грозно пророкотал он. — Як шо зараз нэ прэкратышь, поодрываю руки.

— Ха-а! — только и успел выкрикнуть «страусенок». Резкий взмах ноги Михаила — и зажигалка отлетела далеко к тамбуру. Серый мгновенно вскочил на ноги, но, ударившись о верхнюю полку, опустился на место. Блоха, зажав руку меж колен, тихонько взвыл. А мы, все вместе, еле усадили назад разъяренного хохла. Как оказалось, вовремя. Еще не успели осесть хлопья сгоревших банкнот и загореться давно назревавшая ссора, как из тамбура вышли двое. Тот, кто поменьше, в штатском, в кожаной куртке. Другой — рослый, в зеленом камуфляже.

— Дожда-ались, — обреченно протянул Иван Николаевич. И, повернувшись к Мише, укоризненно выговорил: — Просил же тебя!

«Омоновцы», учуяв гарь, остановились подле нас.

— Что такое? — настороженно спросил меньшей. И тут же удивленно сообщил своему напарнику. — О! Ты глянь, старые знакомые. А мы думали, что вы молочка попили и уже спите. А? В чем дело?

— Да вот, собираемся, дорогой. — нехотя ответил Блоха.

— Долго собираешься, дорогой. Слов, что ли, не понимаешь? А? Ты мне в буфете что обещал? Мало схлопотал?

И, не дожидаясь ответа, вырвав руку из кармана, снизу вверх смачно врезал по челюсти. Блоха только клацнул зубами и отвалился в угол. Голова свисла на грудь, весь он оплыл, словно растаял.

— Не трогайте его! — закричал Серый. — Меня — бейте, а его не трогайте.

Тот, что в зеленом камуфляже, вышел из-за спины меньшого и угрожающе прорычал:

— А ты, козел, вообще молчи, понял?

Он взял его обеими руками за голову и сильно насадил на выброшенное вперед колено. Раздался мокрый хруст, и кровь хлынула изо рта и носа.

— Иди мойся, чумазый! — приказал он.

Серый, пошатываясь и постанывая, зажав рот дрожащими руками, побрел к тамбуру.

— Что они тут жгли? — спросил меньшей, обратившись уже к нам.

— Да к чего ж, гроши! — ответил за всех Миша. — Гужують ребятки!

Меньшой засмеялся неизвестно чему и отвернулся от нас. Он придвинулся к Блохе и ладонью похлопал его по щекам. Тот сразу же пришел в себя и растерянно огляделся.

— Ну-ну, возвращайся, не дури, — почти добродушно ворковал «омоновец». — Сейчас мы уйдем, понял? Твой друг вернется из туалета. И вы сразу же раздеваетесь, бросаете кости на нары и — спать. Усек?

Блоха молча кивнул головой.

— Усек? — переспросил меньшей.

— Усек.

— Так-то будет лучше. Для тебя лучше.

Они молча повернулись и ушли назад, к дальнему тамбуру.

— Отак з нымы надо, Иван Николаевич. И давно б уже вси почивали, — довольно подвел черту Миша.

— Ладно, не умничай, — откликнулся Иван Николаевич. — Давайте, наконец, спать.

Я посмотрел на Блоху. Его отсутствующий взгляд, детская незащищенность пробудили во мне сочувствие. Только что был негодяем, а сейчас вызывал жалость. Он сидел, нервно перебирая руками остатки закуски, терпеливо ждал друга и морщился от сознания того, что опять по его вине произошла потасовка. Он ждал и мучился, не решаясь пройти в тамбур.

И его мучения чисто по-человечески мне были понятны. Да, с ними обошлись жестоко, их грубо подавили силой — может, отсюда моя жалость? С другой стороны, справедливость, пусть и таким методом, но была восстановлена. Однако торжествовать не хотелось. И разговаривать не хотелось, хотя я знал, что все обескуражены происшедшим и никому не до сна.

Вскоре вернулся Серый. Он также выглядел подавленным, но бледное лицо его источало решимость и знание, что делать.

— Найди мне вату!

Блоха кинулся искать и вытащил из сумки целый пук.

— Куда мне столько! — недовольно промычал он и принялся затыкать ноздри.

— Серый, прости, а? Я знаю, что все из-за меня, но прости, а? — начал канючить Блоха.

Серый молчал. Он откинулся в угол и прикрыл глаза.

— Ну, не уплывай, а? Ну, давай поговорим. Возьмем бутылку и поговорим, а? Ведь ничего же особенного не случилось, а? Обычное дело, а? Ну, Серый!

Серый приподнялся, схватил Блоху за горло и прохрипел:

— Что тебе еще нужно для полного кайфа, а? Чтоб ты заткнулся и лег спать, а? С-сука!

Он отбросил от себя Блоху, снова откинулся в угол, но говорить продолжал:

— Сейчас пойду, возьму бутылку, ты выпьешь и ляжешь спать. Без звука! Понял? Иначе я тебя сброшу. Вместе с сумками улетишь в тайгу, понял? Мразь! Вздумал с кем тягаться! Да они нас тут раздавят своими сапогами! Надо было гоношиться в буфете, гад?! Зачем тебе твой череп? Сволота!

— Ну, Серый...

— Заткнись! Я пошел, и ты меня знаешь, если что.

Длительной ссоры между близкими друзьями не бывает. А потому я не удивился, когда через полчаса они уже мирно беседовали, доканчивая бутылку водки. Блоха уже перестал извиняться, время от времени начал посмеиваться своим поставленным смехом. Иногда улыбался и Серый, придерживая пальцами разбитые губы. Они говорили о своем рискованном деле (оба были курьерами), о том, что только им это под силу, о немалых деньгах, которые получают и которые презирают, и еще о многом наносном, ненужном. На их лицах постепенно появились утраченные аг-

рессивность и нагловатость. Жалеть их было уже не за что. А когда в ответ на просьбу Ивана Николаевича болтать потише, Блоха в своем стиле бросил: «Заткнись, старый козел!», я снова их возненавидел. Все, как по команде, соскочили с мест, но теперь уж наш главный был начеку: он перегородил купе и так оскалился, что оставалось только скрипнуть зубами и отступить.

В Тутауле я вышел на пять минут покурить. Все равно не спалось, да и хотелось подышать немного. Ночь холодная, таежная, ни одной звездочки, всюду непроглядная темь. Где-то у переднего вагона вокзал, но идти туда не хотелось.

Надо было побыть одному. Я устал от этих наглых, грязных и липких слов. Мне казалось, что они не понимают, что говорят и зачем говорят. Нормальную жизнь, то есть ту среду обитания, где находимся мы, они называют зоопарком. Это по их понятиям, как говорится. Глупые!

А если не так? Если мыльный пузырь вседозволенности — лишь более широкий вольер, вмещающий не только таких как они, но и всю новую уродливую поросль? И как знать, насколько губительны для них будут понятия или законы создателей подобного вольера? И какой зоопарк назвать тогда настоящим?

Стараясь освободиться от этих тяжелых, ненужных рассуждений, я повернулся и зашлепал по влажному щебню назад, к людям, к своим друзьям. И уже через несколько шагов, к немалому удивлению, услышал знакомый смех у нашего вагона. Да, они стояли у входа, курили, пили пиво, и что-то рассказывали проводнику. Тут же стояли те двое «омоновца» и уговаривали наших бедолаг вернуться в вагон.

— Ну ща пойдем, братан, — отнекивался Блоха. — Успеем мы в эту конуру. Дай подышать свободой. Ха-ха...

— Мы в порядке, — поддакивал Серый. — Мы все понимаем.

Тот, кто был в кожанке, хмыкнул и совсем добродушно спросил:

— Откуда ж ты такой хохотунчик, Блоха? Или как там тебя?

И тут произошло то, что совсем шокировало меня, что вмиг затмило все мои недавние мысли.

— Из Алжиру, быть бы живу, — весело ответил Блоха и засмеялся своим фирменным смехом. Но на последнем «ха» он вдруг крутнулся вокруг своей оси и свалился замертво. Это «омоновец» в штатском провел сильнейший удар, без замаха, так же, как и в вагоне, моментально выхватив кулак из кармана. Доли секунды, щелчок и все. И полная неподвижность...

Заносили его все вместе. Серый плакал, взволнованно вел себя проводник и лишь только «омоновец» спокойно бросил:

— Теперь с час смеяться не будет, а будет спать, что и положено ночью.

Блоха был нем и ни на что не реагировал. Серый заботливо поддерживал его, сглатывая слезы и шепча одно и то же:

— Гады, гады, гады...

Снова знакомое чувство жалости зашевелилось во мне. Я смотрел, как Серый хлопочет над своим другом и думал, неужели они не знают другой жизни, отличной от этой, собачьей? Неужели привыкли и иначе не могут? Почему судьба уготовила им участь вбирать в себя все зло? Из какого гнезда они вылетели и кто вскормил их? В моем сознании возникали все новые и новые вопросы, большие и безответные. Но их дремучая тяжесть постепенно, все полнее, сменялась ясным чувством стыда за соде-

янное. Получалось, мы опять смолчали, и опять по своим соображениям. И такой вывод доказывал несмолкаемый яростный шепот Серого:

— Гады, гады, гады...

Серый раздевал своего друга, развешивал одежду, взбивал подушку и от бессилия повторял одно и то же. Он постоянно шмыгал носом, слезы катились по его округлым щекам и попадали на закровившие вновь губы. Он шумно вытирался тыльной стороной ладони, не заботясь о том, чтобы хоть как-то скрыть свою слабость. Наконец он сел, достал платочек, высморкался, вытер руки и обратился к нам:

— Ну что, довольны, мужички? Это ваш порядок? Как же вас после этого называть? Вас и вам подобных?

— А ты не плачься, — спокойно ответил Иван Николаевич. — Сам виноват. Тыщу раз предупреждали. И при чем тут мы?

— За предупрежденьице спасибочки, низкий поклон, папаша. Спа-си-бо!

— А ты не кривляйся, — продолжал Иван Николаевич. — Ты мне внук, а козлом обзываешь, приглашаешь «позабавиться», ржешь, как лошадь, мне в лицо. Не обидно?

Серый замотал головой и нехотя ответил:

— Так то ж Блоха, и спьяна. Не со зла, а для куражу. Он это любит...

— А я нет. В зоопарк меня определил тоже он?

Застонал Блоха, тихо и до того жалобно, что всех нас передернуло. Михаил спрыгнул с полки и, как старому знакомому, приказал Серому:

— Ты от шо, голуб, давай гроши, я збигаю у буфет, а то тэбэ там вбьють. Возьму водкы, дашь ему пару раз ковтнуть и вин враз отойдэ. Давай!

Серый удивленно посмотрел на хохла, но молча достал сотенную. Мы сгрудились вокруг Блохи. Лицо его было бледно и все мокро от пота. Тонкие ноздри слегка подрагивали, в такт им тихо пульсировали синие прожилки на висках. Жалкое зрелище. Жалкое и пугающее...

— Хреновое дело, — заключил Иван Николаевич. — Возьми наша-тырь у проводника. Быстро!

Серый метнулся к дальнему тамбуру. Через минуту вместе с проводником они вернулись назад. После того, как ему дали понюхать, Блоха застонал сильнее, голова его дернулась влево-вправо и вдруг медленно-медленно открылись глаза. Лицо тут же искривилось от боли, но уже осмысленный стон наконец-то раскрыл его губы.

— Се-ее...

— Я здесь, Блоха, здесь. Все нормально, нормально...

Сзади раздались шаги Михаила.

— А ну, разойдись, — гаркнул он. В руках у него была бутылка водки и бутылка минералки. Миша скрутил пробку, взял со стола стакан и на треть наполнил его. Затем откупорил минералку и налил в кружку.

— Пиднимайте его. Та-ак. Ододвыньте в угол. Та-к. Ну, як ты, дурачок?

— Се-ерый!

— Я здесь, здесь...

Миша сдавил своими лапищами щеки Блохи и второй рукой медленно влил водку, затем минералку. Блоха испуганно, взახлеб принял «лекарство» и его почти тут же вырвало.

— О! — обрадовался хохол. — Тэпэр порядок. Тришке продышитя, нальешь, Серый, ще порцию и вин станэ як новый. Голова моя на отруб!

Мы дружно засмеялись, шумно засуетились, загомонили, подбадри-

вая Блоху. Проводник принес тряпку, Серый вытер пол и, казалось, что уж теперь-то мы дружной семьей доедем до Тынды. Всякое бывает в дороге, подумаешь!

Но не тут-то было!

Пока мы с Володей курили в тамбуре, пока сочувствовали ребятам с высоты своих лет, журили их за юное лихачество, в нашем купе уже зазвучало знакомое «ха-ха-а...».

Мы заспешили на место и снова стали свидетелями поразившего нас действия. Столик вновь был поднят, за ним сидел Блоха, осторожно вращая головой и что-то говоря в наш адрес. Серого не было. На столе — принесенная Мишей водка, вода.

— А ты что ж думал, хохол? — медленно выговаривал Блоха. — Ты думал, я окочурюсь? Хрен тебе, не хотел? Я стерплю, холопская твоя морда! Выдержу!

— Да уймысь ты, сынку, — по-медвежьи отмахивался Михаил. — От уж точно блоха, ей-ей!

— Решил подшестерить, замазать, — не слушая его, продолжал Блоха. — Спать ему, гаду, хочется! Покой ему нужен! Сделаю я тебе покой, сальная харя!

— Зараз слазю и роблю покой, як шо нэ вгомонишься!

— А слезай, попробуй, — по-змеиному прошипел Блоха.

— Да успокойся ты, — попробовал урезонить его Иван Николаевич.

— А ты, папашка, не лезь!

В это время появился Серый. Незаметно. Он испуганно обежал всех взглядом, поставил на столик пиво, фляжку и спросил:

— Что случилось?

— Уложи его, голуб, а! — прогромыхал в ответ Миша. Я вжэ нэ знаю, з якого боку к ему пидступыться. Дай ему титьку, чи шо!

— Что?! — взвился Блоха. — Ах ты, сволота! Он, Серый, попрекает меня водкой. Да нас... мне на твою водку!

В следующий миг он вскочил, схватил за горлышко бутылку и, размахнувшись, резко бросил ее об пол. Словно из хрусталя сделанная, она разлетелась на мелкие кусочки. Резкий запах спиртного заполнил купе.

— Слазь, сучье отродье, я тебя малость взбодрю!

Серый обхватил его за плечи и начал успокаивать, по-своему доходчиво:

— Убью, Блоха, ты меня уж доконал, пидор!

Мы, в свою очередь, повисли на Мишиных плечах, стараясь не дать ему пробиться к проходу. Со стороны дальнего тамбура показался проводник.

— Фу-у, — поморщился он от запаха. — Да вы что, осатанели?

— Я уж, наверное, скоро с ума сойду, — простонал Иван Николаевич. — Сделайте что-нибудь с ними, наконец. Ведь до крайности доведут!

— А что случилось?

— Да все то же! Неужели не видите...

Проводник молча ушел назад, но ненадолго. Через пять минут он вернулся с двумя громилами, одетыми по полной боевой. Реальная угроза чувствуется не только зверем, я тогда это сразу понял. Все мы расселись по местам. Блоха даже притворился спящим, вдавившись в угол. Стало слышно, как стучат колеса и поскрипывает вагон.

— Эти? — спросил один из «омоновцев».

— О-они, — ответил проводник.

— Что такое, господа, вы откуда и куда? — игриво пропел другой.
— Едем в Тынду, из Дугды, — настороженно ответил Серый.
— А-а, дугдын твою мать! Ты еще в форме? Нам рассказывали про вас.
Хорошо! Первое — убрать в купе, второе — доложить, что спите. Ясно?
— А если я не стану убирать, что будет? — с ехидцей спросил Блоха и чуть ли не физически ощутил на себе свирепый взгляд Серого.
— Тогда узнаешь.
— Тогда хочу все знать! — снова с ехидцей сказал Блоха.
— Тогда пошли!

Они сграбастали ребят и унесли в противоположный тамбур. Проводник принес ведро, тряпку, веник, убрал купе, сгреб все со стола и ушел. Затем вернулся, взял их сумки, одежду и так же молча удалился.

Мы сидели и ждали, иногда поглядывая в сторону тамбура. Минут через двадцать пришел проводник и сказал, как ни в чем не бывало:

— Вас не тронут, ложитесь спать. Ничего не видели и не слышали. Ясно?

— А что с ними? — спросил я.

— Известно что. Вырубят, уложат, на следующей станции сдадут. Спокой ночи!

И ушел.

Было без четверти три. Спать не хотелось. Говорить не хотелось. Курить не хотелось. В вагоне установилась тяжелая тишина. Мы сидели в полной отрешенности, смутно сознавая, что произошло что-то нереальное, далекое от нормальной жизни. Настолько далекое, что возвращение в реальность само по себе казалось нереальным.

Больше мы этих ребят не видели. Бог им судья...

А нам?..

ЗУБОК

Сколько себя помню, всегда хотел разобраться в том, что представляет собой феномен личности, из каких секретных составляющих вдруг, на виду у всех, образуется одаренность, неповторимость характера твоего вчерашнего соклассника, соседа по улице. Но каждый раз захожу в тупик. Каждый раз мучаюсь и стыжусь оттого, что вот сейчас, уже успевший многое повидать, обогатиться нужным и ненужным жизненным опытом, я не могу даже отчасти решить свою задачу. Единственно, что хоть как-то успокаивает — это сознание, что и до тебя разбивали лоб об эту непостижимость. Что и до тебя сам бог ничего не мог объяснить, кинув, как кость, мудрецам всего мира, пожалуй, самую интересную для человека тайну.

Наше село в старину называлось Паникой. Потому что зародилось на одном из берегов речки Паники, к нашей поре уже обмелевшей и превратившейся в сеть отгороженных плотинами прудов и затянутах осокою небольших озер. Когда-то это место облюбовала графиня Раевская, дочь прославленного в Отечественную войну 1812 года генерала. Она приобрела несколько десятин плодородной земли и создала здесь не то что обособленное имение, но небольшой дачный поселок, впоследствии естественным образом расширенный. Прилепившиеся крестьяне выращивали хлеб, но больше занимались овцеводством: кругом целинные степи, изредка порезанные лесными балками с родниками — знай работай! До сих пор сохранились постройки тех времен, в них еще живут люди (!), а в основном

хозяйском доме, с могучей лиственницей у центрального входа, размещалась совсем недавно восьмилетняя школа.

Добротно возведенные постройки прекрасно вписывались в местный ландшафт, создавая барский уют и так необходимый сельчанам порядок!

В начале прошлого века графиня однажды прервала отдых и уехала, дав обычные указания своему управляющему, да так и не вернулась. Дачное имение постепенно приходило в запустение. Никто уже с таким усердием не ухаживал за любовно высаженными лиственницами и елями, прекрасным сосновым бором, который сиротливо посматривал с пригорка на мелевшую бесхозную речушку.

Ушел хозяин... Но пришел другой. На берегу Паники был образован совхоз. Канули в далекое, никому не нужное прошлое предания о том, как в маленькой тележке, запряженной огромным бородатым козлом, по приказу графини ежедневно катали ее маленьких дочерей, заливающихся от счастья звонким смехом. Чудно становилось народу. Высморкавшись на лезвие косы, усталые мужики дивились необычной картине, смачно обсуждая при том господские забавы. Теперь настала совсем иная жизнь, другие старики умилялись уже другой картине, не понимая, как это может железная бесчувственная машина без кнута и овса да без роздыху так ловко пахать, убирать и сеять.

Многое изменилось с тех пор. Не изменилась земля, на которой так же, как прежде, рождались и умирали люди. Родились однажды и мы.

Мы!

Заплатанные сзади штаны, босые, в цыпках, ноги и досужие до всего руки. Жили в одинаковых домах, большей частью в тех же раевских хозяйственных пристройках. Родители наши держали одну и ту же, необходимую для пропитания, живность, в зимнее время выхаживая телят и ягнят прямо в жилой комнате, зачастую единственной. Сейчас, конечно, иначе. Но тогда было так.

Дружили семьями тогда крепко. В гости приходили запросто, хозяева к приему заранее не готовились. Стол, конечно, накрывали, но не всегда. Излишней застольной показухи не было. Просто сидели и судачили. Сапог не снимали, окурки бросали под ноги, семечки лузгали на пол. То ли говорить умели наши отцы, то ли было о чем поговорить. Иногда пели, чаще играли в лото, карты. Ни тебе телевизора, ни магнитофона.

Нам, ребятам, особенно было весело. Из отведенного угла, а то с печи мы жадно рассматривали лица многочисленных гостей, чутко прислушиваясь к их разговору и по-своему перемывали каждому косточки. И вот уже тогда Женька Зубков, а по-нашему — Зубок, начинал входить в роль. Был он года на три-четыре постарше нас, но не это выделяло его. Подкупала мужичья степенность в суждениях, грубоватые характеристики, способность на лету схватывать суть взрослого разговора. Разумеется, все это шло от подражания старшим, мы понимали. Но у нас не получалось, а у него выходило на удивление интересно. И каждый смотрел ему в рот, и первое слово всегда было за ним, а его оценка — самая верная.

— Гля, Жек, — толкали мы под бок Зубка. — У дяди Коли портсигар какой!

— Какой?

— Ко-о-ожаный...

— У Спиридоныча? — лениво уточнял он. — Эт не нашенский, небось, где-нибудь хапнул или выменял. Он же — урка. Да и пробовал я. Слишком мягкий, за так не взял бы.

— Кто б тебе дал еще!
— Заткнитесь, умачи! Я вон достал железный, понадежней, ототру только немного и как новенький будет.
— Не бреши! Где?
— Я тебе, хмырь, дам не бреши! А ну подставляй лоб!
— У-у, сразу лоб...
— То-то, сосунок, лежи и не квакай. На прошлой неделе в шалаше у деда Гришки нашел. Там у него разных законских вещей — завались! Хошь, пошли завтра. А, сс...шь! Так не перечь старшим. Понял?
— По-онял...
— Ну-ну. Вы вон лучше на баб посмотрите — у-ух, расселись. Каждый занимался своим. Иногда на нас прищывали. Но замолкали чаще мы не от того, а от подобных предложений Зубка, от его взрослой скептической ухмылки. Нас выбивали из колеи его рассказы о женщинах. Всегда непристойные, пошлые, но, как считали мы тогда, правильные.
— Вон сидит дева-аха, в гробу б я ее видел, — кивал он в сторону сорокалетней соседки. — Так и трется возле Михалыча, с-сука. Платье красное натянула до пят, а сиськи за версту выпирают.
— Эт же тетя Клава, Жек! Баба как баба. Чего?
— Того! Знаю я их. Посмотрел бы в бане, какие они, чо говорят, послушал бы. Я, вон, отцу рассказал, так он гоготал с час, потом, правда, по шее надавал, чтоб не подглядывал. Кто пойдет завтра со мной смотреть? Женская баня-то!
Мы молчим и завидуем ему. Чему завидуем — не понимаем, но завидуем.
— Так кто пойдет?
— Да-а-а...
— Ну и хрен с вами, салаги!
Подобные разговоры — мелочь. Но их столько было за вечер, что переполняло спрос. Он всегда находился в курсе всех совхозных дел, происшествий. Никто не мог тягаться с ним по этой части. Зато слушали — с раскрытыми ртами. Вертелся он круглыми днями среди ядреных мужиков, часто выпивших. Рассказывать научился у них быстро, образно, емко, жестикулируя руками и ногами, эмоционально выпевая эпитеты. Была ли это постоянная страсть к необычному, новому? Или неукротимая тяга к быстрой самореализации? Не могу сказать...
Сидим на лодке. Жарко, время — около полудня. Вода в пруду зелено-вато-грязная, пахнет тинной, гусиным пометом. Говорим о чем попало.
— Чем мужик от бабы отличается, знаешь? — вдруг спрашивает Зубок. И хитро улыбается.
— Чем? — жму плечами и стараюсь не выказать волнения от смутной, грязной догадки. — А чем?
Кратко поясняет, я невольно краснею. Он смеется.
— Не веришь — спроси у своего отца.
Опять смеется и опять поясняет, еще более подробно. Потом вдруг ни с того ни с сего, мечтательно поджав колени к груди, говорит:
— Эх ты, надо все знать, понял? Скоро в четвертый пойдешь, а как слепое котя. Еще отли-и-чник. Вот, к примеру, чтоб ты еще хотел, если бы у тебя все было?
— Не зна-ю. Сильным хотел бы быть, высоким. Не знаю.
— Ты — сильным? Во уморил!

— А чо?

— Да ничо! Такие, как ты, всегда хилыми будут. Для чего сила, если муху боишься обидеть? Ты — трутень! Кормят тебя, поят, а отдачи никакой. Только деньги переводят.

— Да ладно тебе...

— Ладно у попа в кадиле. Если не будешь жить, век малышом останешься. Жалко мне вас, таких.

— А я не живу?

— Хе-х! Да знаешь ты, что такое жизнь? Читал у Джека Лондона «Любовь к жизни»? Жизнь — это борьба. А из тебя борец, как из моего... ополовник.

Вот такой он был мудрый! Что я или любой из нас мог возразить? Мы, как оглушенные, молча внимали, а по вечерам меньшим дружкам с высокомерной grimасой выдавали приобретенные знания за свои. И заглядывали в сельскую библиотеку.

В нем уживалось поразительно много начал. Развивал он их неравномерно. За одни мы его ненавидели, другими — восторгались. Он очень много читал уже с детства. Причем читал, чтобы знать. Любое непонятное слово, неизвестные государственные, неизвестные обычаи и традиции в жизни людей зажигали в нем ярый исследовательский азарт. Он был болен историей, знал многих национальных героев, которым старался подражать. Он довольно грамотно разбирался в вопросах эволюции и становления общества, причинах и следствиях локальных и мировых войн, чем нередко ставил в тупик наших школьных учителей и даже районных инспекторов. Что было довольно редко среди нас, он умел быстро и доходчиво объяснить. Как-то, уже перед армией, едем с ним на машине. Завели разговор о шеститомной эпопее Антоновской «Великий Моурави», а конкретно — о национальном герое Грузии Георгии Саакадзе. Он слушал мои рассуждения о роли азнауров в освободительной борьбе, об их подвигах и т.д., и вдруг спрашивает:

— А знаешь, кто такой азнаур?

Я смутился. Дать четкое определение не мог. Страшно обидно было, имел же, черт возьми, представление, а вот... Он рассмеялся и похлопал меня по плечу:

— Эх ты! Я так и знал. Азнаур — это, по-нашему, мелкий помещик. Саакадзе был обречен потерпеть поражение, потому что был предводителем мелких, да и сам из них. Зависть и продажность больше всего среди мелких. Не замечал? Отсюда и твоя неубедительность. Не все хотели видеть Саакадзе сильным дома, а тем более — вне его. Как и всех народных героев. Понял?

Разве мог я такое понять? За описанием батальных сцен, хитрых дипломатических ходов ничего не видевший. Да мне и вовсе были неинтересны обобщения, исторические выводы. Я упивался деталями, героическими поступками, писательским мастерством. А вот он мог! Он не вдавался в подробности. Он говорил о расчлененности свободолубивой Грузии, о слабом вооружении, о плохой военной выучке и многих других вопросах стратегического порядка. Говорил просто, доходчиво. А я ерзал на месте и думал о том, почему ему дано видеть столько между строк! Кто он такой, черт возьми?!

Рано лишившись отца, он вырос не только по годам. Мы этого не могли понять. Но чувствовали. В его детский мир властно входила взрослая жизнь, накладывающая на все свой жесткий отпечаток. Может быть,

отсюда исходило скептическое отношение к нашим слюнтявым проблемам? И представление о себе, как о личности сильной, избранной. Он нещадно колотил нас по поводу и без. Добился безоговорочного подчинения, чуть ли не рабской покорности. Редко кто отваживался ему перечить. Но... нас всегда неудержимо тянуло к нему. Прекрасный рассказчик, он мог завожорить любого. Его высказывания — плод внутренней работы — помнятся и по сей день. Например:

— Знаешь, что такое любовь? Любовь — это вода в пустыне. Чтобы жить, надо дорожить ею!

Озорства и бесшабашности нам хватало. Но знания приобретались по необходимости. Ничего, кроме ребячьих забав, не интересовало. Просто, как и все дети, убивали время. Засыхали на корню, в то время как рядом мощно набирал силу тугой колос. У нас не было главного — тяги к поиску, а в итоге — к познанию. Мы учились у него. Чему? Да всему! Даже его походке. Но учились так же неуклюже, как и в школе. Пытались читать, что рекомендовал он, старались разнообразить речь, обогащать мужицкими эпитетами лексику, но... Оставалось лишь завидовать, а со временем — возводить кумира.

Как он пел! Сначала на улице, среди нашей братии. Не пионерские песни, и не взрослые. Он и тут выуживал оригинальные, редко кем слышимые в совхозе. Достаточно вспомнить популярные тогда, но до села не доходившие, напевы из фильма «Господин 420». Он не просто пел, он играл, воспроизведив все движения главного героя, тембр его голоса. Потом пел в школьной самодеятельности. На репетициях задерживались все учащиеся, чтобы услышать, как выдает Зубок совсем неизвестную слепому гармонисту звонкую карабахскую песню:

Лихо надвинута на бок папаха,
Эхо разносит топот коня.
Мальчик веселый из Карабаха —
Так называют всюду меня!

Это надо было слышать! Резкий, чеканный ритм запевных строк и протяжный зазывный припев давали возможность отчаянно разгуляться формирующемуся голосу, интерпретировать по-своему мажорные и минорные оттенки этой южной песни. Мы стояли, раскрыл рты, непонятные мурашки бегали по спине. Поражались мастерству исполнения, но, наверное, больше смелости: как это он так может — во весь голос!

Из всех видов спорта, доступных сельской замызганной детворе, особой любовью пользовался у нас футбол. Мячей не было, мы набивали тряпьем старые покрышки и гоняли до упада по плешинам высыхающего пруда. Он и здесь был первым. Еще будучи в седьмом классе, Зубок уже играл за взрослую команду совхоза, и болельщики всегда ждали его появления. Небольшого роста, крепко сбитый, быстрый, смелый, он был создан для мяча. Так казалось. Он тонко чувствовал игру, постоянно импровизировал и удивлял, и глаза его горели восторженным поиском. Он с любовью отзывался о ветеранах совхозного футбола, советского, мирового, постоянно и страстно рассказывал об этом — и нельзя было не радоваться за него, не завидовать ему. И сейчас перед глазами его разгоряченное лицо, пропотевшая майка, мелькающие по бровке поля кривые, как у татарина, сильные ноги. Свой имидж бескомпромиссного бойца он подкреплял отборнейшим матом, нимало не стесняясь многочисленных зрителей, среди которых частенько была и его мать. И это все вертится в гла-

зах и слышится в голосе. И его неожиданный удар. И гол! И нескончаемый восторг!

Отсутствие магнитофонов и телевизоров заставляло пацанов проводить часы досуга по-сельски творчески. Кто на что был горазд, особенно в зимние вечера, холодные, темные. И здесь он коноводил. Неистощимый на выдумки, Зубок был главным организатором. Доморощенная игра — «партия на партию» — вытягивала многих из домов. Вся ватага делилась на две группы: одна пряталась в сараях, постройках, дощатых летних душевых и т.п., навлекая на себя проклятия и угрозы засыпающих сельчан, другая — искала их. И так по очереди до полуночи. Приключения потом обсуждались с диким хохотом.

Или другая потеха. Вытаскивали потихоньку из двора совхозной конюшни широкие сани, волочили сообщая на гору, громоздились на них бесформенной кучей и под свист и улюлюканье слетали вниз. Иногда переворачивались, чудом не свернув себе шею. Чаще разбивали сани «на счастье» сторожу. Но всегда получали огромное удовлетворение. Много ли нам нужно было!

Так он рос, росли и мы, постепенно отставая от него все больше. После окончания семилетки он уехал в далекий Воронеж, и жизнь окрасилась для нас в один цвет. Мы как-то осиротели, усреднились и привычно угнулись от тоски. Впервые задумались — как быть? Ушастики в потрепанных фуфайках, с брезентовыми школьными сумками за спиной! Как он там? Что нового привезет? Чему научит? Долго ждали. С нетерпением. И дождались.

Было это, помнится, осенью. Он появился в клубе, как будто шагнув из экрана индийского фильма. Шикарно пошитый костюм, белая рубашка, бабочка, совсем не мальчишеская прическа. Небрежная улыбка, лукавый взгляд синих глаз подчеркивали его невольное снисхождение к нам. Он стал настоящим красавцем, и девчата-сверстницы, которых он всегда презирал, видимо, интуитивно чувствуя будущую их власть над собой, впивались в него глазами с таким откровением, что даже нам, лопоухим, было понятно их сиюминутное поражение.

Да что там девчата! Даже взрослые разом отметили его перемену. Мы тогда не понимали, но догадывались, что внешнее преобразование обязательно плод внутреннего или наоборот. Человек не просто прилизывается и наглаживается, он делает это в силу чего-то, в силу каких-то запросов. Нужно для чего-то ему! Но... для чего?

Мы видели перед собой вроде бы и того — и не того Зубка. Его движения обогатились иной, непонятной ритмикой. В его голосе и манере говорить проскальзывали чужие интонации, а его мимика просто восхищала и сбивала с толку. Он явно подражал, как я сейчас понимаю. Он старался походить то на модного тогда ковбоя, то на чопорного лондонского денди. Всем было понятно, что Зубок не только сам приехал, он привез с собой мир городской жизни со всеми его запахами и цветами, порядками и законами. Мы все это жадно впитывали в себя, легковерно принимая за эталон. Впитывали и поклонялись. Нас не смущало, что он начал курить и почти всегда появлялся навеселе. Более того, мы даже ставили видимые для простаков минусы ему в заслугу! Как и то, что с каждым его новым появлением все чаще устраивались пьяные разборки в клубе. Буянил он уже не только среди сверстников, но и в кругу коренастых мужиков с пудовыми кулаками. Большею частью доставалось, конечно, ему, но смута при этом устраивалась большая.

Мы на многое закрывали глаза, потому что видели: любви к своим прежним увлечениям он не растерял. Напротив. Он мог часами читать Есенина:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен,
Сам не знаю, откуда взялась эта боль...

Или рассказывать о новых фильмах, кинорежиссерах, о спортивных звездах, а при случае — исполнить битловскую песню на английском. Биографию Гарринчи, Вава, Пеле, особенности творческой манеры японского постановщика фильмов Исаабра Сасахары, его актерском мастерстве — обо всем мы слышали из его уст и верили беспредельно. По тому, как все просто и ясно излагалось, чувствовалось, что знает он гораздо больше. Он с удовольствием показывал рок-н-ролл, твист — самые модные и запретные в 60-е годы танцы, продолжал прекрасно играть в футбол. Он был все тот же, но уже далеко не тот. В него влилось какое-то иное качество, почему-то пугающее своей неистовой новизной. Его бушующая внутренняя энергия удваивалась, даже утраивалась, а ищущая натура все никак не могла насытиться. Казалось, взрыв неминуем, а он держался и неудержимо шел вперед. Мы по-хорошему завидовали ему, гордились им.

— Что, все еще остаешься мальчиком? — насмешливо спрашивал он. — Эх ты!

А я так же, как и раньше, смущенно пожимал плечами и одаривал его любовно-застенчивым взглядом. Что я мог сказать? Мне даже кажется, что спрости он сейчас, после тридцатилетней разлуки, о том же, и я точно так же среагирую.

Дальнейший его путь менее интересен. Как яркая иллюстрация трагической закономерности, пред нами предстала картина постепенно, но необратимого в провинции процесса угасания таланта, личности. Через несколько лет он вернулся домой, к матери, устроился на работу, женился. У него родился сын, в котором души не чаял.

— Знаешь, — говорил он мне. — Я его поднимаю на руки и чуть не плачу от волнения. Не перестаю повторять: это мой, мой, и, несколько не брезгуя, целую, целую в розовую попку!

Он еще не менялся, оставался тем же. Но со временем начал сильно пить, набираться долгов. Некоторые друзья, с которыми он мог открыто поговорить, не то, что со мной, под давлением родителей отвернулись от буйного выпивохи, которого угомонит разве что могила. Он тяжело переживал, все понимал. Понимал, что надо что-то делать, но не знал, как это сделать и нужно ли вообще. Его глаза приобретали какое-то иное знание, взгляд часто становился растерянным. Он был среди людей, но чуть ли не физически ощущал пустоту вокруг. Те, которые раньше накапливали в себе черную зависть теперь торжествовали. Эх ты, до чего, дескать, дошел, до чего опустился!

Да. Он постепенно опускался, втягиваясь в обыденность, внутренне терзаясь своим несоответствием бытовым проблемам. Его уже мало что интересовало: и работа, к которой не лежала душа, и приятели, с которыми, кроме как о выпивке, ни о чем нельзя было поговорить, и сам сохос, со своей убийственно тоскливой размеренной жизнью. Ничто не аккумулятировало его энергию, его любовь к активным действиям.

Но даже угасание его не было обычным. Оно окрашивалось каким-то

романтическим налетом. Это не была простая капитуляция. Разве мог он свыкнуться с поражением! Нет! Это было осознание неведомого ранее прозрения: человек сам себе выбирает путь, но сам ли завершает? Он говорил мне:

— Вчера выпивали с солдатом. Крепкий, светлый такой. Хорошо рассуждает о жизни, но как-то с опаской. Спрашиваю, чего он боится? Почему спрашиваю? Да разговор зашел о его карьере, вообще, о его будущем. Замялся, вот я и спросил. Знаешь, что ответил? Смерти! Ничего себе выдал, да? Разве можно бояться того, что неизбежно? И в такие годы?

— А чего можно? — не выдержал я. Хотя надо было выдержать, не лезть в душу!

— Не можно, а нужно! Бояться нужно только одного — оказаться никому не нужным. Ни друзьям, ни семье, ни детям... Тогда беда! Тогда надо рвать к кому-то другому, кому нужен. Человек не может быть никому не нужным. Зачем тогда создан?

В его голубых глазах стояли слезы. Он жадно рвался ко всем, кто приезжал в совхоз. Чтобы глотнуть иного воздуха. Но слишком редко наведывались к нам со стороны. Разве что солдаты, командированные для уборки урожая. Среди них попадались и интересные...

И вот однажды он рванул. Далеко-далеко от родного очага. Загрузил доверху бортовую машину домашним скарбом, попросил меня крепко увязать груз, распростился со всеми, выпил стопочку и тихо-тихо поехал в гору. Я лишь успел заметить в кабине побледневшее расстроенное лицо. И все...

Уехал Зубок. С ним вся его мятежная аура, сила притяжения которой столько лет будоражила наши души.

Я часто его вспоминаю. Прошло много лет, как мы расстались, но перед глазами все тот же образ: горящий лукавый взгляд, яростная жестикуляция рук и песня из «Господина 420», словно о нем написанная:

Я в японских ботинках,
Разрисован, как картинка.
В русской шляпе большой
И с индийскою душой!

Он поет, его голос отчетливо слышится через толщу лет, а я снова и снова задаюсь изначальным вопросом: «Что представляет собой феномен личности, из каких секретных составляющих вдруг, на виду у всех, образуется одаренность, неповторимость характера твоего вчерашнего классника, соседа по улице». И продолжаю недоумевать, почему так быстро и одинаково угасают такие яркие индивидуальности? Ведь они такие сильные, такие решительные, так много знают и умеют. Почему посредственность более живуча? Неужели она так же нужна кому-то, хотя и никуда не стремится, и никогда не движется. Выходит, она больше устраивает людей?

Не понять. Нет ответа ни на один вопрос. Неужели уклад нашей жизни, наше равнодушие, отстраненность предопределяют бесславный конец незаурядности, и все это является тем ненужным попутчиком, который принуждает человека именно так заканчивать свой путь?

Жизнь — это борьба, говорил Зубок. Он был нацелен на нее, но никто по-настоящему не понял его, не поддержал. Затянуло болото!

Я сейчас живу в другом мире. Лучшем ли, худшем — излишне спрашивать. Но не уверен, что трясина перестала поглощать таланты. Наобо-

рот, видимо, вошла в азарт. Преданы забвению не только таланты, но, пожалуй, и простые люди.

Один в поле не воин, говорят. Да! Если поле покорно зарастает чертополохом и бурьяном. Способны ли мы взрыхлить почву с правильного конца и вырастить твердую породу? Раньше не могли, но, может быть, сейчас?

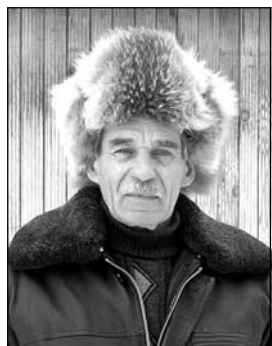
Словно вывод приходит на память старая пословица: «Не жди добраго племени от плохого семени». Кто мы? Племя или семья? Но в любом случае — какого качества? Хочется верить, что хорошего. В самом деле. Как и везде, в селе моем жили и живут недюжинные таланты. Это мое поколение выделило одного, более близкого нам. Мы не плохие, повторяю это намеренно. А если перешагнуть ложную скромность, то можно добавить — мы добрые, умные, но... Но! Это колючее «но»! То ли пугает нас удел ярких предшественников, то ли не чувствуем в себе сил для борьбы. Но! Но не только за свое достоинство не желаем постоять, но и пальцем не пошевелим в помощь другому. Хоть коммунисты, хоть демократы, хоть христиане. Воистину, никакая вера над нами не властна. И продолжают растворяться в среде обыденщины наши кумиры, как концентрированная жидкость в проточной воде.

О душевной бедности многие писали. В том числе и Джек Лондон. Однако он смог встретить человека, который направил, жертвуя собой, его сокрушительную энергию на добрые дела. Он пил, потерял от употребления наркотиков все зубы, буянил, устраивал погромы в тавернах, на причалах, пиратствовал, скрывался от властей, голодал... Но нашел себя! Сорок лет он прожил, сорок замечательных книг оставил читателям. И заметно простым глазом, что всем своим творчеством он благодарит судьбу за ниспосланную ему возможность говорить во весь голос. Предостерегает всех о том, как хрупка наша жизнь, указывает дорогу и благословляет идущих по ней. Воля должна побеждать, если ты человек, если ты — живешь! Как тут не вспомнить ранние поучения Зубка...

Для меня герой рассказа — грустный персонаж. Своего рода символ угасания, бездумного расточительства всей нашей многовековой талантливости. Личностей среди нас много, но блеснут, как звездочки, и падают, опалив крылья. Падают на поклон бездарности. И чем чаще мы будем задаваться вопросом «почему?», тем быстрее найдем ответ на него. Может быть, это не такой уж тупик, не такая уж потаенная стена?

Как знать?..

Владимир Митрофанович Евтухов родился в 1939 году в городе Новохопёрске. Окончил Воронежский лесотехнический институт, служил в армии. Работал главным инженером районного управления сельского хозяйства, директором ТОО «Пыховское», главным инженером «Агропромхимии». Публиковался в двух поэтических сборниках Центрально-Черноземного издательства, сборнике стихов и прозы новохопёрских авторов «Что мне пророчит новая строка», альманахе «Елена», районной газете. Живет в Новохопёрске.

Владимир Евтухов

ЧТОБ ОБРЕСТИ СЕБЯ

* * *

Я здесь живу. Здесь родина. И я
Вновь слышу по булыжной
На Советской
Забытые уж цокоты коня
Из незабвенной
Давней дали детской.

И вижу я, дыханье затая,
Как плавится
Под медный звук мелодий
Над городом вечерняя заря
И в цвет сирени горизонт обводит.

Давно нет той
Булыжной мостовой, —
Теперь асфальт
Водитель каждый славит.
И вечерами медный духовой
Оркестр закат в сирень
Уже не плавит.

Здесь я живу. Здесь родина. И я
Хожу теперь асфальтом
По Советской,
Но все же цокот слышу я коня
Из незабвенной,
давней дали детской.

* * *

Звенит октябрь раскрашенной листвою.
Глаза закрыв, лечу в былую даль я,
Чтоб повстречаться с давнею порой
И обрести себя в дороге дальней.

О, как далек давно прошедший путь!
Но я его легко преодолею.
Я так хочу немного отдохнуть
Перед тропой последнею своею.

Не знаю я, где кончится, когда
Моя тропа, начертанная строго...
Звенит октябрь, как в давние года,
У дальнего родимого порога.

И вот он я, и вот он старый дом,
И вот он сад в осеннем тихом звоне.
Вот мать, отец — мы все пока живем,
И от тоски душа пока не стонет...

Звенит октябрь листвою за окном,
И каждый раз, услышав зов печальный,
Сквозь толщу лет лечу в далекий дом,
Чтоб обрести себя в дороге дальней...

* * *

Я свободен, я не за рулем...
Под колеса дорога струится,
Вижу в небе парящую птицу
И в саду убегающем дом.

За крутым поворотом вдали,
В синем мареве раннего утра,
Вижу брошенный пахарем хутор,
А вокруг ковыли, ковыли.

Накренившийся вкось журавель
У забытого кем-то колодца...
Луч дрожит заходящего солнца,
И в стекло ударяется шмель.

Я свободен. Я не за рулем,
И мне жалко мохнатого шмеля:
Ехать тише бы нам, еле-еле —
Он еще б пожужжал над цветком.

Я свободен, я не за рулем.
И глаза раскрываются шире.
И мне кажется, что в этом мире
Я впервые. Я не за рулем...

* * *

Не все еще потеряно во мгле,
Февральские — не вечные метели.
Еще весне быть должно на земле:
Не зря ж, звеня, срываются капли.

Не все еще потеряно. Меня
Влекут в былое прошлого мгновенья.
Уходит ночь, и откровенья дня
Стирают радости виденья.

Но вновь и вновь ночью тишиной
Под шелест снега за стеклом балконным
Встречаю мир я прошлый, мир родной,
Встречаю мир — коленопреклоненный.

Кому ж еще?.. Коленопреклоненным
За все, что есть и было по стране
Просить прощенья надо только мне —
Не господам же, властью наделенным.

Кому ж еще? Я виноват пред всеми,
Что ложь вползла в родимые края,
Что заросли раздольные поля
И некому на пашню бросить семя.

За все, за все я испрошу прощенья...
Пусть не сейчас, пусть не услышу я, —
Пообещай мне, Родина моя,
Что ты прорвешься
Сквозь туман затмения!

Светлана Владимировна Еремеева родилась в городе Волжском Саратовской области. Окончила Борисоглебский педагогический институт. Работает в новохопёрской районной газете «Вести». Публиковалась в областных газетах «Воронежский курьер», «Коммуна», детской газете «Ворон и еж». Живет в Новохопёрске.

Светлана Еремеева

МАЛЬЧИК И МЕЧТА

Рассказы

СЕРЁЖКА

С кирда соломы была старая, черная. И дорога, на которой стояли люди, была черная. И люди, ежившиеся от холодного мартовского ветра, тоже были в черном... Они почти не разговаривали друг с другом, вглядываясь в мрачном ожидании в даль. Скоро на дороге должен был показаться грузовик...

Я приехала в родное село на похороны двоюродного дяди. Он был родом отсюда, но всю жизнь прожил в соседнем поселке. По настоянию родни, хоронить дядю было решено на местном кладбище, и теперь мы все — родственники и просто односельчане — поджидали отправившуюся за телом машину. Первой грузовик увидела сестра покойного. Она заголосила, бросилась ему навстречу...

Людей на маленьком сельском кладбище набралось много. С покойником попрощались родственники, подошли односельчане... Заколотили гроб, опустили в землю. Бросив по три горсти земли, некоторые стали расходиться по могилкам своих близких. Другие, отдавая дань покойному, ждали, пока могила будет засыпана до конца...

— Ну что, пойду и я свою Нюру проведу, — услышала я рядом с собой. Это был дядя Петя, ближайший сосед моих родите-

лей. Полгода назад он похоронил свою жену Анну Семеновну, которую все в селе называли бабой Ньюрой.

— А можно и я с вами, — напросилась я. Бабу Ньюру я помнила с детства, и мне захотелось увидеть, где она похоронена.

Могилка оказалась ухоженной и нарядной — дядя Петя обильно украсил ее белыми искусственными ромашками. Однако с фотографии на памятнике на нас смотрела не хорошо знакомая баба Ньюра с седыми волосами и в белом — как снег — платочке, а юная чернобровая девушка с толстыми, уложенными венком вокруг головы косами. Ниже, под фотографией — табличка с именем и двумя датами «1920-2001».

— Ой, дядь Петь, ну и фотографию вы выбрали! — вырвалось у меня. — Баб Ньюра ведь здесь совсем на себя не похожа...

— Ишь ты, — видно было, что мое замечание здорово обидело старика. — Тебя, девка, забыл спросить. Знаешь что — иди-ка ты с моей могилки!..

Дядя Петя наклонился к холмику и, смахивая песок с гробнички, продолжал бурчать: «Молодые, а все знают...»

Я бросилась извиняться, объясняя, что совсем не хотела его обидеть и что я сказала так только потому, что и представить себе не могла, какая баба Ньюра была в молодости красавица.

Это смягчило старика.

— Да, краше моей Ньюрочки никого в селе не было, — наконец улыбнулся он. — Так ведь и я, девка, раньше был огонь!.. А что на фотографии она молодая и красивая — так ведь она для меня всегда такой и была. Такую я ее увидел, такую полюбил. А самое-то главное — эта фотография мне жизнь спасла. Три дня в 42-м я из окружения раненый на брюхе полз. На четвертый день совсем из сил выбился. Чувствую — конец мне. Достал я эту фотографию из гимнастерки, поцеловал ее, перекрестился и потерял сознание. А очнулся — в теплой постели: лесник меня подобрал и выходил. Вот так-то...

— Ну-у, это вас не баба Ньюра спасла, а случай, — разочарованно протянула я.

— Опять вперед батьки лезешь! — дядя Петя снова нахмурился. Но все-таки продолжил свой рассказ:

— Подарил я перед самой войной Ньюре сережки. Простенькие совсем. Металлические. Форма мне их понравилась. Вроде как веточкой, а смахивает на колосок. В этих сережках она меня и на фронт проводила... И вот пришла Ньюра как-то с поля, начала умываться, глядь — а одной сережки нет! И такая тоска ее обуяла. Словно шепнул кто: это знак тебе — с Петей плохо. Утром ни свет ни заря побежала она на поле, чуть не ползком его все излазила. Нет сережки! Бабы смеются: что ты себя изводишь — пустячное, мол, украшение. А она словно помешалась. Три дня сережку по селу искала. Ни пить ни есть не могла. Так она себе загадала: найду сережку — отступит от Пети беда. Это она мне после войны уже все рассказала. Сверили мы с ней время, и оказалось, что сережку-то она искала, когда я три дня между жизнью и смертью болтался. А ты говоришь — не она спасла! Ньюра мне и обликом своим, то есть фотографией помогала. И сердцем — подарочек мой заветный искать не бросила. И что ты думаешь, ровно на четвертый день, когда меня лесник-то обнаружил, нашла и она сережку — как раз у самого крыльца в траве лежала...

Дядя Петя вдруг часто заморгал и отвернулся.

— А что же потом с сережками стало? — припоминая, видела ли их когда-нибудь на бабе Нюре, спросила я.

— С сережками? Так ведь они же дешевенькие были: сломались от времени. Да разве в них дело?..

Дядя Петя уже улыбался. И я тоже. Мы оба улыбались, стоя около маленькой могилки в мире, в котором любовь все-таки побеждает смерть...

ЧЁРНЫЙ ЗАБОР

— Опять Пульдора с утра все великие гарбузы к себе перекатила. С вечера ведь смотрела — как поросята лежали, а теперь одни малёнки остались. Ну, погоди, уж я сегодня с огорода ни ногой! Выслежу...

Примерно такие слова мы с братом слышали от бабы Марины каждое лето, когда родители привозили нас гостить к ней на Украину. Пульдора (было ли это производным от имени или деревенским прозвищем, не знаю) жила рядом с бабушкой. Их огороды сходились вместе, и никаких ограждений между ними не было. В моменты, когда соседки были дружны, они, что называется, были не разлей вода, но стоило им только из-за чего-то поспорить, каждая начинала обвинять другую в перекатывании гарбузов.

Что касается меня, то никакого недружественного отношения к Пульдоре я не чувствовала, и даже, несмотря на то, что во времена перемирий она бывала у бабушки довольно часто, сейчас я ее совсем не помню.

Я хорошо помню — другую. Я не любила и боялась ее, страшную Старуху. Она жила напротив бабушкиного дома в маленькой, почти ушедшей в землю, и потому, как мне казалось, зловещей избушке. Мрачности ее жилищу добавляли черный забор и черная калитка. Год за годом она красила их в траурный цвет, тоскливым пятном выделяя на фоне веселеньких сине-зелено-голубых соседских заборчиков. Мы с братом боялись Старуху и, наслушавшись маминых сказок, считали ее ведьмой. Стоило ей, сгорбленной, в черной телогрейке, надетой поверх давно потерявшего цвет льняного платья и в таком же черном платке, из-под которого торчала белая солома волос, вылезти на улицу, как мы кричали друг другу «Ведьма, ведьма идет!» и мгновенно забегали во двор. Я не знаю, слышала ли она нас, но что-то мне подсказывает теперь, что да...

— Ба, а старуха напротив — ведьма, да? — спрашивали мы за обедом.

— Тю на вас, — отмахивалась баба Марина. — На хорошую людину поклеп возводите. Горемыка она — вот кто. И, повернувшись к деду Ивану, начинала: «Уж если кто и путается с вражьей силой, так это Пульдора...» И бабушка заводила свою песню про гарбузы.

Однажды я услышала, как баба Марина рассказывала какой-то приезжей женщине о судьбе Старухи. По бабиным словам выходило, что была Старуха когда-то первой красавицей и полюбил ее самый гарный хлопец, и были они очень счастливы. А потом началась война, и гарного хлопца забрали на нее и там убили.

— Остался у нее сын — Миколка, лет семи, — тихо говорила баба Марина. — И уж так она его любила, так любила! Когда под немцами мы жили, пуще глаза его стерегла. Их немцы в сарай жить выгнали, так она все боялась, что Миколке холодно будет. Он уснет, а она его греет: дышит-дышит на личико, на ручки, на ножки, чтоб сыночку теплее было...

Баба Марина всхлипнула и продолжила:

— А он, неразумный, что удумал. Выследил, куда курица (и откуда она только взялась, окаянная, ведь почти всех немцы порубали!) яйца несет. Да и стал их потихонечку таскать. Вот однажды немец и увидел, как он эти яйца в рубашонку прячет. Закричал: «Яйки, яйки» и выстрелил... Живой еще был Миколка, когда мать к нему подбежала. Завыла она страшно, а потом как окаменела: молча в свой фартук его завернула и в сарай унесла. Там он и умирал... Соседи к ней стучались — не открыла. Три дня одна около него, живого ли, мертвого — про то только ей ведомо — пробыла... А когда вышла, бабы глаза в землю опустили — рядом с Миколой и ее можно было хоронить... Потом немцев из села выбили. Бросила она свой дом и пришла в эту развалюшку (здесь когда-то ее отец с матерью жили), да так в ней и осталась. Тогда же и забор в первый раз в черный цвет покрасила...

Я слушала бабушку и мне было до слез жалко и молодую женщину, и Миколку. Но, видно, так уж устроено детское сознание, что я никак не могла соотнести услышанное со Старухой. Рассказ бабушки был отдельно, а Старуха — отдельно. Всем своим детским сердцем сопереживая героине печальной истории, я осталась черствой к оригиналу. «Злая она, потому и забор у нее черный» — вот и все, что сказала я брату на следующий день...

Как-то раз баба Марина взяла меня за руку и повела через дорогу в гости. Старуха встретила нас приветливо. В ее дворе, возле полуразвалившегося крыльца, росло большое персиковое дерево. У бабы Марины много чего было в саду: и абрикосы, и груши, и шелковица, и даже грецкие орехи. А персиков не было. Старуха щедро совала мне их в руки, и я чувствовала приятную теплую шершавость, обещавшую вкусную сочность и сладость. А потом она повела нас в свое жилище. Там было темно, прохладно и, по сравнению с бабушкиным домом, очень неуютно. Оглядевшись по сторонам, я опустила глаза вниз и с удивлением заметила, что в комнате не было пола. Старые вытертые дорожки лежали прямо на песке. На мой недоуменный взгляд бабушка шепнула: земляной пол.

Уже дома мне впервые стало жаль Старуху. «Как же она ходит по земляному полу? Холодно, наверное», — думала я, ложась в мягкую постель на бабушкины огромные пуховые подушки (она клала их вместо перины). В тот вечер я впервые не назвала ее ведьмой...

Через несколько дней, гуляя летним солнечным утром у двора, я увидела сидящую возле своего дома Старуху. Она плела... ромашковый венок. Заметив меня, горячо помахала, приглашая подойти. Я поняла, что она хочет подарить венок мне. Я уже хотела бежать через дорогу (иметь такой красивый веночек мне давно хотелось, сама плести я не умела, а у бабы Марины не хватало времени), как вдруг остановилась! Видно, я еще не совсем доверяла Старухе, еще довлел в моей голове страх перед ее внешностью и забором. Я повернулась и бросилась прочь!

Дома я почему-то расплакалась. Мне было стыдно. «Никакая она не ведьма, — рассуждала я сквозь слезы, — и персиков мне дала, и пол у нее земляной, и веночек она сплела, потому что слышала, как я просила об этом бабу Марину». И я твердо решила, что завтра обязательно подойду к Старухе.

Но назавтра целый день шел дождь. Я смотрела через окно на улицу и видела, как на лавочке напротив, под холодными дождевыми струями, сиротливо мок увядший ромашковый венок.

А послезавтра Старуха умерла. На похороны бабушка меня с собой не взяла.

...С тех пор прошло почти 25 лет. Время поистерло черты людей, с которыми я соприкасалась в детстве, выветрило из памяти многие события. Я смутно помню даже бабушку Марину. Поблек и образ Старухи. И все же я думаю о ней гораздо чаще, чем о других, пытаюсь вспомнить ее имя, подсчитываю возраст. Получается, что тогда она вовсе и не была старухой — ей было немногим за шестьдесят.

— Помнишь ли ты бабулю, которая жила на Украине, напротив бабушки Марины? У нее еще был черный забор и мы называли ее ведьмой? — спросила я недавно у брата.

Он не помнил. Он забыл ее.

А почему же я помню? Почему, несмотря на годы и расстояния, несмотря на то, что я никогда даже не разговаривала с ней, в моей жизни неизбывно просвечивается образ Старухи? Почему?

К Памяти или Совести это вопрос?..

СМОТРИНЫ

Дед Трофим овдовел на семидесятом году жизни. Два года прожил он один, а на третий решил подыскать себе новую старуху. Вернее, так за него решили дети, приехавшие к отцу летом погостить и увидевшие в его глазах, обыкновенно живых и веселых, большую усталость и тоску. Сын со снохой начали уговаривать его переехать к ним, но дед Трофим сразу отказался.

— Сошелся бы ты, отец, со старушкой какой. И тебе бы веселее было, и нам за тебя спокойней, — посоветовал ему тогда сын и поделился этим советом со своей теткой — быстроходной и легкой на подъем старшей сестрой деда Трофима бабкой Татьяной.

Та сразу взяла это дело под свой догляд и уже через неделю отыскала в соседнем селе «невесту» — свою давнюю знакомую Матвееву.

— Встретила я ее на рынке в городе, крышки для закрутки вместе покупали, — тараторила бабка Татьяна, сидя вечером с братом на лавочке. — Она так, мол, и так, говорит, годовщину мужу на днях справила, непривычно одной — стены давят... А я ей про тебя — тоскует, говорю, сильно о жене, как бы сам не помер. Ну и давай, бочком да бочком, подъезжать. Она, вроде, не против. Съездил бы, сам посмотрел...

И дед Трофим поехал на смотрины.

Сойдя с электрички, он быстро отыскал нужную ему улицу и пошел, отсчитывая дома, — спрашивать у прохожих ему было совестно. Нужный домик встретил его свежей зеленой краской на ставенках и обилием цветочных горшков на окнах. «Совершенно, как у моей Шуры было, — одобрительно подумал дед Трофим, вспоминая, как еще недавно пышно цвели цветы на окнах его собственного дома. После смерти жены он подарил все это разноцветное богатство живущей по соседству молодежи. Забирая горшки, та на радостях чуть не прыгала!

Матвеевна оказалась небольшого роста старушкой с круглым лицом и собранными в пучок волосами, зачесанными розовым гребнем. Она встретила гостя приветливо, провела в летнюю кухню, где булькало на плите грушевое варенье. Начала хлопотать о чае.

— Как там Татьяна Григорьевна поживает? — спросила.

— Да ничего, — дед Трофим обрадовался, что разговор как-то начался, — картошку собралась копать.

— Я тоже уже пробовала — хорошая в этом году уродилась.

Дед Трофим не ответил. Он не любил время, когда копали картошку. Это значит — впереди снова темная тоскливая зима. А ему больше нравилось лето.

Матвеевна включила телевизор. Начиналось «Поле чудес».

— Вот ведь тарыхтит, как пулемет. Не люблю я его..., — отозвалась Матвеевна о ведущем. — А мой Петя, наоборот, очень даже уважал. С ним в армии старшина служил, говорил, вылитый Якубович: такой же балабол и с усами. Все гадал — родственник тот ему или нет?..

— И моя Шура тоже все «Кубовича» этого ждала, — снова оживился дед Трофим. И продолжил разговор:

— Я только одного не пойму — в стране кризисы разные, а он там такие призы богатые раздает. Откуда деньги?

— А мой Петя это так объяснял: говорил, что это американцы деньги на призы дают, чтобы мы у телевизоров сидели и не работали.

— Так ведь не поработаешь — не полопаешь.

— А мы и так теперь ничего своего не лопаем. Окорочками всех задушили...

— Ох, моя Шура их и не жаловала, — опять начал было вспоминать дед Трофим и вдруг осекся. Вот тебе здравствуйте, приехал про Шуру свою рассказывать.

Однако Матвеевна спросила сама:

— Сколько ж вы вместе-то прожили?

— Полста. Свадьбу золотую дети нам справляли.

— А мы с Петей годочка до кругленькой не дотянули. Мы в 56-м познакомились...

И, подавшись какому-то порыву, дед Трофим и Матвеевна уже не стесняясь начали рассказывать друг другу о Шуре и Пете. Их вторые половинки, будучи невидимыми в этой комнате, как будто помогали им сблизиться и понять друг друга. То, что выглядело бы полнейшим абсурдом, будь они молоды, теперь приобретало другой, более глубокий и непонятный на первый взгляд смысл. Раз и навсегда уверовав в то, что для них не было людей родней и дороже, чем Петя и Шура, дед Трофим и Матвеевна знакомили с ними друг друга, как знакомят на сватовстве родственников с обеих сторон. Те двое, что были неотъемлемой частью их жизни, находились сейчас рядом, всматривались в своих соперников и давали разрешение на то, чтобы покинутые ими соединились и поддерживали друг друга до тех пор, пока они вновь не встретятся — и уже навечно...

Матвеевна проводила деда Трофима до калитки.

«А ничего, душевная она, — думал он, шагая на электричку. — Вон как про Шуру мою слушала!»

«Видно, добрый человек, и на Петю чем-то смахивает...» — размышляла меж тем Матвеевна. Проводив деда Трофима, она присела на крыльце и смотрела сначала в огород — на подсолнухи, потом — дальше, на шагающего к ней по полю молодого и звонкого Петю, на промелькнувшие годы, на сегодняшнего гостя.

— ... Ну что, понравилась? — бабка Татьяна поджидала деда Трофима на лавочке возле дома.

— Понравилась.

— И что теперь?

— Завтра опять поеду...

ХРУСТАЛЬНАЯ СКАЗКА

Иногда зимой после оттепели вдруг резко наступают холода. И тогда дороги, дорожки и даже тропинки покрываются блестящим скользким льдом. Люди называют это явление гололедом и совсем ему не радуются. Это и понятно — ведь они всегда спешат, и поэтому поскользываются, а некоторые даже падают.

Жители города, в котором произошла эта история, тоже не любили гололед. Они засыпали ледяные дорожки песком и недовольно бурчали: «И кому только нужен этот противный лед?»

А между тем в этом маленьком городе жила Девочка, которой очень нравились сияющие на солнце ледяные дорожки... Эта Девочка была большой мечтательницей. Она жила вдвоем с мамой в маленьком домике на окраине города. Мама почти все время была на работе, и Девочка развлекала себя придумыванием различных волшебных историй. Так, наблюдая за облаками, солнцем и дождем, она придумала сказку о том, как солнце и облака играют в прятки. Иногда, когда облака никак не могут найти спрятавшееся солнце, они темнеют от обиды и начинают плакать. Так рождается дождь. Вечером, когда мама приходила с работы домой, Девочка рассказывала ей свои истории. Мама устало улыбалась, целовала дочку и называла ее фантазеркой.

Но за что же Девочка любила ледяные дорожки, спросите вы? А за то, что для нее они были вовсе не ледяными, а ХРУСТАЛЬНЫМИ, по которым в сказках ходят принцессы. И, гуляя по закованной в лед улице, Девочка представляла себя именно принцессой, шествующей по хрустальным ступенькам в прекрасный волшебный замок.

Однажды во время такого гололеда мама послала Девочку за хлебом. На обратном пути она встретила свою приятельницу — Бойкую, красивую, но не слишком добрую девочку. Она несла в руках прекрасную куклу, действительно, похожую на принцессу.

— Это мне папа подарил! — начала хвастаться приятельница. — Он сказал, что она стоит кучу денег...

— А можно мне поддержать ее, — Девочка никогда еще не видела такой чудесной куклы. Сколько бы историй она сочинила про нее!

— Вот еще! Мама велела никому не давать. И вообще, у каждого должны быть свои игрушки.

Девочка вздохнула. А Бойкая, красивая, но не слишком добрая приятельница продолжала:

— Вообще-то я могла бы тебе дать поддержать свою куклу. Но только, если бы у тебя можно было бы что-нибудь взять взамен. Но ведь у тебя ничего нет...

Девочке стало очень обидно.

— Это неправда! — воскликнула она. — Мама тоже покупает мне игрушки, хотя и не такие красивые, как у тебя. Но зато у меня есть хрустальные дорожки!

— И где же они?

— Вот — я по ним хожу, — Девочка показала рукой вниз.

— Ха-ха-ха! Это же просто грязный лед. Завтра он растает, и от твоего «хрусталия» останется одна слякоть.

— Это у тебя под ногами лед, а у меня — хрустальные дорожки, по которым я приду в волшебный замок.

— Надо же! Никогда бы не подумала, что твой домишко похож на

замок. — Бойкая, красивая, но не слишком добрая приятельница зло расмеялась и стала не очень красивой.

А Девочка... заплакала.

За этой сценой наблюдали Белокрылое Облако и Яркое Солнце. Надо вам сказать, что им очень нравилось, что Девочка придумывает про них такие красивые истории (ведь обычно людям некогда обращать на них внимание). Так вот, и Солнце, и Облако часто подслушивали девочкины сказки, когда она рассказывала их маме, и были от них в восторге. И теперь, видя, что Девочка горько плачет, они решили отблагодарить ее.

Облако подмигнуло Солнцу и начало превращаться в дивной красоты воздушный замок. Когда он был готов, Солнце раззолотило его крышу и все башенки.

Девочки подняли глаза и увидели, что на горизонте, куда убегала хрустальная дорожка, возник прекрасный замок. Они, не отрываясь, смотрели на это чудо, пока замок не растаял.

— Ну что, видела? Видела?! — от восторга и счастья Девочка уже не помнила чужих грубых слов.

А приятельнице вдруг стало очень... стыдно. Бойкая, красивая, но не слишком добрая девочка благодаря волшебному замку превратилась в Бойкую, красивую и **ОЧЕНЬ** добрую девочку.

— А давай вместе играть с куклой и гулять по твоим дорожкам, — предложила она.

И девочки весело засмеялись, взялись за руки и побежали по хрустальным дорожкам. Навстречу своему прекрасному, волшебному замку!..

ТАЙНА ДВУХ КОЛОДЦЕВ

Жили-были два колодца. Один колодец жил в прекрасном зеленом саду. Его окружали благоухающая сирень, цветущие яблони и золотой одуванчиковый ковер. Ночью над колодцем пел соловей. Утром его согревало нежное розовое солнце, и голубое небо отражалось в чистой хрустальной воде. Этот колодец всегда думал только о хорошем, а потому замечал красоту вокруг себя и был рад и солнцу, и небу, и соловью.

А второй колодец жил в дремучем, темном, заметенном снегом месте. Его окружали огромные сугробы. Они тяжело наваливались со всех сторон, и колодцу казалось, что он умирает. Этот колодец всегда был очень-очень печальным. Его не радовала ни красота заснеженных деревьев, ни блеск инея, ни веселые снежинки, танцующие свои бесконечные танцы. Он думал только о том, как грустно устроен мир, что дни похожи друг на друга и ничего хорошего у него впереди уже нет.

Вот так по-разному жили эти два колодца. А в чем же тайна, спросите вы? А в том, что их просто не было. Да-да, двух колодцев не было. Был только один — в заброшенном саду заброшенного дома. Он очень тосковал по людям и все время ждал их. Долгая одинокая зима нагоняла на него уныние, и колодцу казалось, что люди никогда не вернуться ни в этот дом, ни в этот сад. Тогда все вокруг казалось ему грустным, тоскливым, и жизнь вокруг совсем замирала. А весной...

Весной, когда прилетали птицы, зацветала сирень, колодец вдруг начинал верить, что люди сюда еще вернуться, обязательно вернуться! И тогда он преображался — и вновь видел и чувствовал красоту во всем, радовался тому, как хорошо, что он живет в таком замечательном месте! Где-то вдалеке колодец слышал разговоры и смех, и был уверен — скоро,

скоро здесь появятся новые хозяева. Они приведут в порядок и старый дом, и старый сад — и все будет по-прежнему.

Колодец хорошо помнил прежнюю жизнь. Тогда в доме жили люди, они много работали в саду, часто приходили к колодцу за водой. Какое замечательное это было время! И зимой, и летом колодец чувствовал себя нужным. Он с радостью давал людям воду. А больше всех любил маленькую Маришку. Она еще не могла сама достать ведро из колодца и терпеливо ждала, когда это сделает кто-нибудь из взрослых. Тогда Маришка переливала воду в маленькие детские ведерки, бежала умывать своих кукол, и ее звонкий смех еще долго был слышен в саду.

...А потом люди ушли. Они собрали и увезли все вещи. Обошли старый дом, заглянули в сад, поблагодарили колодец и — ушли. С ними исчезла и Маришка. Напрасно колодец думал, что люди покинули это место на время. Никто не возвращался, и новые хозяева не спешили покупать старую усадьбу. Дом и сад стали ветшать, дряхлеть, а у колодца с тех пор началась двойная жизнь — тоска и надежда. Зимой надежда совсем покидает его, и остается только тоска. А весной уходит тоска и появляется надежда.

Сейчас весна, и колодец вновь надеется и верит... Если люди вернуться, тогда его тайна исчезнет. И даже зимой он будет видеть и замечать красоту, даже зимой дни не будут казаться ему такими темными и однообразными, даже зимой для брошенного колодца будет цвести весна!

Он ждет...

МАЛЬЧИК И МЕЧТА

Высоко-высоко среди далеких, блистающих звезд плывет Планета Зеркального Счастья, на которой живут людские мечты. Здесь собрано все самое красивое, светлое, чарующее — ведь почти все люди мечтают о чем-то прекрасном. (Есть, правда, у людей и черные желания, но они обитают совсем в другом месте.)

На Планете Зеркального Счастья могут одновременно светить солнце и шуметь дождь — разные люди мечтают о разной погоде. Здесь растут дивные цветы, которые на Земле стараются вырастить прелестные девушки. Здесь живут чудесные стихи, которыми на Земле бредят поэты. Здесь кружатся в танце волшебные сказки, которые по ночам снятся детям. Здесь произносятся самые нежные слова, о которых вздыхают влюбленные.

Когда приходит время, мечты опускаются на землю и встречаются с теми, кто их так долго лелеял. Мечты улетают к людям, но Планета Зеркального Счастья никогда не пустеет. Во-первых, увы, но не всем желаниям суждено сбыться, а во-вторых — как только исполняется одна мечта, у человека тут же появляется другая, а значит, планета пополняется новым обитателем.

Одной из жительниц Планеты Зеркального Счастья была очень красивая, но совсем коротенькая Мелодия. За те несколько минут, что она звучала, расцветал весенний сад, воздух наполнялся чудесной свежестью, и цветы влюблялись друг в друга. «Интересно, кто обо мне мечтает на земле, — иногда загадывала Мелодия. — Может быть, это какая-нибудь прекрасная девушка или гордый юноша?». Мечте-мелодии так сильно хотелось исполниться, что однажды (иногда такое случается) она оказалась на земле, еще не зная, кто ее здесь ждет.

Мелодия обрадовалась и испугалась одновременно. Дело в том, что если мечта попадает на землю раньше времени и не находит своего хозяина, она должна просто растаять...

Нежным облаком поплыла мечта-Мелодия по улицам вечернего города. Кругом сияли огни, яркими красками переливались иллюминации. Один из домов был особенно красивым: белый, с узорным балконом и множеством светящихся окон. Мечта залетела в окно с бархатными шторами, огляделась и... затрепетала от счастья. В комнате стояла девушка, точь-в-точь какой она себе представляла свою хозяйку. Девушка расчесывала перед зеркалом свои длинные каштановые волосы. Мелодия подлетела к ней близко-близко, но красавица не услышала ее. Она смотрела на свое отражение и говорила:

— Ах, неужели завтра мое новое платье будет готово. Как я мечтаю о нем! Что может быть чудеснее платья, украшенного бриллиантами?!

Услышав эти слова, Мелодия вспомнила, что видела это платье на своей планете. «Значит, это не моя хозяйка», — поняла она и, огорченная, полетела дальше.

В следующем окне Мелодия увидела юношу. Он тоже не услышал ее, потому что перебирал на столе какие-то важные документы. Он отдал бумаги своему слуге — бедно одетому мальчику и приказал ему отнести их по указанному на конверте адресу.

— Завтра я выиграю дело в суде и стану самым известным в городе адвокатом. — Юноша горделиво смотрел вдаль. — Ко мне будут обращаться только богатые клиенты. Слава и деньги — вот к чему я всегда буду стремиться!

И снова Мелодия полетела прочь.

В следующем доме, в который она попала, пахло котлетами и пирожными. На диванчике после сытного обеда отдыхал изнеженный толстячок. Мелодия опустилась рядом, зазвучала, и... начал распускаться весенний сад.

— Эх, что-то долго не несут пирожки и пампушки, — мечтательно закотив глаза, пробормотал толстячок. — Теперь для них самое время...

Это было уже слишком — мечтать о пирожках и пампушках, когда рядом звучала такая музыка! Мелодия рассердилась, а потом заплакала. Ей некого было винить. И девушка, и юноша, и толстячок не были перед ней виноваты. Просто она была — ЧУЖАЯ мечта. Но чья же?

Начался дождь, Мелодия продрогла и опустилась передохнуть на дерево. Она уже почти задремала под шелест ветра с думой о том, что ее участь — растаять, когда вдруг услышала... саму себя. Мелодия посмотрела вниз и увидела мальчика — бедного слугу адвоката, который, выполнив поручение, спешил, как видно, на урок музыки — потому что к груди он прижимал дешевенькую скрипочку.

Мальчик бежал и напевал мелодию. Она была еще несовершенная, не отточенная, неполная. Но это была ОНА — мечта с Планеты Зеркального Счастья. Мелодия подлетела к мальчику, и он сразу услышал ее и радостно воскликнул:

— Получилось, у меня получилось! Я слышу ЕЕ, я знаю, КАКОЙ она будет!

Мальчик взял в руки скрипку и заиграл. Он играл, и в зябком воздухе расцветали весенние сады, благоухали свежие, как морской бриз, ароматы, и цветы влюблялись друг в друга. И теперь, когда это была уже не мечта, а настоящая мелодия, ее услышали и девушка, грезившая о пла-

тье, и юноша, жаждущий славы, и даже толстячок с набитым пирожками ртом. Они выглянули в окно, и пусть на минуту, пусть на миг, но все-таки увидели ЭТОТ сад, почувствовали ЭТУ свежесть, улыбнулись ЭТИМ цветам. Даже чужая мечта, если она прекрасна, способна сделать людей лучше!

Так встретились человек и его мечта. Став взрослым, мальчик прославился как великий композитор. Его музыка заставляла людей поднимать головы от собственных забот и смотреть ввысь, где среди звезд сияет Планета Зеркального Счастья, в которой как в зеркале отражается то, что покоится у каждого на самой глубине души, и что всегда — прекрасно...

Сергей Анатольевич Усов родился в 1958 году в городе Черногорске Красноярского края. Служил в армии на Дальнем Востоке. Работает водителем дальнего следования. Публиковался в сборнике стихов и прозы новохопёрских авторов «Что мне пророчит новая строка», районной газете. Живет в Новохопёрске.

Сергей Усов

Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ПРЕДАМ

* * *

Еще вьюга кружит,
Еще бьется о стены домов,
Рассыпая снега,
Заметая дворы и дороги,
Но уже тяжелеют сугробы
В весенней тревоге,
И на юге весна
Наступает на снежный покров.
И уже перелетные птицы
Готовятся в путь,
Чтоб вернуться туда,
Где на свет появились когда-то,
Чтоб в российских просторах
Рассветы встречать и закаты,
Чтобы жизнь продолжалась...
Пусть будет счастливым их путь!

* * *

Когда роняет август звезды с неба
Перед унылыми осенними дождями,
Почудится, что, может, и ко мне
Звезда удачи упадет в ладонь,
А эта удручающая явь
Исчезнет, просто превратится
в небыль,
И я еще не принц, но и не нищий,
И ярче в очаге моем огонь.

Но если мне судьбой не суждено
Удачи миг счастливый пережить,
Пусть этот звездный дождь
На них прольется —
На тех, кому по жизни рядом быть,
И пусть судьба
К ним будет благосклонна.
Хотя бы им пусть будет легче жить!

* * *

Я тебя никогда не предаю, не покину,
Мне без синих небес ни за что не прожить.
Без твоих куполов, без берез я погибну,
Я дышать не смогу, а не то, что любить.
Я люблю твой простор, нив бескрайних разливы,
Нежность песен и строгость январских снегов,
Буйство рек по весне, ветровые порывы
И прохладу твоих заповедных лесов.
Мне равнины твои, перелески и горы
Дали жизнь, а в придачу — и силу свою.
Все победы твои, и невзгоды, и горе
Я с тобою, Россия, делил и делю.
И когда я уйду — я с тобою останусь:
Я с дождем озорным упаду на поля,
Чтоб цвели васильки, чтоб всегда улыбалась
Голубыми глазами Россия моя.

МАТЕРИ

Я приеду к тебе и пойму, что ты так одинока!
Я прижмусь к твоим теплым рукам и в глаза загляну.
И увижу безбрежную грусть, и любовь, и тревогу.
Я не стану прощенья просить — я тебя обниму.
Ты, как в детстве далеко, на голову руку положишь,
Прядь волос моих пальцы твои будут нежно ласкать.
Стол накроешь и водки стаканчик за встречу предложишь.
Просидим до утра — нам ведь есть что друг другу сказать.
А когда буду спать, ты украдкой меня перекрестишь
И в углу образа будешь долго просить и молить,
Чтоб Господь мне послал благодать и души очищение,
Чтобы было мне чуточку легче работать и жить.
Затянулась разлука надолго. Ты жди — я приеду.
Я ведь знаю: лишь ты меня сможешь понять и простить.
Столько трудных дорог мне пришлось прошагать и изведать.
Сколько горьких утрат мне еще предстоит пережить.
Я во сне убегаю в поля, где туман серебрится,
Я в снега ухожу, где твой дом, окунувшись в пургу,
Ждет, как прежде, меня. Только жизни моей колесница
Почему-то никак не свернет к твоему огоньку...

Дождь на асфальте иль снегом покрытый простор,
Кружит пурга на бескрайних дорогах России —
Я одного лишь хочу, чтобы вывез мотор
Сквозь снегопад и метели глухие порывы.
Чтоб дотянул, чтоб заветный в ночи огонек
Сердце согрел и тоски разогнал паутину.
Там, где течет Савала, там семья и мой дом,
Ждет моего возвращенья моя Валентина.
Трудный был рейс, да и легких их нет никогда:
То гололед, то туман, то промозглая слякоть.
Крепче сжимаешь баранку, а дрогнет рука —
Значит, судьба. Что ж поделаешь — нечего плакать.
И каждый раз, уезжая, смотрю ей в глаза
Долго, протяжно... Кто знает — а вдруг не увижу?
В них глубоко, далеко затаилась слеза.
Губы смеются, но я-то все знаю и вижу!
Вновь на стоянке береза стучится в стекло,
Ветер с шуршаньем снежинки метет по кабине.
Там, где течет Савала, в моем доме тепло.
Только я знаю — не спится моей Валентине...

Светлана Абрикосова

ЗДЕСЬ НИ ДУШИ. И ВСЁ — ДУША

От высоты и красоты захватывает дух! С одной стороны горы открывается вид на голубую речную долину с выглядывающими вдали крышами домов. С другой — смоляная полосатая пашня и зеленая, уплывающая в бескрайний лес дорога. Все — как на ладони, как в первые дни мироздания — ясно и прозрачно...

А под ногами — голубые цветы. И холмы — след того, что когда-то здесь стояли строения. И чуть вдали — высохший, но каким-то чудесным образом до сих пор имеющий ухоженный вид, совсем не заросший яблоневый сад — единственный остаток титанического физического и духовного труда человека в этом пустынном краю.

Это Лысая гора — святое и скорбное место. Здесь человеческий дух воспарял к сияющим высотам и здесь же пал на дно преисподней. Здесь была возведена светлая обитель добра. И здесь же совершено страшное злодеяние — ее жестокое поругание.

Более полувека на этой горе стоял Троицкий Лысогорский женский монастырь. В послереволюционное лихолетье он был взорван. Сейчас на этом месте ни души. И всё — душа...

В начале XX века в Воронежской губернии насчитывалось восемь женских монастырей. Два из них — Успенский Лысогорский и Казанский Таволжанский — действовали на территории Новохопёрского уезда.

ДВЕ ДОРОГИ: К ХРАМУ И ОТ НЕГО...

Старинное село Троицкое (раньше оно называлось Троицкий Юрт) является по-своему уникальным. Красивое, богатое, густонаселенное — до революции оно входило в 13 самых больших поселений губернии. Здесь имелись 3 школы, 5 ярмарок, насчитывалось почти 11 тысяч жителей.

Еще до образования монастыря в селе были построены и действовали три храма (они сохранились здесь и поныне). Зарождение Успенского монастыря пришлось на конец 60-х годов XIX века, когда 20 крестьянок в двух верстах к югу от села, на Лысой горе, основали женскую иноческую общину.

В 1878 году состоятельная крестьянская вдова, жена отставного казака из села Макарова Хиония Емельяновна Пашкова купила участок земли и построила на нем жилой дом для совместной жизни сестер. Затем было испрошено у Преосвященно-

го Воронежского Серафима разрешение о возведении на Лысой горе церкви Успения Божией Матери. Церковь купили за 1500 рублей в селе Красный Лог. По преданию, этот храм во времена Святителя Митрофана был собором в Воронеже и его освящал сам святитель. Старый иконостас лысогорским монахиням пожертвовали жители села Поворино. Средства для перевозки церкви более чем за 100 верст и возведения ее на новом месте требовались немалые. Община неоднократно выспрашивала у епархии сборные книжки для сбора подаяний. И зимой 1880 года все же удалось перевезти церковь из Красного Лога (сейчас это село Каширского района).

Крестьяне села Троицкий Юрт, узнав о строительстве церкви на Лысой горе, пожертвовали общине 50 десятин земли здесь же, в урочище, и 31, 5 десятины в урочище Листовка. (Это же решение они подтвердили в 1887 году, выкупив у казны эти земли за 2039 рублей.) В церкви были освящены два придела: главный — Успенский — и придел святителя Митрофана.

В этот же год вдова управляющего имением графини Пален Варвара Александровна Иловайская, поселившаяся здесь, настоятельница общины Хиония Пашкова и крестьянка села Калмык Ксения Хрынина для благосостояния будущего монастыря купили на реке Кардаиле Округа земли Войска Донского 218 десятин земли.

12 июля 1884 года последовало разрешение епархии о смене Хионии Пашковой в качестве настоятельницы на Варвару Александровну Иловайскую — мать известного историка Дмитрия Ивановича Иловайского. Его дочь — Варвара Дмитриевна — будет первой женой создателя Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина Ивана Цветаева. Она умрет молодой, оставив мужу двух детей, которые станут сводными братом и сестрой известной русской поэтессы Марины Цветаевой, родившейся у Ивана Цветаева от второго брака.

В 1890 году сестринская община была признана Святейшим Синодом, а 27 октября 1895 года вышел Указ о возведении Лысогорской Успенской женской общины в женский общежительный монастырь. Настоятельницей монастыря этим же указом назначалась монахиня Ефграфы, с возведением ее в сан игуменьи.

В начале XX века в Лысогорском женском Успенском монастыре проживали 98 женщин: 23 монахини, 19 признанных послушниц и 56 непризнанных. Монастырь славился далеко за пределами Новохопёрского уезда своей красотой, сюда стекались паломники из ближних и дальних сел, чтобы помолиться вместе с сестрами, испросить духовного и физического исцеления перед Святынями обители, коими являлись две местночтимые иконы: Спасителя и Боголюбской Божией Матери.

В монастыре имелось 28 кирпичных домов, в основном предназначенных для келий. По воспоминаниям старожилов, на территории обители было очень чисто и нарядно. Красивый небольшой храм, аккуратные постройки, зеленая трава, разноцветные клумбы, белоснежные яблоневые сады. И очень-очень много солнца — на горе ему куда раздолье! Монахини в своих черных одеяниях были приветливы, но молчаливы, постоянно в усердной работе. Труд они несли невероятный! Покупали у Раевских лес — строили жилые здания, разбивали огороды, сады. Ухоженной монастырских огородов не было на селе. Вода на монастырскую гору поступала из колодца внизу. Слепая лошадь ходила по кругу, толкала колесо, и вода подавалась вверх. Кроме огородов, монахини занимались разведением скота. Кстати, пуховых коз в Троицкое завезли именно они, от них здесь пошло вязание платков и косынок. Была в монастыре и своя хлебная — пекли хлеб. Всех людей, которые приходили в монастырь, кормили, нуждающимся помогали продуктами. При монастыре работала школа.

Устав в монастыре был строгим, рано читали полунощницу. Каждый день служилась литургия. Вставали в пять часов утра. Было много послушаний.

Зимой на горе было особенно тяжело. Место всем ветрам открытое, мело-заметало сильно. Но и в морозы монахини не сидели без дела: убирали иконы, стегали одеяла, вышивали полотенца, пряли пух, вязали, шили.

Проект на постройку нового каменного храма во имя Иверской Божией Матери в Лысогорском Успенском женском монастыре Воронежской губернии, Новохопёрского уезда

Кладбище на Лысой горе в наши дни

Перед самой революцией в монастыре был возведен новый каменный храм во имя Иверской Божией Матери. Величественную соборную Иверскую церковь даже не успели расписать и освятить большим чином. В «Воронежских епархиальных ведомостях» за 1901 год № 21 священник Георгий Алферов писал, что когда строился соборный храм Троицкого монастыря, крестьяне и казаки приводили сюда скот в жертву, приносили множество яиц, а девицы из сел передавали как жертву отрезанные волосы, которые употреблялись при замешивании раствора для кирпича.

Бывший директор Новохопёрского краеведческого музея Раиса Алексеевна Дробышева разыскала в архивах села Троицкого уникальный документ — проект Иверского монастырского храма. Посмотрите, какой красавец стоял на пустынной сей-час горе!

Монастырь был в самом расцвете, когда над страной пронеслись черные вихри перемен. Даже здесь, в уединенном безмятежном местечке, чувствовалось дыхание нависших кровавых потрясений. Менялась жизнь, менялись устои общества... И вот уже в московскую газету «Русское слово» летит телеграмма из Воронежа от 13 ноября 1907 года: «В Новохопёрском уезде вооруженными грабителями ограблен Лысогорский женский монастырь. Похищены процентные бумаги и деньги. Грабители скрылись». Это был первый звоночек надвигающейся беды. Даже закоренелые преступники не осмеливались воровать в Божьем храме. Видимо, пришло время иных людей...

После революции монастырь непродолжительное время продолжал действовать¹. С 1922 года он стал считаться трудовой общиной. Монахинь называли теперь

¹ Послереволюционная деятельность монастыря отражена в статье О.В. Кириченко «Монахини и чернички как организаторы народного противодействия церковному обновленчеству», опубликованной в журнале «Традиции и современность», 2006, №4.

насельниками. Здесь выращивали зерно, служившее и пропитанием, и обменным фондом, и средством уплаты большого налога. Из 600 пудов, собранных в 1927 году, 390 пудов забрало государство, 110 осталось на посев и только 100 пудов — на собственные нужды. Сестры специально отменили общую трапезу, распределяли зерно каждой отдельно. Большинство стало существовать на выручку от рукоделия и подаяния. Когда Новохопёрским РЦИКом было вынесено решение о закрытии общины, то насельникам разрешили взять с собой только личные вещи.

А в 1930-м храм на горе взорвали. Монастырские строения пошли на строительство школ и ферм. Из щебня, образованного от взрыва, построили дорогу. Дорогу от храма...

Можно предположить, что дальнейшая судьба насильно выселенных из своей обители монахинь была очень грустной. А возможно — и трагичной. Так, в списках Воронежского «Мемориала» по Новохопёрскому уезду значатся монахини — Евдокия Филипповна Чашкина, уроженка С. Троицкого, 1880 г.р., арестована 29 ноября 1937 г.р., 15 декабря того же года приговорена «тройкой» к высшей мере наказания, расстреляна 19 декабря; Евдокия Ивановна Попова, уроженка с. Троицкого, арестована 29 ноября 1937 г., 15 декабря того же года приговорена к высшей мере наказания, расстреляна через четыре дня; Бабичева Евдокия Васильевна, 1877 года рождения, уроженка села Красного, — 15 ноября 1937 г. приговорена к высшей мере наказания, 19 ноября 1937 г. расстреляна в Борисоглебске. Были ли они монахинями именно Успенского монастыря, неизвестно...

Когда монастырь рушили, многие жители села не побоялись и стали спасать иконы. Рассказывает Вера Васильевна Щербакова: «Монастырские иконы дедушка с бабушкой спрятали в сене. Там они пролежали несколько лет. Но потом случился пожар. Удалось спасти всего две иконы. Теперь они хранятся в семье».

Лысой эту гору в Троицком больше не зовут. За ней до наших времен закрепилося другое название — Монастырская. Несколько лет назад на горе кто-то поджег траву, пламя разгорелось нешуточное, но монастырский сад огонь чудесно обогнул.

Кроме сада, на месте монастыря сохранилось старое кладбище. Здесь погребали монахинь, но разрешали хоронить и жителей села. Деревянные кресты видны издали, даже из соседнего села Красного. В пасхальные дни, несмотря на то, что путь на гору неблизкий, местные жители приносят на могилки разноцветные яички. Существование монастыря в Троицком не предано забвению: из поколения в поколение передают местные жители историю о чудесной обители на горе.

ВТОРОЙ МОНАСТЫРЬ

Село Таволжанка ранее относилось к Новохопёрскому уезду. Как и Троицкое, оно стояло на Московском почтовом тракте. Женский монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери здесь был основан в 1881 году. Основал монастырь священник села Костино-Оделец Борисоглебского уезда протоиерей Василий Голубев. Казанский монастырь включал в себя два храма — Казанский и Троицкий, богадельню, церковно-приходскую школу, странноприимный дом, приют. В монастыре жили 115 сестер. Большевики обвинили монахинь в том, что в годы гражданской войны, когда Новохопёрск был занят белогвардейцами, монастырь встречал их с иконами и давал приют в своих стенах. В записке уполномоченного К.А. Пугачева от 29 января 1929 г. «О ликвидации Таволжанского монастыря» упоминается «таволжанский священник, бывший афонский монах, поднявший крестьян на восстание, когда мы описывали церковное имущество». После закрытия монастыря в 1929 году в нем располагалась школа шоферов, а после войны — детский дом. Постепенно монастырь разрушили и сравняли с землей.

В Таволжанской женской обители имелась святыня — Икона Пречистой Девы

Марии Богородицы, именуемая «Отрада и Утешение». Написана она на святой горе Афон в Ватопедском монастыре в 1902 году. В этом же году образ Богоматери привезен паломниками в Таволжанский Казанский монастырь. Многие притекающие с верой к этой иконе получали исцеление от своих недугов. После разрушения обители святыня сохранялась у игуменьи Аполлинаруии в селе Средний Карачан. В 1945 году икона передана в Знаменский храм города Борисоглебска.

В наше время Таволжанка относится к Грибановскому району. На месте большого некогда села осталось несколько дворов.

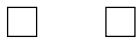
* * *

По преданию, которое упоминается в летописи села Троицкого, в далекие времена на Лысой горе был приют разбойников, правил которыми атаман Пугач. Шайка грабила извозчиков, которые шли в Тамбов. Когда же разбойникам стала грозить опасность, они бросили награбленные сокровища в озеро, лежащее ближе к селу под горой, и ушли.

Потом на горе был монастырь — обитель света и духовности.

Кто поселится здесь следующим? Зло или добро? Ответ на этот вопрос зависит от каждого из нас...

Но так хочется верить, что это БУДЕТ ВСЕ-ТАКИ ДОБРО...

Николай Кизименко

НАДО ЛИ ПОМНИТЬ?

(Роман Виктора Кина «По ту сторону»)

Вероятно, большинству наших читателей имя Виктора Кина (1903 — 1937) мало что говорит. Нет, не англичанин — вполне русский человек, уроженец Новохопёрска, сын рабочего-железнодорожника, сокративший отцовскую фамилию Сурувикин до последнего отрывистого слога — Кин. Детские и отроческие годы его прошли в Борисоглебске, отсюда он рано ушел в большую жизнь, в журналистику, литературу. Его роман «По ту сторону» (1928) когда-то делил успех с книжками Джека Лондона, входил в десятку лучших произведений для молодежи. Потом вместе со своим автором, «врагом народа», он был вычеркнут из жизни. Спустя пару десятилетий вновь всплыл на волне хрущевской оттепели, выдержал множество переизданий, был экранизирован. Sensацией не стал, но свою репутацию подтвердил. Живое, честное свидетельство о революции. Короче, роман выжил, вернулся, чтобы теперь, похоже, кануть в Лету. Или же этого не случится и мы сможем ответить на вопрос, которым задается критик Н. Кизименко.

Верно, был хороший писатель, наш земляк Виктор Кин. Читали его, чттили, называли его именем улицы, открывали мемориальные доски и музейные экспозиции. До недавних пор это казалось естественным и понятным. Но сейчас прошлое, особенно революционное, певцом которого был Кин, как рубль, катастрофически упало в цене. Так стоит ли ворошить давно минувшее?

Между прочим, герои Кина на прошлое не оглядывались и ностальгией не страдали: мало ли чего там не было! Последний российский император был для них вроде библейского царя Навуходоносора. В светлое будущее они шагали налегке.

И все-таки не нужно подражать веселой беззаботности киновских мальчиков: за историческое беспамятство, за легкое и беспечное расставание с прошлым приходится потом дорого расплачиваться. Не надо всякий раз начинать с нуля и делать вид, будто до тебя ничего не было — ни истории, ни жизни, ни литературы.

Пожалуй, именно литература в наибольшей степени и противится такого рода опасному забвению — достаточно взять в руки книгу. Текст свидетельствует сам за себя всей силой художественного слова, мерой писательского таланта и говорит о своем времени зачастую больше, чем хотел и пытался сказать автор...

Виктор Кин не был беспристрастным летописцем. Роман «По ту сторону» — своеобразное объяснение в любви, немножко ироничное, но вполне серьезное и искреннее. Кин любил революцию, совпавшую с его ранней молодостью, любил ее героев, «мальчиков с веснушками на по-взрослому похудевшем лице», любил это

«веселое время», целиком его захватившее и пленившее. Из фактов своей биографии, из лично увиденного и пережитого черпал он материал для своего романа. Зеленым, в сущности, мальчишкой успел он потягаться с белоказаками в боях за родной Борисоглебск, побывать на польском фронте и застать в живых Дальневосточную республику. Эти бурные солдатские годы закончились, и В. Кин, преуспевающий столичный журналист, прощался с ними, с «тревожной молодостью» — писал по ночам за кухонным столом свой первый и последний роман. Снова вместе со своими героями-сверстниками Безайсом и Матвеевым ехал на Дальний Восток — по ту сторону последнего фронта гражданской войны. Снова дышал атмосферой тех горячих дней, восторг и ужас которых он хорошо помнил...

Героев — двое, но поначалу автора больше занимает Безайс, в котором легко угадываются черты самого Кина — юного, насмешливого, романтического. Главное свойство Безайса именно его крайняя молодость, предохраняющая от ненужных сложностей и проблем: мир для него прост. «Он верил, что мировая революция будет если не завтра, то уж послезавтра наверное. Он не мучился, не задавал себе вопросов и не писал дневников». И от Бога он отказался легко, без всяких душевных потрясений: «Его нет, — сказал он, как сказал бы о вышедшем из комнаты человеке». И прошлого тоже нет, раздумывать не над чем. С трудом дочитав «Преступление и наказание», Безайс недоуменно воскликнул: сколько разговоров всего из-за одной старухи! Единственная реальность и последняя истина — то, что перед глазами: праздники и будни революции, ее герои и мученики, демонстрации, митинги и торжественные похороны. Красные убивали белых, белые — красных, все опять-таки просто и увлекательно. Восторженный Безайс захвачен происходящим: ходит на субботники, выступает на собраниях, водит арестованных в чрезвычайку. Даже неудачный поход на Варшаву для него праздник, а уж эта поездка на Дальний Восток — вообще подарок судьбы: самое головокружительное приключение, которому он отдается со всем своим полудетским пылом. В Хабаровске ему до того понравился козглазый подпольщик товарищ Чужой, что он сам начал машинально косить глазами. Смешно, да не очень. Авторская ирония, пропитывающая текст, вовсе не обесценивает героя. Скорее — это мягкое, любовное подтрунивание, лишь оттеняющее суть: «в то время многое делали эти мальчишки...»

Матвеев чуть старше и степеннее Безайса — ровно настолько, чтобы в конце концов потеснить его и стать героем уже не приключенческого сюжета, а настоящей человеческой драмы. Но это выяснится не сразу.

А пока они едут в одном вагоне, томятся от вынужденного безделья и скуки, острят, дурачатся и сходятся в том, что им крупно повезло. Война завершается, победители берутся за другие дела. Уезжая на восток, они продлевают для себя это славное, боевое время: «Кони, кони, веселые дни, развеванные в небо, в дым!» — и с новой остротой ощущают себя его счастливыми избранниками. Им, конечно, будут завидовать потомки и жалеть, что не родились раньше. «Тысячи людей готовили революцию, работали для нее, как бешеные, надеялись — и умерли, ничего не дождавшись. Все это досталось им — Безайсу, Матвееву и другим... они снимают сливки с целого столетия. Их время — самое блестящее, самое благородное время». И они, конечно, достойны его — молодые гордые волчата, революцией взращенные и готовые выполнять ее приказ, не щадя ни себя, ни других.

Матвеев даже теоретически обосновывал эту готовность: «Один человек дешево стоит, и заботиться о каждом в отдельности нельзя. Иначе невозможно было бы воевать и вообще делать что-нибудь. Людей надо считать взводами, ротами и думать не об отдельном человеке, а о массе. И это не только целесообразно, но и справедливо, потому что ты сам подставляешь свой лоб под удар, — если ты не думаешь о себе, ты имеешь право не думать о других. Надо думать о своем классе, а люди найдутся всегда».

По ходу действия, однако, быстро обнаруживается, что для героев это скорее идеал, чем норма революционного поведения: им еще нужно идейно подрасти, подтянуться. Особенно впечатлительному и порывистому Безайсу. Про все забыв, он бросился спасать от пьяного насильника незнакомую девицу Варю — и поставил под угрозу полученное им задание. Оправдания этому нет. По автору, Безайса извиняет лишь его злополучный возраст: «Он был настолько молод, что еще не научился глядеть на людей как на материал, не умел заставлять себя не думать и не видеть, когда это нужно».

Позднее Безайс сплеховал еще раз, когда понадобилось пустить в расход (экая невидаль!) опасного свидетеля — возницу Жуканова, некое мужское подобие злой и вредной старушонки из никчемного романа Достоевского. Простая, вынужденная мера — а рука не поднимается! Безайса мутит, с вымученной улыбкой он пытается переложить эту грязную работу на Матвеева, стремительно падает в собственных глазах и, наконец, в духе своего наставника «начал убеждать себя в том, что Жуканов, собственно говоря, пешка, нуль. Подумаешь, как много потеряет человечество оттого, что он через несколько минут умрет». Помогло. Да еще Матвеев пристыдил, нажал. Ему, впрочем, тоже «страшно не хочется». Они выстрелили разом, пополам разделив бремя поступка. Непросто переступить через человека, даже при наличии подводящей «теории» и практической целесообразности. Но, взнуздывая и понукая себя, герои все-таки переступали, и при этом Матвеев явно выигрывал в сравнении с Безайсом. «Теоретически» подкованный, хладнокровный и решительный, тащил он на себе общее дело — до окраины Хабаровска, где «между забором и скворечней ему разнесли пулей кость на левой ноге». Это катастрофа. Не знал горяшка-кручины, был удалый молодец, правофланговый, и вдруг все оборвалось. Чего теперь он, калека, стоит? И что его ждет?

До Кина подобными вопросами никто не задавался. Молодая советская литература, совсем по Матвееву, думала в основном о революционной массе, и отдельной человеческой особью интересовалась мало, обычно не выделяя ее из «железного потока». Кин стал первооткрывателем сюжета, который, однако же, принес громкую литературную славу и лавры государственного признания другому писателю. Да, конечно, Николай Островский, «Как закалялась сталь».

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Островского, если бы не очерк М. Кольцова в «Правде». До этого «маленький бледный Островский, навзничь лежащий в далекой хатенке в Сочи, слепой, неподвижный, забытый», был никому не известен и никому не нужен. Он прозябал на инвалидных задворках, голодал, когда в коллективизацию цены на продукты подскочили, в санаторном лечении ему отказывали: партия не могла обеспечить всех жертв героической борьбы... После темпераментного, идеологически выверенного выступления знаменитого «правдиста» все волшебным образом перевернулось: Островский стал героем мифа. Мифа о том, что любовь к партии и преданность великой идее натуральным образом творят чудеса: «Так вели-

Виктор Кин

ко обаяние борьбы, так непреодолима убедительность общей дружной работы, что слепые, парализованные, неизлечимо больные бойцы сопутствуют походу и героически рвутся в первые ряды». Едва теплившиеся «останки» некогда лихого рубаки, изможденного и высохшего, как мумия, стали теперь своего рода мощами не единственными: главная святыня нового мира покоилась в мавзолее, но питавшимися той же энергией верований и получившими свою долю благоговейного почитания. Островский пожинал плоды решительной победы на писательском фронте: роскошная квартира в центре Москвы, дача в Крыму с персональным автомобилем и милиционером, отгонявшим любопытных, звание бригадного комиссара, восхищение читателей. Иногда он вроде бы спохватывался, смущался, но быстро успокаивался. Теперь он твердо знал, что ему полагается по новому статусу, и, когда дело дошло до редактирования его романа «Рожденные бурей», он, ознакомившись с предварительным отзывом Кина, писал директору издательства: «... Редактором должен быть глубоко культурный человек — партиец. Скажу больше, — это должен быть самый лучший Ваш редактор. Я имею на это право. Если В. Кин — это автор романа «По ту сторону», книги, которую я люблю (хотя с концом ее не согласен), то это был бы наиболее близкий мне редактор». Пожелание, естественно, учли. Часами просиживая у постели Островского и правя его роман, видя этот триумф воли над предательской плотью, думал ли Кин о своем Матвееве? Тот не пережил потери всего-навсего одной ноги. Его увече ни в какое сравнение не шло с тем, что довелось вынести Корчагину. Разумеется, без ноги жить можно — даже не прилагая к этому героических усилий. Матвеев не смог, хотя пытался.

Как бы предвосхищая Корчагина, герой Кина схватился было за перо, начал повесть. С маху написал несколько листов, увлекся. Вот уже слова становились на свои места, выравниваясь, как в строю, вот уже герои зажили своей жизнью, и Матвеев стал лучше думать о себе — подарил на радостях удивленному Безайсу свой любимый револьвер. Символический акт: прощай, оружие! Скорее за стол. Вроде бы найден наконец отличный выход, надо только хорошенько поработать, а все остальное придет. Увы, не пришло. Инерция залихватского «даешь!» сильнее, Матвеев быстро разочаровался и решил, что вся его повесть не стоит запятой в листовке с призывом к вооруженной борьбе. «Это был конец, ему начало казаться, что он и в самом деле никуда не годен». Тогда он взял пачку этих листовок и ведро с клеем, тайком выбрался на улицы ночного города. Впервые за те дни вздохнул полной грудью и мельком подумал, слишком долго он валялся в кровати и пил лекарства, «надо было с самого начала кормить его мясом и выпускать во двор поглотить настоящего воздуха, тогда, может быть, все пошло бы иначе». Рано его списали...

В поведении выздоравливающего Матвеева есть некая психологическая странность, для окружающих непонятная и неудобная: он держит себя так, будто с ним ничего не случилось. Он знает об ампутации ноги, «с медленной тоской» думает о том, что никогда уже больше не играть ему в футбол и не бегать, обгоняя других. Но эта переоценка собственных возможностей совершенно не затрагивает главного. Едва встав на костыли, он порывается ехать дальше в Приморье — выполнять задание, обвиняет Безайса в недопустимой медлительности. Добивается встречи со своей возлюбленной Лизой, начисто позабыв, не относя к себе ее приобретающие теперь зловещий смысл рассуждения о свободной, необременительной любви: «Надо уметь вовремя поставить точку, пока люди не мешают друг другу».

Субъективно Матвеев пока все тот же — сильный и уверенный в себе боец, никому не уступавший дороги. Он буквально мысли не допускает о своем крушении, «вы не смотрите на мою ногу, это ничего».

Но со стороны, как говорится, виднее. Безайс, например, сразу же понял тяжесть и безысходность положения: «Куда он денется? И на что он будет годен? Заборы подпирать?» Именно товарищи по борьбе полностью и окончательно разруши-

ли невольный самообман Матвеева. Они не принимают его назад в свои сомкнутые ряды, для них он теперь истраченный и выброшенный патрон, на который наступают ногами. Устраниться и не мешать — вот что ему осталось. Все в полном соответствии с провозглашенной дешевизной отдельного человека, все строго по «теории», которой он держался. Надо быть последовательным. Матвеев «сам, не оглядываясь, топтал конем упавших в траву товарищей и летел вперед... потому что некогда и невозможно было сказать им последнее слово. Другие умели падать молча — сумеет и он». Теперь его очередь: «Небось не сахарный».

Однако тщетно понуждал себя Матвеев лечь под копыта. Все в нем бунтует против этого. Жертвовать собой куда труднее, нежели другими. Ему кажется, что ускользавшие вперед товарищи поторопились, ошиблись: он ранен — но не смертельно, он упал — но еще поднимется, он ждет не «последнего слова», а слов дружеской поддержки и любви. Матвеев настаивает: его случай особый, испытанная «теория» не может и не должна быть применена лично к нему. Его помыслы отныне сосредоточены на том, чтобы «вернуться», догнать своих, «утереть им нос». И чем безнадежнее попытки, чем ближе и неотвратимее развязка, тем яснее внутренняя правота Матвеева, не укладывающегося в прокрустово ложе «теории» и противящегося ей.

Этот романтический мотив возвращения в ряды развит Кином с замечательной силой: варьируя и нарастая, он достигает апофеоза в финальной сцене гибели Матвеева. Всего себя собрал он, пойманный за расклейкой листовок, безоружный, обреченный, для своего последнего боя, который принес ему последнее торжество и последнюю гордость. «Снова он стоял в строю и смотрел на людей, как равный, и шел вместе со всеми напролом, через жизнь и смерть. Клонясь к земле, на снег, под невыносимой тяжестью роняя силы, он улыбнулся разбитыми губами:

— Ну... я... не так уж плох...»

Согласиться с таким финалом Островский, естественно, не мог, это было бы отрицанием его собственного терпеливого подвига. Сталь закаляется постепенно. Это процесс, борьба, мука, категорический приказ: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной!» Несогласие Островского — и содержание его жизни, и, что сейчас еще интереснее, конструктивный элемент его романа: он изначально замешан на принципиальной и последовательной полемике с Кином. Заканчивая роман, благословляя заболевшего Корчагина на подвиг, Островский вел эту полемику энергично и открыто, вплоть до прямых текстуальных контрастов. Он сравнивал поведение героев, Корчагина и Матвеева, в однотипных ситуациях и старательно подчеркивал разницу, переставлял акценты. Оба героя были близки к самоубийству, но одному, Матвееву, дуло револьвера посмотрело в глаза «преданно», другому, Корчагину, — «презрительно».

А вот как по-разному герои выясняют личные отношения. Матвеев признается Лизе: я тебя очень люблю, ты мне важнее всего на свете... «Но он всегда был немного педантом. — Кроме партии, — добавил он добросовестно. Она засмеялась». Вместе с ироничным автором читатель также грустно улыбнулся наивному и нелепому педантизму Матвеева, к несчастью, сразу взявшего неверный тон: в любви так не объясняются. Может, не расстались бы они, если бы не застряли на языке нежные слова, если бы, не испугавшись своей мнимой старомодности, поверили в банальную любовь с первого взгляда, без которой нельзя прожить. Юные герои Кина еще плохо знают себя, ошибаются, — и несут расплату: не распознанное Матвеевым чувство обернется потом мучительной болью и запоздалым прозрением. Вместе с предавшей его Лизой он потерял былую уверенность в себе, впервые ясно ощутил собственную неполноценность, надломился и уже не оправился.

Аналогичное заявление Корчагина (в сцене разрыва с Тоней: я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе и остальным близким) без малейшей улыбки представлено образцом принципиальности и мужества. То есть точно так, как оно вос-

принимается в данный момент самим героем, юношески бескомпромиссным и абсолютно серьезным Павкой. Временной дистанции, подтекста, эмоциональных обертонов и намеков нет, автор и герой идут, рука об руку, принимая прошлое без изъятия и поправок. Роман рассчитан на прямое и однозначное, «синхронное» прочтение, и, по сути, беспроblemен. Ответы известны заранее. Заболевший Корчагин знает, что надо делать, и внутренне готовится к новому сражению. Промелькнувший как-то образ: безногие пулеметчики на тачанках, страшные для врагов люди, гордость полков — служит вдохновляющим примером. Однажды начатая борьба за идею продолжается, и опыт прежних лет здесь надежная опора, ожесточение воли — главное оружие, конечная победа — счастливое возвращение в ряды. Корчагина окружают, поддерживают верные друзья, старые большевики и юные комсомольцы: «Продолжай, друг! Победа за нами!» С почти трогательной наивностью Островский исправляет ключевую киноскую метафору об упавших и затоптанных товарищах. Помнил Корчагин: «когда шли лавины под Варшаву, пуля сразила бойца, и боец упал на землю, под ноги коня. Товарищи наскоро перевязали раненого бойца, сдали санитарам и неслись дальше — догонять врага. Эскадрон не останавливал свой бег из-за потери бойца», но все-таки притормаживал, успевал позаботиться...

При всей своей романтической влюбленности в революцию Кин был гораздо зорче и жестче. Он знал (по крайней мере, интуитивно, художнически), что она может быть беспощадной не только к врагам, но и к своим — к тем, кто упал под копыта, кто уже отработал свое и стал мешать. Знал — и старался не находить в этом «ничего особенного», как Безайс, видевший страшные вещи и спокойно их принимавший. Таковы правила игры: либо на коне, либо под конем, третьего не дано и вроде бы не надо, потому что «есть упоение в бою». Есть, и героям Кина это доподлинно известно! Дрожа от возбуждения и мучительного восторга, они ставят на карту свою жизнь, чтобы насладиться ее лучшими мгновениями. Они упиваются грандиозностью своей исторической миссии, своей молодецкой волей, удалью и силой, азартом кавалерийской атаки, риском все потерять или обрести. Они пьяны от счастья: им кажется, они нашли себя и свое место... И все же своего несчастного героя Кину было жаль.

Выбитый из седла, растоптанный, Матвеев мечется, не знает, куда себя деть, прикидывая и отвергая одну возможность за другой. Ведь, помимо писательства, есть еще, к примеру, партийная работа, хорошая и нужная, какой-нибудь кружок политграмоты. Но... «Ему один раз пришлось быть в детском доме для слепых. В скверной комнате сидели дети и ощупью плели корзины. С острой жалостью он глядел в их незрячие глаза и через пять минут ушел — он не мог смотреть на их дурацкую работу. Так вот, это разные вещи. Одно дело вести кружок, когда это надо, а другое дело — вести его потому, что не можешь делать ничего другого». Между прочим, с такого кружка Корчагин начал свое возвращение в покинутые ряды — еще одна полемическая деталь! Жить для революции на каких угодно условиях, абы польза была, Матвеев, в свою очередь, не согласился. А жить для чего-то еще — для себя, для души, на худой конец, для стариков-родителей, дожидавшихся его где-то в домике с тополями под окном, — он не умел и не хотел. Это чересчур заурядно и пошло для «человека из легенды», как и любовь «пухлой дурочки» Вари, как и мешанский уют ее семьи, выходявшей раненого Матвеева. Его самооценка упала до нуля. И тогда он последним судорожным усилием попытался вновь вскочить на своего могучего боевого коня и... заплатил жизнью.

Позднее Безайс не смог стать героем романа о журналистах, начатого и не законченного Кином...

А потом пришел черед и автора. В Кина арестовали в канун двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. «Виктор Павлович, да за что же?» — воскликнула няня его единственного сына. «Разве ты не знаешь, Федо-

ра, — ответил Кин, — я же вчера человека убил...» Ирония и в такую минуту не изменила ему.

О, эта неистребимая ирония вечных романтиков! Кин словно выпустил джина из бутылки. Романная «ирония автобиографии» обернулась теперь мрачной «иронией истории», которая насмеялась над ним и над его мальчиками, над их героико-романтическими попытками выстроить новый мир на пустом месте, на крови. Она убрала их со своей сцены как отработанный человеческий материал, слишком много о себе возомнивший и на слишком многое посягнувший.

И об этом надо помнить.

Виктор Кин

МОЙ ОТЪЕЗД НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

Я пришивал к ремню большую железную пряжку. Передо мной на столе лежал список вещей, которые надо было взять с собой в дорогу. Их было немного: нож, иголка с нитками, махорка, карандаш и бумага. На столе горел ночник из подсолнечного масла — крошечная точка пламени. Напротив, за столом, сидел отец. Видны были ухо, нос и немного бороды.

Он сидел и выдумывал, что бы ему сказать. Это было нелегкое дело, если принять во внимание обстоятельства. Он уже второй день, приходя с работы, слонялся по комнатам, барабанил пальцами по столу, насвистывал, испытывая потребность что-то сделать, сказать, быть у места. Совершалось важное дело: сын уезжал на фронт, и он хотел достойным образом вести себя. Мать знала свое материнское ремесло и плакала, собирая белье в дорогу. А что, собственно, должен говорить и делать отец, когда старший сын уезжает добровольцем на фронт, чтобы нести польским рабочим и крестьянам свободу на конце штыка?

Мой отец был средний человек — жертва и материал статистики. Таких, как он, в стране жило несколько миллионов, и он ничем от них не отличался. Это была статистическая судьба среднего рабочего. На его долю приходилось сорок лет работы, шесть лет безработицы и три года фронта — все это он получил сполна. Потребление мыла и бумаги, заработная плата, заболеваемость, детская смертность — все это в нашей семье соответствовало средней норме.

Судьбы средних людей — массовое производство, они одинаковы, как банки консервов. Мой отец не имел самостоятельной судьбы. На производстве он был рабочим, на фронте — солдатом, в стране он существовал как плательщик налогов. Над ним возвышалась иерархия начальников, командиров, властей, которые следили, чтобы отец не выходил из среднего процента.

Жизнь моего отца — жизнь средней продолжительности — была обречена течь по кривому руслу уездной улицы. Эта улица, как проказой, была заражена своим названием: она называлась Еременихинской. Разумеется, на ней росла трава и паслись козы. Она ничем не отличалась от других таких же улиц. Было, все было: и лужа, и скворечни, и кирпичная церковь, и дурак Иона, которого дразнили мальчишки.

Если вы проживете сорок пять лет на такой улице, вы не сможете похвастаться воображением. У моего старика его и не было. Пока что он обходился без него, человеку статистики его и не полагалось. Что бы он стал с ним делать здесь? Взгляните на

комнату: стены оклеены розовыми обоями с цветами, каждый величиной с блюдце. Шесть истощенных стульев и кушетка, в которой стонут пружины, как грешники в аду, когда на кушетку садятся. На стене висит картина. Она называется «Истома» и изображает женщину в красном платье с закинутыми за голову руками — это наше представление об искусстве. На окнах растут кактусы и герани.

И вот — перемена.

Я уезжал на фронт добровольцем. Ничего подобного раньше не было: весь семейный опыт оказывался бесполезным. В этой комнате, среди ее гераней, разыгрывалась распря с Польшей. Мы посягали на мировую историю. Польские корпуса взяли Житомир и Киев, форсировали Днепр — ах, так? В таком случае штопайте мне носки, укорачивайте казенную солдатскую шинель, собирайте бельё!

Впервые в этой обстановке возникла необходимость новых слов, жестов, поступков. Это было вторжение пафоса на Еременихинскую улицу. Она со своими лужами и заборами вдруг превратилась в отечество, ее намерены были защищать с оружием в руках. А эта мебель — эта продавленная кушетка, эти рахитичные стулья, исцарапанный буфет, если их свалить посередине улицы и посадить сзади бородастых отцов и младших братьев с ружьями, — пожалуй, она покажется даже красивой.

Я видел, я ощущал, как отец бродит от одной фразы к другой, выбирая, оценивая. Желание сказать прощальные, заключающие слова родилось в нем и искало выхода. Он шевелил руками — может быть, он хотел положить левую руку на грудь, а другую торжественно поднять вверх?

Он должен был сказать мне:

«Слушай! Я кормил и сек тебя. Я делал это, как умел, чтобы дать тебе приличное воспитание. Теперь тебе семнадцать лет, и я говорю: пора! Они хотят драться? Ладно, покажи им, как это делается.

У нашей семьи есть свои счеты с буржуазией. Раньше я надеялся, что господь бог вмешается сам. Но у него, очевидно, столько своих дел, что ему некогда обратить внимание на Юго-Восточную дорогу. Сорок лет я гонял паровоз по этой дороге. Юго-Восточная дорога поручила мне бросать уголь в топку. Паровоз потребляет в час двенадцать пудов угля; за сорок лет работы мне предстояло перебросить миллион двести тысяч пудов. Сжечь эту гору угля — вот был мой долг, мое призвание и смысл жизни. Я был обречен жить с лопатой в руках и умереть, радуясь, что я не обманул доверия Юго-Восточной дороги. Сорок лет дороги! Вот, вероятно, разнообразная жизнь! Но за эти годы все, что я видел, — это кусок рельсов, от станции Поворино до Царицына. Думаю, если бы меня посадили в тюрьму, разница была бы небольшая.

А я был свободен, совершенно свободен! Меня никто не заставлял быть кочегаром, наоборот, мне говорили: если тебе это не нравится, можешь убираться к черту. Я по собственной воле и выбору взялся бросать уголь в топку. Я был свободным человеком, и мои права охранялись законом. Этот закон гласил: нехорошо принуждать человека играть на скачках или сажать его директором банка, если он хочет быть кочегаром.

Точно так же я свободно устраивал свою жизнь. Колбасные магазины предлагали мне окорока. Рестораны звали меня отведать омаров, трюфелей, устриц, на их стойках мерцали самые дорогие вина. Рекламы убеждали меня: «Одумайтесь! Неужели вы не понимаете, что английское сукно прочнее, удобнее и красивее вашего тряпья?» Но я оставался глух к этим убеждениям. Я продолжал есть свою селедку с картофелем и носить куртку.

Она росла, она прямо-таки пухла у меня на глазах, Юго-Восточная дорога. Ей везло. Она построила новую ветку на Урюпино в 1894 году. Я запомнил этот год потому, что тогда умер твой брат пяти месяцев от роду. Второй умер в 1897-м, когда дорога заново перестраивала все вокзалы на своей линии. В 1904 году Юго-

Восточная ввела новые мощные паровозы серии «С-19». У меня осталась метка на память — оторвало палец бесконечным винтом, который у «С-19» сделан не так, как у старых.

А она росла, паровозы Уатсона сменялись Декаподами, затем сверхсильными, курьерскими. Росло атмосферное давление, число вагонов, километры рельсов. Я наблюдал эти перемены с паровоза — они неслись мимо меня со скоростью от сорока до шестидесяти километров в час. В голой степи поднимались телеграфные столбы, из земли возникали водокачки, появлялись разъезды и полустанки. Этот клубок сил и скоростей стремительными толчками развертывался на юг, захватывая деревни, нагромождая пакагазы, паровые мельницы, мосты.

Да, она цвела и распускалась, как подсолнечник, цвела и приносила плоды. Я видел, как здесь добрели и наливались соком начальники станций и участков, старшие инженеры и инспектора. Сначала это были худенькие путейцы, мамыны мальчики с острыми носиками. Мне они говорили «вы» и «извините». Потом у них отрастали бороды, багровели затылки, созревали величественные зады; вырастала сорокалетняя, пузатая, хриплая, мордастая шайка. Зубы у них крупнели и желтели, на кулаках вырастали волосы. Эти животы и подбородки символизировали мощь дороги, ее полнокровие и процветание.

Это чертовски несправедливо. Нас обжуливают — вот что я думаю о своей жизни. Если господь бог существует, то он не умеет взяться за дело; во всяком случае, он никогда не вмешивался в дела Юго-Восточной дороги.

С меня довольно всего этого. Ты прекрасно делаешь, что идешь на фронт. Это твой прямой долг. Я не боюсь войны, не бойся и ты. И твой дед, и твой прадед, и прапрадед — все были brave ребята с бородищами и круглыми рожками. Все это солдаты турецких, кавказских и туркестанских кампаний. Много они поели солдатского хлеба и истоптали солдатских сапог! Они орали песни под Плевной, и воровали кур под Бухарой, и околевали на Кавказе. Мы поколение солдат. Мы представители всех родов оружия — артиллеристы, пехотинцы, драгуны, гусары, уланы, саперы. Нас вооружали кремневыми ружьями, пистонными ружьями, шомпольными ружьями, винтовками Бердана и трехлинейными винтовками образца 1891 года.

Юго-Восточная дорога стригла с меня шерсть, но в четырнадцатом году у хозяев разыгрался аппетит. Им захотелось мяса. Доктора осмотрели меня и решили, что я достаточно хорош для того, чтобы быть убитым. Шкура, вырезка, филейная часть — все было первого сорта. Русскому командованию не пришлось бы краснеть перед немецким за своих покойников.

И я воевал. В Восточной Пруссии, под Танненбергом, где генерал Людендорф начисто уничтожил армию генерала Самсонова, война покалечила мне руку, отметила, чтобы поймать и добить потом. В Перемышле австрийский главнокомандующий Конрад фон Гаузенштейн приказал выбить нас осадной артиллерией из крепости. Силой взрывов меня бросало из стороны в сторону, швыряло на пол. Под Карпатами генерал Маннергейм расставил пушки в шахматном порядке и стрелял по окопам залпами. Вставала сплошная стена земли и дыма, второй залп — еще ближе к окопам, третий, четвертый. 6 августа 1915 года я видел, как хлор густым, тяжелым облаком плыл к нашим окопам, а мы смотрели, удивлялись, не понимали. Потом, в госпитале, я видел, как вырезают кожу со лба, чтобы починить разрубленный нос, как вставляют стеклянные глаза, заменяют куски черепа гуттаперчевыми заплатками, делают резиновые стоки для мочи, если мочевой пузырь ранен осколком...

С меня довольно всего этого: шутки в сторону! Драться так драться! Я голосую за войну. Я настаиваю на войне! На этой войне!

Ну, желаю удачи. И вот тебе родительский совет, заповедь: что бы там ни было — держись до конца!..»

Но он не сказал ничего этого. Надо прожить сорок пять лет на улице, которая

называется Еремнихинской, в комнате с фикусом и бумажным веером, чтобы растерять все эти слова. Наша мебель не вынесла бы их.

Вот что он сказал:

— Соловейчик предлагает копать огород за выгоном — знаешь, около винного склада?

Некоторое время мы молчали, пораженные тупостью этих слов. Старик, собственно, был нем, как рыба, без языка. Он был обречен безвкусным, как репа, словам, огрызкам слов. Он был ограблен. Прекрасные слова, которые можно, как цветы, носить в петлицах пиджаков, были захвачены и спрятаны в книжных шкафах, как столовое серебро в буфетах. И вот, отправляя сына на фронт, все, чем он располагает, — на гривенник прилагательных и падежей.

Пожалуй, лучше бы объясняться знаками...

— Ты бы к дяде-то зашел. Родной все-таки.

— Он мещанин, — ответил я с тем выражением строгости, которое за последние два дня не покидало меня. — Да он сам не очень-то во мне нуждается.

— Ну, перед отъездом надо зайти. Это странно даже — не попрощаться.

Я представил себе дядю, его шляпу, пенсне и скорбные усы. Для меня он не был даже человеком. Это был символ, абстрактная идея, воплощенная в образе уездного кооператора. До того, как стать кооператором, он много лет служил телеграфистом на станции Дебальцево. Он был обычен, скромен и честно нес на своих острых плечах проклятие русской станционной скуки. Из аппарата Морзе струилась бесконечная лента, испещренная суетным житейским вздором, — поцелуи, поздравления, соблазнования, торговые распоряжения. В конце рабочего дня дядя судорожно, с визгом и слезами, зевал, надевал форменную фуражку и шел жениться под окна моей тети.

В октябре станция загудела, замитинговала, зашушукалась о конституции, о гектографах, о бомбах. В незабываемый день 15 октября дядя принял телеграмму Всероссийского стачечного комитета. Сначала аппарат отступал: «Люблю тоску» пришли пальто каракулевым воротником целую Серафим», а потом, через паузу, появились исторические слова: «Всероссийский стачечный комитет объявляет всеобщую стачку» и так далее.

И дядя почувствовал в пыльном воздухе станции трепетание незримых крыл...

— А если он сам придет? Лучше будет? Он тебя все-таки любит...

На улице стояла влажная майская ночь и дышала в окно запахом черемухи и тополей. Далеко за рекой упоенно пели лягушки — их замирающие любовные вопли вызывали в памяти представление о черной тяжелой воде, о берегах, заросших ивняком и сочной лакированной травой. Пахнет кувшинками и бледно-розовыми болотными цветами. По дну ходят большоголовые, крупноглазые сомы и шевелят усами, как наш учитель математики Процек. Там, на дне, стоит мертвый обоз 114-го стрелкового полка: в восемнадцатом году, когда казаки входили в город, обоз переправлялся через реку, и лед не выдержал тяжести груженных подвод... Треснуло разом от берега до берега, страшно закричали лошади, и от воды пошел редкий пар. А уже наутро пролом затянуло тонким слоем льда. Второй год стоит на желтом дне обоз 114-го полка — взнузданы истлевающие лошади, в ящиках лежат зеленые патроны, и пулеметы повернуты дулами к монастырю, откуда должны показаться казацкие цепи. Рыбий глаз заглядывает в ружейные стволы, и шука скользит мимо холодным боком.

— Не пойду.

Отец подумал, с шумом переставил тяжелые каблуки и сказал:

— Семенова встретил. Он теперь из мастерских ушел, работает на своем огороде за Чаровым мостом. Спрашивает меня: «Уезжает сын?» «Уезжает», — говорю. «Как же, — спрашивает, — вы его отпускаете?» — «Сам, говорю, уходит». Только головой покачал.

Он помолчал немного.

— Колодец завалился, — продолжал он тянуть разговор. — Думают устроить послезавтра всей улицей субботник. Уж и не знаю, идти мне или нет.

Послезавтра, в субботу, я должен был уезжать.

— Иди, конечно, — посоветовал я.

— Пожалуй, пойду. Пауза.

— Каплунова коза, подлая, повадилась ходить к нам тополя объедать. Я ему сказал, что если еще поймаю, плохо его козе будет. А шинель скатывать ты умеешь?

— Нет.

Он встал, явно обрадованный.

— Это мы сейчас. Я тебя сразу научу. На фронте пригодится. Сначала отстеги-ваешь хлястик и расстилаешь шинель на полу. Потом подворачиваешь полы и воротник, потом берешь ее таким манером...

На полу он разложил мою новую, вчера только полученную шинель и с ловкостью старого солдата закатал ее в тугий и ровный жгут. Я попробовал сам, но вышло плохо, неровно, с буграми.

— Не торопись, главное, — говорил он, ползая на коленках рядом со мной. — Рукава уложи сначала, чтобы не горбились в плечах. Ну вот! Теперь с этого боку, с другого — и веди ее к концу. Понял?

На пятый раз он осмотрел мою работу с одобрением. Мы снова уселись, и я взялся за пряжку...

ФЕЛЬЕТОНЫ

ПЫТКА ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

Пишут, что на Лопатьевском чугунолитейном заводе случилось происшествие, глубоко взволновавшее местную общественность. В клубе вечером соединенными стараниями месткома и ячейки комсомола сооружены были увлекательные полит-игры. В этих играх приятное сочеталось с полезным: молодежь, играя в политфанты, одновременно, сама того не замечая, приобретала познания в политэкономии, историческом материализме, географии и истории.

Общее веселье было испорчено недостойным поведением комсомольца Глазунова, который на просьбы руководителя принять участие в игре заявил грубо: «пусть они все сдохнут». Когда стали его расспрашивать о причинах такого странного и необдуманного отношения к клубным развлечениям, Глазунов обозвал руководителя дураком. Он упорствовал в своих заблуждениях, и его заподозрили в идеологической невыдержанности, политическом невежестве и недисциплинированности. На заседании бюро ячейки ему был вынесен строжайший выговор, а местный рабкор, перо которого никогда не уставало обличать и клеймить, предал поступок Глазунова на суд гласности через стенгазету «Лопатьевский литейщик». С тонкой и убийственной иронией статья разоблачала Глазунова как оторвавшегося, разложившегося, зараженного предрассудками мещанской стихии, и Глазунов должен был сам ужаснуться, увидев беспристрастное отражение своего нравственного облика.

Но прежде чем сказать о Глазунове слово, нам хочется рассказать об одном постороннем предмете — об электрической доске вопросов и ответов.

Мы видели ее в одном из клубов, — это была поистине ужасная, адская выдумка. История молчит о том, кому принадлежит изобретение этой машины, и комсомольцы клуба «Октябрьские всходы» не знали, чье имя должны они проклонить. Но у него, у изобретателя, несомненно, была крепкая голова.

Мы опишем эту машину объективно, без всякого личного, предвзятого чув-

ства. Это была широкая доска, метра полтора шириной и один метр в высоту. Слева были наклеены вопросы:

Нэп?

Диктатура пролетариата?

Военный коммунизм?

Фашизм?

Империализм?

И так далее. Под каждым вопросом была медная кнопка. Справа были наклеены ответы. И под каждым ответом — тоже кнопка. Сбоку извивались провода, а сверху над доской была ввинчена лампочка.

Тут же на стене висело объяснение, как пользоваться машиной. «К доске, — гласило объяснение, — вызывается один из присутствующих. Он берет два конца провода, одним касается кнопки вопроса, а другим — кнопки ответа. Если ответ указан правильно, наверху загорается лампочка.

Неудачные ответы вызывают веселый смех.

Ответившие правильно получают право пользоваться доской вне очереди.

Перед этой доской сидело дюжины полторы комсомольцев и комсомолок. Вид у них был убитый, точно все они собирались на похороны близкого родственника.

И руководитель прямо-таки убивался, чтобы вызвать хоть тень улыбки у своих зрителей.

— Ну как же, ребята, а? — бодро говорил он. — Чего ж вы? Нефедов, скажи-ка нам, братец, что такое нэп?

Нефедов сгорбился и подошел к доске. Вид у него был совершенно измученный. Он взял в руки два провода — одним надо было прикоснуться к кнопке с надписью «Нэп», а другим — к кнопке ответов. Он потрогал штук десять кнопок, но лампочка не загоралась. Руководитель хохотал, раскачиваясь и вытирая слезы. Это не был обычный человеческий смех. В нем звучали ноты тоски и отчаяния. По расписанию надо было играть, забавляться, бешено веселиться, и он делал все, что мог. Это был честный, старательный человек, и к своей работе он относился добросовестно. Некоторые из сострадания тоже засмеялись, виновато поглядывая на остальных.

— Не знаю, — сказал Нефедов, опуская руки и глядя в пол. Тогда руководитель вызвал другого.

— Савельев, а ты?

— Я не пойду.

— Почему же ты не пойдешь?

— Я уже играл сегодня в политфанты. Устал, как собака. Другие небось слоняются целый вечер, лодырничают, а ты за них играй. Я тоже не каторжный.

— Верно, — поддержали его остальные. — Это ни на что не похоже. Одни играют, как ломовые лошади, а другие с девчонками балуются или в уборной отсиживаются. Надо бы изживать подобные явления.

Руководитель успокоил их и вызвал нового человека — товарища Углова.

— Ну-ка, покажи нам, что такое нэп?

Новый человек сразу же сделал ошибку. Он начал думать. Этого нельзя было делать ни в коем случае, — у машины была своя, непостижимая логика.

Он прикоснулся одним проводом к кнопке «Нэп», а другим стал искать ответ. Первой ему попала кнопка «Политика соввласти», но лампочка не загоралась. Очевидно, нэп что-то другое. Потом он нашел надпись «Дорога к социализму» и даже задрожал от возбуждения. Напрасно. «Дорогой к социализму» оказалась на доске «Кооперация», а не «Нэп». Далее он нагнулся на «Залог победы рабочего класса» и тоже без всякого успеха. «Залог победы» была «Смычка города с деревней». Он тронул кнопку «Возрождение хозяйства», но лампочка не загоралась.

Все сидели мрачные, подавленные странным упорством доски. Если нэп не политика соввласти, и не дорога к социализму, и не залог победы рабочего класса, и не возрождение хозяйства, то что это такое, в конце концов?

Руководитель давно устал смеяться и только слабо взвизгивал при неудачных ответах. Никто не ждал, что из этого что-нибудь выйдет, — и когда вдруг ослепительно вспыхнула лампочка, это подействовало, как взрыв бомбы. Все вздрогнули.

— Что такое нэп? — спросил руководитель, ободрившись. — Читай громче, чтобы все слышали. Тише. Достаньте тетради и запишите. Это очень важно. Слушайте внимательно. Перов, сбегай в соседнюю комнату и скажи, чтобы пионеры не шумели. Позовите тех, которые ушли курить. Ну! Что такое нэп?

И среди настороженной чуткой тишины Углов громко прочел данный доской ответ:

— Историческая необходимость.

Гроза и болезнь нашей воспитательной работы — это плохой лектор, речь которого утомительна, скучна, лишена всякого человеческого чувства. Сколько раз сравнивали его с говорильной машиной, и это сравнение было настолько справедливо, что кому-то пришла в голову мысль и в самом деле заменить его машиной — настоящей машиной, с кнопками, с проводами, с лампочками.

Эту выдумку, пожалуй, можно было бы вытерпеть, как наказание или несчастье. Но когда в нее надо играть, когда посягают уже на смех, на развлечение, — это становится невыносимым. Давайте, наконец, начнем смеяться весело, полной грудью, — это великое и прекрасное умение совершенно необходимо для наших лет.

Я протягиваю вам руку, дорогой товарищ Глазунов, как брату, и становлюсь рядом. Пусть мы вместе примем на наши плечи и негодование руководителей, и выговоры бюро, и губительную иронию стенной газеты. У меня не хватило тогда мужества назвать дураком изобретателя доски, но теперь я стыжусь своей слабости и присоединяю свой голос к вашему.

«Комсомольская правда», 1926

БРАК И МНОГОПОЛЬЕ

По вечерам, когда кружок естествознания укладывался в душистую траву и дымил махоркой в тихом воздухе, комсомолец Третьяков отчаянно разорялся против бога, доказывая пользу многополья и происхождение человека от обезьяны. Подсаживались бородастые степенные крестьяне и, делая вид, что им нет никакого дела до бога и до происхождения человека, краем уха вслушивались в бойкую третьяковскую речь.

Богу приходилось очень туго в естественном кружке, ибо Третьяков решительно не одобрял опиум религии и дурман народа. Зато об обезьяне и многополье он отзывался в таких лестных выражениях, что даже крестьяне поворачивались к кружку и задавали вопросы:

— А как она, например, живет, обезьяна?

— Очень просто, живет в норе, — отвечал Третьяков. — Обыкновенный зоологический зверь, только руки и ноги человечески. Но если подойти к ней с точкой зрения, то оказывается, что мы все от нее безошибочно исходим...

К обезьяне и богу мужики относились халатно и дальше вопросов не шли, но многополье возбуждало их интерес. По деревне пошли разговоры о том, что надо всем сходом перейти к многополью, и, может быть, перешли бы, если бы не пришла на сцену роковая любовь и не перевернула бы все вверх дном.

Неожиданно для самого себя Третьяков влюбился и решил закрепить свою страсть браком. Девица вполне шла навстречу Третьякову, но его отец требовал, чтобы он женился в церкви.

— Обезьян своих ты брось, — говорил отец, стуча пальцем по столу. — Не обезьянами надо жить, а правдой. Или женись в церкви, или уходи из дома!

Напрасно умолял Третьяков отца не насиловать его научные и политические взгляды. Напрасно рассказывал ему о происхождении человека и просил прочесть Дарвина. Отец категорически обещал поломать невесте ноги и выгнать Третьякова из дома.

И решил Третьяков попробовать последнее средство. На заседание комсомольской ячейки он принес обширное заявление с просьбой о помощи:

«Прошу ячейку РЛКСМ оказать мне помощь, воздействуя на попа, так как я венчаться в церкви не хочу, как комсомолец, а если повенчаюсь, то этим подрыву авторитет комсомола и партии. В силу этого ячейка должна идти на все крайности, но помешать венчанию. Если со стороны ячейки не будет оказана помощь, то я пропал: с отцом и с попом мне одному ничего не поделать. Жду помощи.

Н. Третьяков».

Комсомольская ячейка решила помочь своему члену и написала нижеследующее отношение:

«Священнику ниже-тоимской церкви С. Двинской губернии.

Ниже-тоимская ячейка доводит до сведения вашего, что по имеющимся в ячейке сведениям, член ячейки Третьяков не желает венчаться в церкви! кроме того, зная мысль тов. Третьякова по отношению к религии, находит, что это будет насилие его воли, о чем ячейка ставит вас в известность».

Но у попа комсомольское «воздействие» не имело никакого успеха. Несмотря на авторитетные подписи секретаря и членов бюро, поп в день 1-го мая совершил публичное насилие воли Третьякова, обвенчав его в церкви в присутствии всего села, пришедшего посмотреть на свадьбу руководителя естественного кружка.

Обеда руководителя вокруг аналоя, поп откашлялся и обратился к брачующимся и прихожанам с краткой притчей о блудном сыне, вернувшемся в лоно православной церкви, которая, по своей кротости и долготерпению, вновь его приемлет и молит бога смягчить ожесточенные сердца его бывших сообщников.

А «сообщники» в тот же вечер собрались и единогласно вышибли «блудного сына» из комсомола.

Прошла неделя. И снова был вечер, и снова мужики дымили махоркой в тихом воздухе, когда Третьяков осторожно подсел сбоку и завел разговор о многополье. Но его встретили гробовым молчанием. А когда Третьяков напомнил, что надо бы всем сходом перейти к многополью, один из мужиков повернулся и злобно кинул через плечо:

— Катись ты со своим многопольем к... обезьяньей матери! Вот еще начальник выискался! Без тебя знаем!

— То есть как? — ахнул Третьяков. — Почему вы против многополья? Ведь вы же сами хотели всем сходом!..

— Помалкивай, — мрачно отозвался мужик. — Сколько лет жили на трехполье и вдруг — пожалте, многополье приспичило! Ходишь, сволочь, смущаешь народ, сбиваешь с толку! Крутишься, как собачий хвост, — брешешь и про бога и про многополье, и про обезьяну. Только на боге ты обжегся!

«Комсомольская правда», 16 / VII—25

ЛОВКОСТЬ

— Главное в нашем деле — это ловкость, инициатива, — говорил Петька Ворс. — Если ты будешь хлопать глазами, то от всей организации останутся одни крышки. Ловкость — это самое главное!

Я ничего не имел против инициативы и ловкости. Даже напротив. Но в описываемый момент мне казалось, что пятьдесят рублей пригодились бы нам гораздо больше, чем ловкость.

— Петя, — сказал я, — ты был в Губсовпартшколе и знаешь каждую запятую в политграмоте Коваленко. На прошлой неделе ты на диспуте загнал в угол живоцерковника и разбил его прежде, чем он выпил стакан воды, чтобы опомниться. Но к чему годны все знания человечества, когда у нас проваливается съезд?

Это была совершенная правда. Уездный съезд был на носу. Мы в изобилии подготовили тезисы, планы и отчеты. Но среди груды съездовских бумаг не было ни одной за подписью Сокольников. Нужны были пустяки — рублей пятьдесят на общежитие. Делегаты были ребята бывалые и привозили продукты с собой, но мы не могли надеяться, что они захватят кровати и комнаты.

— Надо что-нибудь сделать, — сказал Петька. — Что бы такое выдумать, а?

— Выдумай мышеловку, — предложил я. — Сторож жалуется, что проклятые мыши сожрали резолюции январского пленума. А денег ты все равно не выдумашь.

— Ладно, — говорит Петька, — ладно. Я тебе докажу, что значит ловкость в нашем деле! Подожди меня, я вернусь через полчаса...

Он вернулся через три часа. Пот лил с него градом. Он подошел и небрежно выбросил на стол сорок рублей.

— Очень просто, — ответил он на мои вопросы. — Я пришел в Уком партии, схватил секретаря за пиджак и кричал и топал ногами, пока из него не пошла пыль. Денег у него не было, но он собрал взаймы у сотрудников под честное слово... Надо достать еще червонец полтора. Ловкость...

— погоди, Петька, — сказал я, надевая кепку, — я сейчас вернусь...

Я вышел на улицу и бегом бросился в Уисполком. Через десять минут я стоял перед председателем, который пил чай с французской булкой.

— Товарищ Коненко! — сказал я. — Вы распиваете чай с разными деликатесами, в то время как у нас собирается уездный съезд! Дайте мне двести рублей, иначе я снимаю...

— Голубчик, — говорит председатель, — голубчик...

— Ну хорошо, хорошо, — говорю я, — дайте пятьдесят рублей. Иначе...

— Голубчик, не только пятьдесят рублей, а и полтинника не дам. Мы все загнали на посевную кампанию.

— Червонец, — говорю я, — это самое последнее. Вы тут распиваете чай, а у нас...

— Ей-богу же нету...

— А, если вы так, — закричал я, ударив кулаком по столу, — то прощайте! Ноги моей больше здесь не будет!

В этот момент мой взгляд упал на ноги и меня осенила мысль. На что мне сапоги? Тем более летом? Можно прекрасно ходить в сандалиях. Через полчаса я был на базаре и останавливал прохожих.

— Опойковые сапоги, — говорил я тоном человека, идущего на крайность. — Совершенно новые, почти не ношенные. Продаю только потому, что правый сапог немного жмет. Не лапайте, гражданин, вещь дорогая и по нашим временам редкая...

Вдруг я слышу страшно знакомый голос, предлагающий диагональные брюки за 14 с полтиной по случаю. Я подошел к нему и взглянул ему прямо в глаза.

— Петька, — сказал я, — ты лгал мне, как зеленая лошадь. Я стыжусь за тебя. Я

все понял. Ты загнал за сорок рублей свою кожаную куртку? Нечего косить глазами на мои сапоги, — правый все равно жал мне ногу...

— Успокойся, — ответил Петька. — Честное слово, ты ошибаешься. Это был мой френч в полоску с кокосовыми пуговицами.

«Комсомольская правда», 4 / 1—26

КРАЙНОСТЬ

Среди событий этого года в селе Бородаевке, Днепропетровского округа, наиболее крупным было появление Антона Антоновича Заворотнева. На воображение жителей Бородаевки он подействовал с неотразимой силой.

В Бородаевке появился он незаметно, под вечер, напился у баб воды и покурил с мужиками на бревнах около Совета, а через несколько дней внезапно объявился магом, хиромантом и прорицателем. Оказалось, что ему известно прошедшее, настоящее и будущее, что он отыскивает тайные клады и угадывает конокрадов. Говорили, что он умеет отводить глаза, вызывает духов и запросто держится с нечистой силой, основным же его занятием является подача нуждающимся советов на все случаи жизни.

И к Антону Антоновичу пошли за советами. Сначала пришли девушки и, краснея, шептали в его волосатое ухо свои вздорные и робкие просьбы. Потом пошли бабы рассказать понимающему человеку бесконечные бабьи жалобы, а дальше двинулись уже хозяева и степенно расспрашивали мага: не знает ли маг, случаем, почему будет рожь в следующий базар, есть ли бог и как лечить чесотку у лошадей. Маг принимал всех запросто, справлялся в секретных книгах, смотрел на воду, рассыпал золу и давал загадочные ответы. Мало-помалу известность его стала расти, из окрестных деревень потянулись крестьяне.

Он привык к своей жуткой славе. Он сделался необходимым в деревне человеком. Если угрожала засуха или напал на хлеб прожорливый червь, то шли сначала к отцу Панкрату, а затем и к Антону Антоновичу, потому что рачительный хозяин старается обезопасить себя и от бога и от нечистой силы, — так все-таки верней.

Этой осенью в соседней деревне шефы чинили мост через топкое, заросшее очеретом болото. Антон Антонович ждал, пока его позвуют, но потом отправился сам.

На старом болоте кипела работа: крепко врезались топоры в дерево и свежая стружка густо желтела в болотной траве. Паровой копер, тяжело бухая, вгонял в землю острые сваи. Маг, потолкавшись среди этой суеты, направился к человеку в кожаной куртке, который бегал с карманной рулеткой и кричал осипшим голосом о каких-то бревнах. Маг поймал его за рукав и сказал зловеще:

— Нехорошо. Неладно дело ведешь. Плохо это кончится.

Человек в кожаной куртке бросил на него тревожный взгляд:

— А что? Крепления расшатались?

Маг наклонился и начал тихо шептать ему на ухо жуткую правду о болоте. В его тинистых, зацветших водах водилась всякая нежить — безглазая, бесформенная, страшная, по ночам вспыхивали синеватые огни. По мохнатым болотным кочкам бродил неизвестный голый мужик, который исчезал как дым, когда к нему подходили. На болоте была особая, странная жизнь, дикая, столетняя глушь, нельзя безнаказанно врываться сюда с дымом и грохотом машины. Но делу, конечно, можно помочь: хорошо, например, действует баранья лопатка. Есть вещи и почище лопатки, но это самое дешевое...

Руководитель дико взглянул на него и кинулся в сторону, где наводили настил на бревна. Маг обиделся, но идти домой по мокрой осенней дороге, ничего не добившись, не хотелось, и он снова поймал руководителя.

— А еще образованный, — сказал он укоризненно, — а еще беретесь мосты строить. Совестно. Ну вот, шкура черного кота, она дороже, но зато это — вещь.

— Почему?

— Отдам за пять.

Человек в кожаной куртке зевнул, обнажив тридцать два зуба.

— Вот что, папаша, — сказал он. — Вон там есть сухое место. Положи свой узелок с чертовщиной и возьми-ка лучше таскать бревна с ребятами. Работа поденная, полтинник в день. Больше заработаешь.

Маг пошатнулся, ошеломленный. Этот упрямый человек ни во что не ставил его древнюю деревенскую мудрость.

— А... голый мужик? — спросил он неуверенно. — Да уж как-нибудь... авось...

Маг пожевал сморщенными губами. Кругом стоял деловой шум. Люди работали быстро, уверенно, острой сталью блестели топоры и падали белые щепки. Долго смотрел старик по сторонам. Машина с грохотом вбивала могучие сваи в болото. Что могут сделать против ее жадных, железных лап ветхие болотные призраки? С другой стороны, и полтинник — тоже деньги.

Маг положил узелок с бараньей лопаткой и черной шкурой, подвернул штаны и сказал тоном человека, идущего на крайность:

— Ладно. Но за болото я не ручаюсь.

«Правда», 14 / XI—26

СЛУЧАЙ

Это были какие-то прямо невозможные брюки. Если вы не служили в 5-й роте N-ского полка и не видели их собственными своими глазами, то вы не можете себе представить, что это такое. Когда наша рота проходила через город или местечко, то Мотьку Зыкова ставили в середину рядов, чтобы его брюки не вызвали скопления любопытных на улице. Некоторые говорили, что это позор, и предлагали их перекрасить. Но красить их было нечем, а новых брюк не предвиделось, потому что капитанармус все вещевое довольствие полка носил в походной сумке через плечо.

Брюки были такого режущего глаз зеленого цвета, что командир роты, товарищ Пронин, говорил, что на них надо глядеть сквозь закопченное стекло, ибо для невооруженного глаза они невыносимы. По этим брюкам Мотьку Зыкова можно было безошибочно узнать среди целой дивизии, ибо других таких брюк не было не только в армии, но даже на всем свете. Из чего они были сделаны, непонятно; Мотька несколько раз хотел достать себе другие, но ему не везло, и он продолжал ходить в старых, зеленый, как гусеница.

Эти брюки отравляли ему жизнь, потому что над ним смеялся весь полк. И, хотя никаких проступков за Мотькой не замечалось, у нас его как-то невзлюбили. Говоря правду, остальные ребята тоже не блистали внешностью, и со всей нашей роты вряд ли набралось бы три полных дюжины пуговиц. Но все были похожи на настоящих солдат, тогда как Мотька Зыков был посмешищем всей роты.

Однажды вечером мы узнали, что ожидается наступление на деревню Дубовку, в которой засели бандиты. Это всех обрадовало, потому что нам надоело стоять около деревни под открытым небом, в поле, на котором не было ничего, кроме проклятых муравьев, заползавших за воротник.

Ночью, перед третьей сменой, пришел товарищ Пронин и стал ругаться. Он обложил всю роту самыми последними словами за распущенность, лень, нечистоплотность, и в заключение ни за что ни про что посадил татарина Махмутдинова под арест на три дня, а остальным ребятам надавал нарядов. Все сидели тихо, потому что когда он сердил, то лучше было молчать.

Назвав нас в последний раз бабами и неряхами, товарищ Пронин повернулся налево кругом и вышел.

А вечером пришел вестовой военкома и сказал:

— Ваш парень, этот молодчик в капустных штанах, сегодня ночью удрал с поста. Дезертировал...

Тут мы поняли, почему сердился товарищ Пронин. Наша рота, правда, не могла похвастаться безупречным поведением, но дезертиров у нас никогда не было. В этот день мы избегали разговоров о Мотьке Зыкове, и его имя было в последний раз упомянуто в приказе по полку, как имя предателя и врага трудового народа.

А через день мы перешли реку и взяли деревню в кольцо. Все было сделано чисто, и бандиты едва успели удрать, оставив в наших руках весь обоз и лошадей. За околицей мы натолкнулись на толпу красноармейцев, которые стояли и разглядывали лежавший на земле труп.

Лицо у мертвеца было разбито прикладами. На груди была вырезана пятиконечная звезда. Рядом валялся красноармейский шлем, а ноги по пояс были закрыты шинелью. Все стояли молча, кроме нескольких прибежавших из деревни баб и мальчишек, которые, перебивая друг друга, рассказывали, как мучили этого солдата бандиты и как он отказывался рассказать о расположении красных войск даже под угрозой расстрела. В это время подъехал военком полка.

— По местам! — закричал товарищ военком. — Вы, тов. Пронин, распорядитесь отнести убитого к штабу, выставьте караул и покройте тело знаменем. Соберите красноармейцев и население на митинг, — мы устроим ему торжественные похороны. Выясните, кстати, личность убитого.

Выяснить личность убитого не пришлось, потому что, когда подняли тело с земли и сняли шинель, то все узнали, кто был этот герой, принявший мученическую смерть и издевательства от бандитских рук. Брюки убитого были покрыты корой из крови и грязи, но даже кровь не могла изменить их ярко-зеленого, невыносимого для глаз цвета.

«Комсомольская правда», 23 / II—26

СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ

Сейчас мы выросли, читаем газеты, курим папиросы, бреем усы и бороды. Но каждый из нас неизбежно в свое время был младенцем. Каждый из нас делал бумажных голубей, крал яблоки и носил короткие брюки на помочах. И если не каждый, то уж, наверно, многие были коротко знакомы с одним мальчиком.

Этот мальчик был невыносимо скучен. Он доставил мне кучу хлопот, и я до сих пор вспоминаю о нем с неприязнью.

Это был мальчик из сборника арифметических задач. У него была мама, которая положила ему в один карман 5 копеек, а в другой 10. Мальчик пошел и купил себе яблоко за 3 копейки. Но едва собрался он съесть это яблоко, как ему подвернулся другой мальчик, который перекупил у него яблоко за 5 копеек. Тогда, довольный прибылью, мальчик пошел и купил фунт пряников за 15 копеек. Сколько денег у него осталось?

Далее следовали: сложение и вычитание, суммы и разности, в результате которых мы узнавали, что у мальчика осталось 2 копейки. На этом мы кончали с мальчиком и переходили к бассейну с двумя трубами или к купцу, купившему красного и синего сукна. И никто из нас не задумывался над психологией мальчика, купившего себе пряники.

В самом деле, почему мальчик сначала позволил себе расход в 3 копейки, а потом вдруг решил истратить 15 копеек? Почему он сразу не купил себе пряников? Какие причины толкнули его на такой шаг?

Трезво рассудив, я решил, что арифметический мальчик соблюдал режим экономии. Выгодная операция с яблоками, на которой он выиграл 2 копейки, обнадеедила его. Он осмелел и, гордый своей деловитостью, находчивостью и умением экономить, пошел и истратил свои 15 копеек.

В том, что я прав, убеждает меня действительный случай из практики режима экономии, о котором сообщает нам наш юнкор тов. Ан. Зоря. Этот случай оставляет далеко позади довоенного мальчика с его яблоками и пряниками.

Жили два хозяйственника. Они стояли во главе Озертреста хлопчатобумажной промышленности. Оглядевши свой трест, хозяйственники решили, что у них непомерно раздуты штаты. Блюдя режим экономии, решили хозяйственники сократить курьера, уборщицу и делопроизводителя. Курьер получал 36 руб. в месяц, уборщица — 29, а делопроизводитель 50. Шутка ли — 115 рублей в месяц народных денег пожирала раздутые штаты! Знаете, сколько это выйдет в год? 1380 целковых набегает, — все-таки деньги.

Так они и сделали, — взяли и сократили. И, сэкономив деньги, почувствовали хозяйственники, какие они находчивые, рачительные и деловитые, как умно сэкономили они советскую копейку. Недоглядели хозяйственники — и пропали бы 1380 рублей. Будь хозяйственники мальчиками, им обязательно захотелось бы пряников. Но они, на горе Озертреста, были людьми взрослыми, пряников не ели и им захотелось автомобилей.

Один автомобиль у них уже был. Но автомобиль был старый, черного цвета. Пошли хозяйственники в лавку и купили себе другой, новый автомобиль, отличного голубого цвета. Стоил новый автомобиль 13 000 рублей, да шоферу надо 100 рублей в месяц, за бензин и за гараж 100 рублей в месяц — выходит 2400 рублей в год. $2400 + 13\ 000$ — это выйдет 15 400 рублей.

Не вините мальчика из задачника. Во-первых, он маленький, — много ли с него возьмете? Во-вторых, по нему дети из первой ступени обучаются арифметике — скучной, но необходимой науке.

А хозяйственников из Озертреста даже и в задачник поставить нельзя.

— Представьте себе, детки, — скажут дяди-хозяйственники притихшему классу первой ступени, — что сэкономил мы на сокращении штатов 1380 рублей. Ну-с. Автомобиль стоит нам 15 400 рублей. Что из этого получилось?

Сядут дети решать задачу. Будут подсказывать, списывать друг у друга, применять четыре действия и таблицу умножения. И никогда не додумаются, что в результате получается режим экономии!

«Комсомольская правда», 10 / VI—26

Ольга Васильевна Померанская родилась в Новохопёрске. Окончила профессиональное училище, в настоящее время студентка Санкт-Петербургского заочного института гуманитарного профиля. Работает обозревателем районной газеты «Вести». Публиковалась в сборнике стихов и прозы новохопёрских авторов «Что мне пророчит новая строка», районной прессы. Живет в Новохопёрске.

Ольга Померанская

СРЕДИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПУСТОТЫ

* * *

Меняю все, что есть,
На шар воздушный —
Возьму за нитку, нитку... оборву,
И вырвется из пуповины душной
Зеленый шар в большую синеву.
И в синеве — огромной и звучащей —
Мой шар мечтою яркой поплывет.
Себя представлю легкой, настоящей,
Способной на поступок. И полет...

* * *

...Жар-птица ли перо свое уронит —
В полгоризонта озарится даль,
И яблоком в протянутой ладони
Вдруг обернется давняя мечта.
И душу дивной свежестью наполнит
Край облака, хранящего зарю.
И это счастье — яблоко в ладони —
Я дочери, Варюшке, подарю...

* * *

Да за что ж, скажи ты мне,
эта красота —
Золотые россыпи павшего листа,
Огненные росчерки утренних зарниц,
Эти откровения добрых светлых лиц?

И раздать бы рада я все это добро —
До последней радуги
                                в небе над Хопром,
До искринки-звездочки
                                в зеркале ночей,
До серьги березовой,
                                сброшенной в ручей, —
Да вот только осени золоченый лом
Скоро обесценится зимним серебром.

* * *

Я — сквознячок, коснувшийся тебя
В том сентябре. Он — мод законодатель,
Он заставляет поменять нас платья
На плащики пошива октября.
И ты укутан в серый плащ дождя,
Поежился, обняв себя руками.
Я — сквознячок, коснувшийся тебя, —
Раздувший чувств твоих дремавших пламя.

* * *

В сердце — нежности пенный прибор,
На волнах — корабли обещаний.
Только каждая встреча с тобой
Оставляет намек на прощанье.
Недосказанность — в слове любом
И подтекст — в каждой полуулыбке.
Я с тобой сомневаюсь во всем
И живу в ожиданьи ошибки —
Может, выдашь хоть чем-то себя?
Может, любишь меня... не любя?

* * *

Калины гроздь в морозных поцелуях
Ты мне принес однажды ввечеру.
Я перед пламенем ее тоскую —
Оно горит, не грея зябких рук.
Что значит этот дар с опушки белой?
Так горек вкус и грустен аромат...
Калины гроздь — прощание несмелое,
Всех слов несказанных больней стократ.

* * *

Я знаю, что тебе не спится,
И не бессонница виной:
Все та же огненная птица
Сжигает снов твоих покой.

И я повинна — вполонину —
В мерцанье жаркого крыла:
Я подпалила ночи спину
И сон из пепла создала.
Он — еле теплый, как дыханье,
Он — наших встреч воспоминанье...
Тебе в нем ночь прожить — невмочь,
Его ты прогоняешь прочь.
В том сне — всего лишь — я и ты
Среди вселенской пустоты.

Валентина Рыжова

«ВАМ ОСТАВЛЯЮ СВОЮ ЛЮБОВЬ...»

(Однополчанин Виктора Астафьева)

А вы знаете, что в вашем городе живет человек, который воевал вместе с Виктором Астафьевым? И который послужил прототипом образа Зарубина — героя нашумевшего романа Астафьева «Прокляты и убиты»? Вопросы прозвучали в редакции журнала «Странник», за сотни километров от Новохопёрска. Я попросила назвать фамилию. Сотрудники журнала сказали: Митрофан Иванович Воробьёв. Сказали и о том, откуда им стало известно о Воробьёве — из книги «Нет мне ответа», изданной уже после смерти Астафьева и представляющей собой эпистолярный дневник писателя. Вот там-то, в одном из писем, Виктор Петрович и говорит о своем боевом командире, а в довоенное и послевоенное время жителя г. Новохопёрска Митрофане Ивановиче Воробьёве.

Митрофан Иванович Воробьёв... Увы — этот человек в нашем городе уже не живет. Уже — жил... Наша районная газета не раз о нем писала. О нем и его жене — Капитолине Ивановне Воробьёвой. Оба были участниками войны, оба были награждены боевыми орденами и медалями, и накануне Дня защитника Отечества, накануне Дня Победы — про кого же, как не про них?

А вот что касается переписки с известным писателем... Нет, об этом в нашей «районке» никогда не было ни слова. Значит, упущение надо исправлять?!

Поскольку Астафьев всегда был одним из моих любимых писателей, книгу «Нет мне ответа» я раздобыла («раздобыла» — потому что не так-то легко ее купить: издана, как это обыкновенно бывает сейчас, маленьким тиражом, и продается только в Сибири, на родине писателя, да в Москве). Книга оказалась увесистой и объемной — в 720 страниц. Читала я ее долго и неторопливо — во-первых, потому, что иначе читать не умею, во-вторых, потому, что было интересно, а в-третьих... хотелось растянуть удовольствие беседы на подольше. А когда она все-таки закончилась — эту беседу захотелось продлить. Тут я и вспомнила о письмах, написанных писателем М.И. Воробьёву. Познакомиться с их перепиской — это ли не способ продолжить беседу?..

К тому времени я уже знала — письма эти хранит дочь Митрофана Ивановича — Надежда Митрофановна Пасечник, проживающая ныне в областном центре. Значит, надо ехать в Воронеж...

В предисловии к книге «Нет мне ответа» ее издатель Геннадий Сапронов, знав-

ший Астафьева много лет и тесно с ним общавшийся, говорит: «Казалось, жизнь делала все, чтобы не было у нас такого писателя — изувечила его детство, кинула в мясорубку войны, добивала вернувшегося с фронта солдата послевоенной нищетой и голодухой, мучила сознание идеологическими догмами, кромсала безжалостным цензурным скальпелем лучшие строки. Он выстоял!...». Выстоял — и стал всемирно известным писателем, чьи книги читают сейчас на всех континентах земли. «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Последний поклон»... У каждой из этих повестей была своя нелегкая судьба. Причина? «Читая послевоенные книги, смотря некоторые кинофильмы, я не раз и не два ловил себя на том, что был на какой-то другой войне», — заметил писатель в одной из своих публицистических статей. Всю жизнь он готовился написать свою *главную* книгу о войне. И написал — роман «Прокляты и убиты». Роман, разделивший его читателей на два непримиримых лагеря: в одном пребывали те, кто называл и называет писателя «наш свет, наша совесть», в другом — те, кто с той же уверенностью называет его «клеветником и очернителем» нашего недавнего прошлого, в первую очередь — войны.

Пролет ли наша беседа с Надеждой Митрофановной какой-то свет на это? — задавалась я вопросом по дороге в Воронеж.

И еще. Про книгу «Нет мне ответа» тот же Геннадий Сапронов, собравший под одной обложкой сотни писем, написанных Астафьевым самым разным людям, сказал: «Его письма не просто искренни, они во многом исповедальны». Кто читал — знает, что это поистине так. Кто читал — помнит, какие горькие истины, к которым мы, может быть, еще не готовы, говорит писатель о войне, какие нелюбимые характеристики «выдает» некоторым из наших военачальников. И вдруг — нежная нотка: «Нашелся наш дорогой командир»... Это — как раз о Митрофане Ивановиче Воробьеве...

Несколько слов о дочери Митрофана Ивановича. Надежда Митрофановна родилась и выросла в Новохопёрске; после окончания средней школы (с золотой медалью!) поступила в Воронежский политехнический институт, который успешно окончила и, выйдя замуж за однокурсника, студента того же института, осталась жить в областном центре. Вся трудовая жизнь супругов Пасечник оказалась связана с Воронежским научно-исследовательским институтом полупроводникового машиностроения.

...С волнением нажимаю звонок в нужную мне квартиру. Дверь открывает симпатичная интеллигентная женщина. Вхожу и вижу диван, на котором стопки фотографий, бумага, документов... Мы садимся рядом со всем этим богатством, и...

— Надежда Митрофановна, а давайте начнем не с войны, а с мира? Вы родились уже после войны, следовательно, помните родителей с послевоенного времени. Какие они были тогда? Как относились друг к другу?

— Как относились? Папа маму боготворил! С войны он вернулся инвалидом, дела по душе не нашел (или оно его не нашло?..). Работал на складе, в собесе, заведующим столовой... И ни одно из этих занятий бывшего боевого офицера не увлекло всерьез. А мама всегда занималась любимым делом: на войне она была военным хирургом, а после войны переквалифицировалась на офтальмолога и по-прежнему лечила людей. И была не просто хорошим глазным врачом, но врачом оперирующим! Больным людям не надо было ехать ни в Воронеж, ни в Борисоглебск — многие их проблемы мама решала на месте. И папа, как бы поняв, что в мирное время на «главные позиции» вышла она, взял на себя значительную часть домашних забот. Аккуратистка мама наводила в доме порядок и чистоту, а папа, нисколько этим не тяготясь, готовил еду, занимался огородом. Впрочем, иногда к плите становилась и мама. Помню из детства: она выходит на крыльцо и кричит:

Фронтальная фотография
М.И. и К.И. Воробьевых.
Курская дуга. Лето 1943 г.

— Митрош, а сколько свеклы в борщ класть?

Дело, наверное, было не только в распределении обязанностей, но и в маминском характере: ну, не любила она готовить! Не любила ходить по магазинам. Зато очень любила читать. Помню тоже из детства:

— Капа, ты масло купила?

— Нет.

— Почему?

— Денег не было.

— Но ты же утром брала.

— Митрош, я книжку на них купила...

Таким вот образом в нашем доме однажды появился четырехтомник Астафьева. Никто, конечно — ни папа, ни мама — не догадался поначалу, что его автор — их однополчанин.

— А как же произошло узнавание? Пожалуйста, расскажите...

— Все началось со статьи Виктора Астафьева «Там, в окопах», опубликованной в 1985 году в газете «Правда». Надо сказать, что и эту, и несколько других газет в нашей семье всегда выписывали и читали, но номер за 25 ноября отец с мамой просмотрели невнимательно. Открытие сделал сын наших соседей — Юрий Константинович Гаврилов, работавший в то время директором винодельческого завода в Молдавии. Папа со всеми и всегда жил дружно, все в городе его знали и любили, а уж соседи и их дети — тем более. Так вот, приносит однажды почтальон в наш дом письмо, а там — вырезка из газеты «Правды» с припиской: «Митрофан Иванович, а ведь речь здесь идет о Вас. Смотрите, все сходится: имя, фамилия, отчество; место, где вы воевали и были ранены — помните, Вы рассказывали?»...

Капитолина Ивановна
и Митрофан Иванович Воробьевы

Дочь Воробьевых
Надежда Митрофановна Пасечник

Мы прерываем нашу беседу для того, чтобы рассмотреть вырезку из старого номера «Правды», которую Надежда Митрофановна хранит до сих пор. Страницка пожелтела, потерлась на сгибах, однако текст читается хорошо. «О войне? А что о ней я знаю? Все и ничего. Я был рядовым бойцом на войне, и наша солдатская правда была названа одним бойким писателем — «окопной», высказывания наши — «кочкой зрения». Теперь слова «окопная правда» воспринимаются только в единственном, высоком, их смысле»...

И далее: «Воевал я в 17-й артиллерийской орденов Ленина, Суворова, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса — основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного Командования... Первый прорыв наш корпус делал на Брянском фронте, во фланг Курско-Орловской дуги»...

Моя собеседница кладет передо мной пакет с фотографиями. Вынимаю первую: в чистом поле, прямо на мягкой траве-мураве сидят двое: мужчина и женщина, оба в военной форме. Лицо мужчины сосредоточено, а женщина улыбается беспечной, совсем мирной улыбкой...

— Это и есть мои родители, — говорит Надежда Митрофановна. — А снимок сделан как раз на Курско-Орловской дуге, перед боями.

Какие это будут бои — теперь уже известно, а Виктор Астафьев скажет об этом так: «... Закачалась земля под ногами, не стало видно неба и заволокло противоположный берег Оки дымом...».

Идет в статье речь и о других сражениях. А вот и строки о нашем земляке: рассказывая о боях в районе Каменец-Подольского, Черткова и Скалы-Подольской (шла уже весна 1944 года), автор статьи говорит о том, что бои это были страшные, и в одном из них получил тяжелое ранение командир 3-го дивизиона Митрофан Иванович Воробьёв. «Утром донесли: фашисты тянутся и тянутся к Орину, сосредотачиваются для атаки. Мы оставили раненого майора Митрофана Ивановича, командира нашего, в школе, где временно размещался госпиталь, дали ему две гранаты-лимонки, две обоймы для пистолета, и он сказал нам, виновато потупившимся у дверей: «Идите... Идите... Там, на передовой, вы нужнее...».

— В этом был весь папа, — тихо роняет дочь фронтового командира. А я вспоминаю строки из книги «Нет мне ответа»: «Последним, уже после моих заметок в «Правде», нашелся командир нашего 3-го дивизиона — Митрофан Иванович Воробьёв. Живет в Новохопёрске Воронежской области вместе с женой своей Капитолиной Ивановной, которая была с ним вместе на фронте. Он был ранен в 1944 году под Каменец-Подольском... На моем боевом пути это был самый путный командир, который никогда не лаялся, не объедал нас, не похабничал, в беде не бросал (и мы его в беде не бросили), словом, такой командир, каких тучи бродят по нашим книгам и по экрану, а вот в жизни моей встретился всего один».

— Человек, о котором строгий в своих оценках писатель сказал столь проникновенные слова, заслуживает того, чтобы читатели узнали о нем больше. Надежда Митрофановна, в какой семье родился ваш отец? Кем был до войны?

— Про прадеда, Гаврилу Гурьевича Воробьёва, знаю, что он служил форейтором у помещицы Раевской. Дедушка, Иван Гаврилович, служил почтальоном (тогда говорили — письмоношцем) в Новохопёрске. Бабушка была домохозяйкой, поскольку в семье было много детей. Папа родился 27 ноября 1912 года. У каждого из выросших детей была своя интересная судьба... Что касается папы — он окончил в Новохопёрске семилетнюю школу имени Горького (я потом училась там же), учился в Борисоглебском автодорожном техникуме. А в феврале 1933 года пошел добровольцем в РККА. Время было тревожное, в Европе под-

нимал голову фашизм, и папа не мог не откликнуться на призыв партии к молодежи. Через полгода его направили на Украину, в Сумскую артиллерийскую школу, которую он окончил в 1936 году. И местом его службы стала Дальневосточная армия. Там, в Дальневосточной армии, папа прошел путь от командира взвода до начальника штаба артиллерийского полка. Там встретил известие о начале Великой Отечественной войны и... свою будущую жену. В августе 1942 года, после окончания медицинского института в Хабаровске, мама получила назначение в качестве военного врача 2-го ранга и в должности начальника пункта первой медицинской помощи в папину часть. В марте сорок третьего они поженились, а 5 апреля того же года артиллерийский полк получил приказ отправляться на Брянский фронт. После Брянского были Воронежский и Степной фронты, Курская дуга... Бригада, где служили родители, была переформирована в 17-ю артиллерийскую дивизию прорыва: отец был назначен командиром отдельного артиллерийского дивизиона, а мама по-прежнему осталась начальником пункта первой медицинской помощи. После сражения на Курской дуге дивизия вышла к Днепру, потом была Польша... Обо всем этом и пишет Виктор Астафьев в статье «Там, в окопах».

— Вырезку статьи, как вы уже сказали, Митрофану Ивановичу прислал сын ваших соседей. Вот ваш отец прочитал ее... Скажите, он сразу припомнил своего однополчанина Виктора Астафьева?

— Нет, конечно. И в этом нет ничего удивительного: папа был командиром дивизиона, в его подчинении было около пятисот человек. К тому же, этот состав часто менялся: кто-то выбывал из строя, кого-то присылали вновь... Однажды в часть пришло новое пополнение — группа рядовых солдат-сибиряков, почти мальчишек, среди которых был и Виктор Астафьев. Один из них вскоре был пойман на... краже сухарей. Виновника доставили в штаб с вопросом: что делать? Какие меры наказания принимать? Выяснение ситуации командир дивизиона начал с вопроса солдатику:

— Ты голодный?

— Да...

— Накормить, — последовал приказ.

В этом, опять же, был весь папа: как командир, он видел одну из главных своих задач в том, чтобы заботиться о жизни и здоровье своих подчиненных. Я думаю, здесь стоит вспомнить о том, что еще во время службы в Дальневосточной армии он постоянно решал сугубо земные проблемы: договаривался с директорами местных совхозов и предприятий, председателями колхозов, чтобы они брали солдат на работу, за которую расплачивались бы харчами. Приезжали проверочные комиссии, погромычивали вопросом: «Это что за самодеятельность?». Папу спасало то, что показатели боевой и политической подготовки солдат вверенной ему части всегда были на высоте...

— Теперь мне понятно, почему именно эта особенность, эта черта характера вашего отца — заботиться о подчиненных, как о самом себе — больше всего пришлась по душе бывшему детдомовцу и будущему писателю Виктору Астафьеву... Однако вернемся к переписке Митрофана Ивановича со своим к тому времени уже известным однополчанином.

— После статьи в «Правде» мои родители написали Астафьеву письмо. И вскоре получили ответ, в котором автор подтвердил, что хорошо помнит их и очень хочет с ними встретиться. Увы — встреча эта так и не состоялась: и родители, и Виктор Петрович были уже не молоды, были обременены заботами о своих семьях.

Встреча однополчан не состоялась. Зато состоялась переписка...

Наверное, не надо рассказывать о том, с каким трепетом взяла я в руки листоч-

ки, напечатанные на машинке верной спутницей писателя — женой Марией Семеновной, или написанные его собственной рукой, характерным астафьевским почерком.

Письма Астафьева — удивительный образец не только писательского дара и редкой, как верно заметил их издатель, человеческой искренности. Они еще и пример феномена, который принято обозначать словами «фронтовое братство». Читаешь их — и понимаешь, что война была не только суровым испытанием для ее участников, но и местом, где проявлялась, как лакмусовая бумага, человеческая душа, где люди, несмотря на адские условия существования (или как раз благодаря им?), *роднились*. Да-да, напечатанные или испи-санные рукой листочки, получаемые в Новохопёрске, напоминают письма близкого родственника.

В первом письме бывший рядовой солдат-связист рассказывает своему фронтовому командиру о том, как сложилась его жизнь после войны (письмо датировано 12 марта 1986 года): «Я Вас, Митрофан Иванович, и Вас, Капитолина Ивановна, очень хорошо помню и часто вспоминаю, чему добрый свидетель жена моя, Марья Семеновна. Она у меня тоже участница войны. После еще одного ранения, полученного в Польше, и долгого пребывания в госпитале, я встретил М.С. в нестройной части, мы поженились в 1945 году и уехали жить на ее родину в Г. Чусовой, на Урал, где вырастили дочь и сына, и одну дочку от бездомности и нужды послевоенной потеряли»... И далее — о работе, которую он сам называл «проклятой и прекрасной»: «Литературой я занимаюсь с 1951 года, а до того был рабочим, учился в школе рабочей молодежи, ныне уж похваюсь Вам, как бывшему моему командиру и очень родному человеку — я дважды лауреат Гос. Премий; выходило у меня собрание сочинений в 4-х томах. Считаю, что жизнь прожил не напрасно, хотя не во всем и не так, как бы хотелось... Родственно, по-сыновьи кланяюсь низко и целую вас. Ваш В. Астафьев».

Это письмо — в полном его виде — вошло в книгу «Нет мне ответа». «Конечно, не все письма Виктора Петровича удалось собрать, — посетовал издатель. — Я знаю, тысячи их частичками его души развеяно на просторах Родины»... Несколько таких частичек и хранится в домашнем архиве Н.М. Пасечник. О чем они?

Письмо от 2 июня 1987 года так же, как и предыдущее, пришло из Сибири, из родной астафьевской деревни Овсянки, но не напечатано на машинке, а написано рукой. Автор называет причину: «Продолжает болеть моя жена-солдатка. Я уже стал бояться за нее, а значит, и за себя. Очень много значила и значит она в моей жизни, она больше, чем моя «половина». Так много она брала на себя (это я знал, но почувствовал по-настоящему только сейчас)...». В письме Виктор Петрович делится радостью со своим боевым командиром: «Была у меня лет пять назад написана книга «Зрячий посох». Никто ее печатать не хотел. Боялись. А и есть в ней всего лишь письма моего покойного друга — критика и мои размышления о современной жизни, литературе и культуре. Поскольку я еще в сиротском детстве привык драться честно — рыло в рыло..., то и в литературе стараюсь «соблюдать себя», не показывать фигурки в кармане, вот и лежала пять лет рукопись в столе, но вроде бы все сдвинулось с места и в № 1 журнала «Москва» собираются эту вещь печатать»...

Как в первом, так и во втором письмах вспоминаются фронтовые друзья-товарищи: эти уже ушли в мир иной, эти пока живы...

Заканчивается письмо словами: «Желаю Вам доброго здоровья и все же надеюсь на встречу. Обоих Вас обнимаю, как самых близких родных. Ваш — Виктор Астафьев».

28 августа 1992 года не станет и Митрофана Ивановича, и письма в Новохопёрск будут приходить на имя Капитолины Ивановны. Письмо от 25 марта 1993 года заслуживает того, чтобы быть опубликованным полностью: может быть, оно, одно—единственное — стоит целого романа о войне.

«Дорогая Капитолина Ивановна!

Два печальных известия подряд.

Первого февраля 1993 года в городе Темиртау умер наш однополчанин и друг, Шадрин Вячеслав Федорович. Он перешел фронт в районе Великого Букрина, на Днепровском плацдарме, вместе со своим другом. Были они, бедолаги, из десанта, бездарно сброшенного на Днепр и погубленного поголовно. Видимо, наше доблестное командование так привыкло сорить людьми и целыми соединениями, что десантников никто не искал, и эти двое бедолаг пристали к нам и до конца войны работали и воевали во взводе управления 3-го дивизиона.

На плацдарме мы сидели вместе с Митрофаном Ивановичем на уступе оврага, чуть вкопавшись в глиняный откос и застелив нишу полынью. Я с телефоном сидел. Рядом, в более просторной нише, с планшетом крючились Ваня Гергель и Корнилаев — вычислители. Далее на уступах же лепилась остальная братва. Немцы все время кидали в нас гранаты, но уступы мы срубили лопатами накос и гранаты по уступу скатывались на низ, на дно оврага и там рвались. Было голодно, холодно, чувствовали мы себя покинутыми, забытыми и на все уже махнули рукой. Ребята, шарясь по плацдарму в поисках еды и курева, часто погибали. Вылавливали глушенную рыбу из Днепра и ели сырую. Иногда прибывало к берегу тыквы, вилки и листья капусты. Как-то весь берег забелел от сахарной свеклы. Где-то разбили баржу. Дрались из-за этой свеклы насмерть, потом ели все сырое, потому что немцы били по любому дымку. Началась дизентерия, навалились вши. У Митрофана Ивановича был желтенький фланелевый шарфик, он им обматывал шею — и через час-другой шарфик становился от вшей серым. Митрофан Иванович выбивал его ребром ладони, как-то уронил, и я сказал ему: «Уползет шарфик-то, товарищ майор!». Он покачал головой и грустно улыбнулся.

Слава Шадрин, когда меня ранило последний раз, в Польше, помогал мне, раненому, выбраться из полуокружения, всегда вспоминал, что я очень горько плакал, не только от боли, больше от обиды, что вот ухожу, отрываюсь от друзей, может и навсегда, а я же один на свете. Так оно и вышло — более на передовую я был не годен, попал в нестроевую часть...

Обо всем этом я пишу роман. Вторая книга романа и называется «Плацдарм». Будь Митрофан Иванович жив, узнал бы он все наши беды и горе на плацдарме, и себя, быть может, узнал бы. Благодарный и благородный он был человек и достойный офицер, не повстречайся он мне, совсем в моей жизни и книге было бы темно, ибо в армии нашей на одного благородного, с достоинством носившего и носящего имя русского офицера, приходится столько сволочей, как вшей на том памятном шарфике, и каждая вошь грызет живое тело страны, пьет кровь из солдата, да и друг друга — тоже»...

Давайте переведем дух, читатель. Да и спросим себя заодно: перегибает палку писатель? Сгущает краски? Так же, как и в романе «Прокляты и убиты»?

И я, и моя собеседница родились после войны, своими глазами ее не видели, и отвечать на эти вопросы, кажется, не имеем права. Поэтому я спрашиваю так:

— Надежда Митрофановна, а с отцом обо всем этом вам приходилось говорить? Если да, то что он говорил по этому поводу?

Моя собеседница надолго задумывается. Потом выбирает из множества фотографий отца одну, и рассказывает ее историю. Оказывается, однополчане прислали ее уже после войны — снимок был найден в планшетке раненого командира, и

на нем отчетливо виден след снаряда, — не будь в планшетке металлических линеек, с помощью которых артиллеристы вычисляли траекторию полета снарядов — Митрофана Ивановича не стало бы уже в сорок четвертом...

Надежда Митрофановна говорит, тщательно подбирая слова:

— На войне папа пережил не только чужие смерти, но и со своей не раз сталкивался лицом к лицу. И все-таки войну он воспринимал более оптимистично, что ли, чем Виктор Петрович Астафьев. Может быть, потому, что был молодой, а в молодости все проще, все легче (хотя Виктор Петрович был еще моложе его)... Возможно, сказалося и то, что воевал он вместе с любимым человеком.

Моя собеседница опять задумывается, и вдруг произносит фразу, которая вертится и в моей собственной голове:

— А может, все дело в том, что Астафьев, как будущий писатель, воспринимал все обостреннее? Вот, например, однажды я спросила отца о форсировании Днепра: «Пап, страшно было?». И в ответ услышала: «А чего было бояться? Впереди — немцы, сзади — заградотряд. Там выбора не было. А когда выбирать не надо — всегда легче». Папе было легче, наверное, и в том плане, что он отвечал только за себя и свое боевое подразделение. А у писателя ответственность другого масштаба. Дело ведь еще и в том, что «большое видится на расстоянии». Многие о войне стало известно уже после войны, когда были открыты некоторые из засекреченных архивов, что дало повод написать Астафьеву в одном из писем маме: «Воевали мы и не знали, что творится вокруг, а вот вплотную занялся я материалами о войне и выть мне захотелось... Вот передо мной только что изданная книга «Скрытая правда войны: 1941 год» — хорошо, что Митрофан Иванович уже не видит и не увидит ее и многое не узнает, хотя, я думаю, и знал, и читал он много, и страдал много... Наверное, так. Потому что когда однажды я прямо спросила папу о том, что в своих книгах Астафьев «насочинял», он ответил: «Там все правда».

К этому следует добавить вот что: оказывается, на протяжении всего времени, пока он был на фронте (а это апрель 1943 и до конца войны), М.И. Воробьев вел фронтовой дневник. Ни своих мыслей, ни оценок происходящего он в него не заносил, зато скрупулезно записывал даты боев, отмечал места дислоцирования наших и вражеских частей, фиксировал сведения об имеющемся в их распоряжении оружии. По словам дочери, читая военные статьи, повести, роман В. Астафьева и сверяя имеющиеся в них данные со своими записями, Митрофан Иванович всегда поражался: «Ну, надо же, как точно все помнит!». Это — для тех, кто и поныне сомневается в фактической достоверности астафьевских текстов. Что же касается их художественной, а более всего — идейной составляющей, и, прежде всего, романа «Прокляты и убиты» — беседа с дочерью боевого командира укрепила меня в мысли: напрасно опасаться, что книга имеет целью опорочить нашу Победу. Цель у нее другая — вызвать отвращение к войне, как способу решения стоящих перед человечеством проблем. А еще — предостеречь от войны новой. Не случайно эпиграфом к роману автор взял слова Святого апостола Павла: «Берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом»...

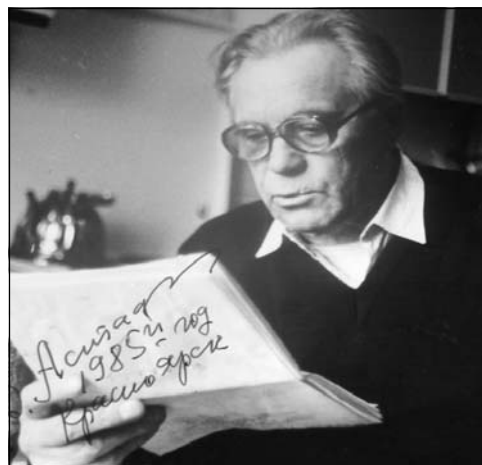
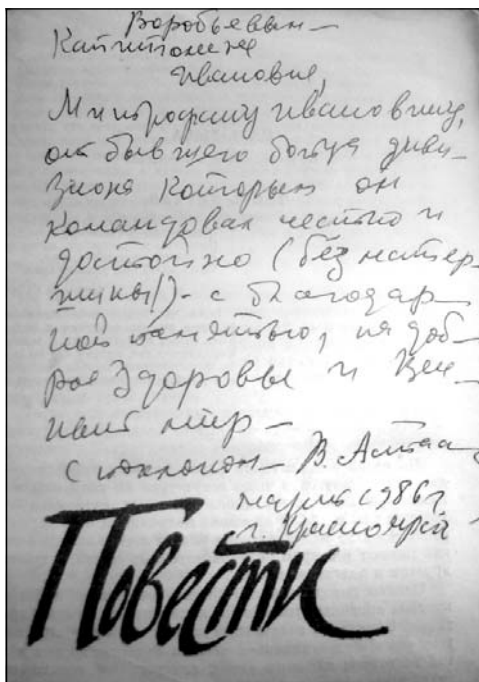
Но, может быть, читателю будет интересно продолжение нашей беседы? Если так — читайте дальше...

— Надежда Митрофановна, а вы узнали в Зарубине — герое романа «Прокляты и убиты» — черты характера вашего отца? Виктор Астафьев сам говорил о том, что Зарубин «списан» с майора Воробьева.

— Конечно! Не матерится, заботится о подчиненных как о себе — таким папа и был. А еще он был человеком неподкупной честности. Знаете, после войны они с мамой некоторое время жили на ее родине — во Владимире, и как раз там он работал заведующим кондитерским складом. Так вот, однажды после отгрузки то-

Виктор Петрович Астафьев с женой Марией Семеновной

Книга В. Астафьева с дарственной надписью Воробьевым

Виктор Петрович Астафьев

Фотографии из семейного архива Н.М. Пасечник

вара папа обнаружил на территории склада кем-то забытую «Ромашку» (примерно с машину) — эти конфеты и сейчас продаются, а уж после войны они были едва ли не самыми любимыми у наголодавшегося народа. По всякому можно было поступить в той ситуации... Папа отдал распоряжение конфеты не трогать. И вот однажды в конторе раздается звонок: «Митрофан Иванович, у меня не хватает машины «Ромашки». Под суд отдают». Ответ был: «Приезжай, заberi свою «Ромашку», да впредь будь внимательней»...

— Ваш отец в годы войны вступил в Коммунистическую партию. И всю жизнь считал себя коммунистом. И не просто считал, а жил как самый преданный своей Родине человек. Как он воспринял перестройку — как подрыв «существующих устоев»?

— Папа понимал, что перемены в нашей жизни необходимы. «Технику и технологии надо совершенствовать, но еще больше — наше человеческое общежитие, наш общественный строй», — говаривал он в те времена. У папы был для этого очень серьезный повод. Я уже говорила, что в его семье было много детей; так вот, одна из них была его сестра Маруся. Еще до войны ее муж, директор областной конторы «Союзпушнина», был арестован и расстрелян. Арестована и отправлена в ссылку была и сама Маруся — как член семьи изменника Родины, а сын был определен в детприемник, да не куда-нибудь, а подальше от родных мест, в хорошо известный теперь город Буденновск. Долгие годы Маруся писала письма на имя Сталина и Берии, других высокопоставленных чиновников, умоляя вернуть ей сына. Закончилось все... извещением о его смерти, точнее, даже убийстве. Мог ли ее брат, а мой отец, человек умный и честный, не задумываться обо всем этом?! И, тем не менее — за Родину он воевал... вы уже знаете, как. Видимо, люди его поколения понимали, что, если идет война, цель может быть только одна: победить! И если к словам Астафьева о моем отце что-то и надо добавить, то только перечислить награды, с которыми папа вернулся с войны: это орден Боевого Красного Знамени, два ордена Отчественной войны 1-й степени, медали «За боевые заслуги» и «Победу над Германией».

Из письма Виктора Астафьева Капитолине Ивановне: «Царство ему небесное! Пухом земля! Я дорожу его воспоминанием о том, что помогал его, раненого, тащить, помогали и мне, и ничего в этом героического не было, а была товарищеская любовь, желание выручить друг друга, и этого у нас никто не сможет ни вытравить, ни отнять. Память наша вечно с нами. И спасибо времени и судьбе за, может быть, единственную награду в жизни — фронтовых друзей и вечную их дружбу, негасимую память. Положите от меня на могилу Митрофана Ивановича цветочек и поклонитесь земле, его принявшей. Храни Господь Вас и Ваших близких! Пишите мне»...

Некому уже написать письмо писателю. И некому его получить: В.П. Астафьев ушел из жизни 29 октября 2001 года.

...А ко мне недавно пришел во сне еще один участник войны — мой папка. Снилось: осень, трава и деревья во дворе нашего дома (дома, где я родилась и выросла) пожелтели, подсохли; папка устало идет по двору, направляясь к калитке. И я понимаю, что уходит он навсегда. Я спрашиваю:

— Папк, ты куда? Вечер на дворе. Скоро будет холодно и темно.

Он смотрит на меня понимающе, но продолжает идти. Я делаю последнюю попытку его остановить:

— Папк, а может — не надо?

Он на минуту останавливается — и в сердце моем вскидывается надежда.

Но папка говорит:

— Надо, Наташ. Надо. Пора.

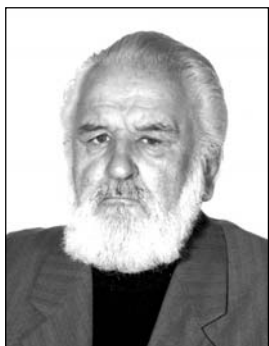
И открывает калитку...

Они уходят и уходят от нас, последние ветераны последней большой войны — их забирает к себе Вечность. Что для нее 65 лет, прошедших со дня Великой Победы? И какое ей дело до цены, которую они за нее заплатили?

Но как много они оставили нам: любимую нашу Родину — Россию, березки во дворах нашего детства, надежды на лучшую жизнь. И каждый из них подписался бы под словами писателя-фронтовика, разделившего их судьбу: «Благодарю Вас за то, что жил среди Вас и с Вами и многих любил. Эту любовь и уношу с собою, а Вам оставляю свою любовь».

Ею, этой любовью, и будем живы...

Николай Яковлевич Копытин родился в 1935 году в селе Троицкое Новохопёрского района Воронежской области. Окончил профессионально-техническое училище, служил в армии. Профессиональный фотохудожник. Публиковался в районной газете. Автор книги «Я много лет бегу из детства». Живет в Новохопёрске.

Николай Копытин

ВСЁ ЭТО — В СЕРДЦЕ У МЕНЯ

ХРАНЮ ТЕБЯ

Ах, ты родина моя —
Голубые дали...
Ты, как мать, у нас одна —
С добрыми глазами.

Вдалеке темнеет лес,
Поле золотится,
А внизу река течет,
Серебром искрится.

Я люблю, когда туман
Над рекой кочует,
И люблю, когда луна
В Савале ночует.

Я люблю, когда в слезах
По весне березы,
Я люблю, когда парят
Над рекой стрекозы.

Это, Родина — все ты,
Ты красой богата.
Я, твой сын, храню тебя
Преданно и свято.

КОНЬ

Шуршал камыш в седом тумане,
Созвездья нежились в реке.
И конь мой пасся на поляне
От костерка невдалеке.

Почувствовав, что я тоскую,
Ко мне опять он поспешил
И голову свою большую
На руки тихо положил.

У нас была такая дружба!
Не отходил он от меня.
Но скоро я ушел на службу,
Оставил край родной, коня.

...Давно потух костер у речки,
И жизнь состарила меня,
Но помню запах той уздечки
И ржанье доброго коня.

РОДНИК

Родная, милая округа:
Я, босоногий, прямиком
Бегу на встречу с давним другом —
В лесу журчащим родником.

Его всегда мне не хватает,
Когда жара палит средь дня.
И каждый раз он ободряет
Своей водицею меня.

И чтобы из него напиться,
На землю я ложусь ничком...
Отрадно на мгновение слиться
Со старожильским родником.

Генрих Силанов

ПАМЯТЬ ПОЛЯ

(Новохопёрский феномен)

Наука, двигаясь по дороге динамичного развития, к сожалению, оставляет без внимания и, как следствие, без объяснения, многие вопросы, ответы на которые пока не укладываются в рамки научных представлений. К таким вопросам относятся многие аномальные явления, будоражащие умы миллионов людей на протяжении тысячелетий.

Можно предполагать, что в основу всех существующих ныне религий легли подлинные события, с которыми человечество соприкасалось и продолжает соприкасаться на своем многовековом пути. В силу недостаточного научного развития общества, человек не понимал физических и философских основ наблюдаемых им явлений, персонифицировал, обоготворял их и придавал им статус сверхъестественности.

Лишь сегодня в свете научных достижений, не объясненные ранее некоторые феномены перестают быть таковыми, представая перед нами, как явления, вызываемые естественными причинами, в основе которых, на мой взгляд, во многих случаях лежат геолого-геофизические процессы нашей планеты.

Начало систематического изучения редких, мало изученных феноменов в Воронежской области относится к 1978 году, когда небольшая группа энтузиастов, объединившись общей идеей, образовала при Воронежском НТО радиоэлектроники и связи имени А.С. Попова секцию по изучению аномальных явлений. Вся работа образовавшегося коллектива сводилась к опросам очевидцев и сбору скудного материала упомянутой тематики, который иногда просачивался через средства массовой информации.

С целью изучения аномальных явлений и установления взаимосвязи реликтового гоминоида (снежного человека) с появлениями НЛО, в 1983, 1984 гг. Воронежской секцией были организованы две экспедиции в горные районы Таджикистана. В результате проведенных там исследований, мы пришли к выводу, что неизученные наукой такие феномены как: свечения палаток и вещей в них, появление светящихся шаров, обманы слухового восприятия, можно объяснить активной тектонической деятельностью данного региона, и связанными с нею значительными вариациями электромагнитных полей.

Придя к такому выводу, мы решили выявить активный в тектоническом отношении район в Воронежской области и организовать в нем систематическое изучение редких феноменов, используя его как естественный, природный полигон.

Толчком, послужившим к принятию такого решения, явились участвовавшие сообщения военных летчиков Борисоглебского летного училища об их встречах в воздухе со светящимися шарами, которые, по их словам, проявляя интерес к полетам, вели себя непредсказуемо. Пилоты рассказывали, что иногда НЛО, сопровождая машину, выдерживали ее скорость, высоту и дистанцию, а порой, демонстрируя явный разум, имитировали атаку на самолет или мешали его посадке.

Это обстоятельство побудило организовать в районе города Новохопёрска Воронежской области базу для наблюдения за полетами самолетов и сопровождающими их объектами. Одновременно регистрировались вариации некоторых геофизических полей (магнитного и электрического). Впоследствии, применив компьютерную обработку, нам удалось установить корреляционные связи между появлениями НЛО и вариациями электромагнитных полей, но до сих пор нельзя с уверенностью сказать, что в данном случае является причиной, а что — следствием.

Материалы, полученные в результате регулярно проводимых в Новохопёрской зоне тектонического разлома исследований, позволяют взглянуть на некоторые аспекты геологии, геофизики, истории, философии и других наук, с иных, нетрадиционных позиций и, таким образом, сделать еще один небольшой шаг к познанию окружающего нас МИРА.

За сравнительно короткий период времени воронежской группой исследователей собран и обобщен огромный материал, позволяющий утверждать, что тектонические зоны оказывают негативное воздействие на окружающую среду и хозяйственную деятельность человека. Именно в аномальных зонах чаще всего происходят различного рода аварии, проживающее в этих зонах население чаще наблюдает появление светящихся шаров и НЛО, а иногда встречается, по их словам, с призраками и привидениями. В этих местах чаще и активнее проявляется такое грозное и многоликое явление, каким является полтергейст.

В целях изучения явлений, происходящих за пределами нашего зрительно-го восприятия, была изготовлена фотоаппаратура, способная вести фотосъемку в широком спектральном диапазоне. В результате ее применения удалось «заглянуть» в иной, рядом существующий с нами Мир, и обнаружить в нем сгустки холодной плазмы, проявляющей элементы разума. Накопив огромный материал по этой тематике, мы пришли к заключению, что сталкиваемся с совершенно новой формой существования Жизни, которой было дано имя «Плазменной».

В том же оптическом диапазоне нами был открыт удивительный феномен, получивший название «Память Поля». С большой долей уверенности можно предполагать, что все происходящие события записываются в память окружающего нас пространства, и при пока еще мало изученных условиях их возможно фотографировать, то есть получать снимки Прошлого.

ОТКРЫТИЕ ФЕНОМЕНА

Придя к выводу о преимуществе использования фотоаппаратов с объективами, состоящими из небольшого количества линз для фотографирования НЛО и других аномальных явлений, я решил изготовить камеру, которая могла бы производить фотосъемку в широком спектральном диапазоне.

Первый пробный снимок новой камерой сделали около лаборатории, где стояла легковая машина одного из сотрудников нашей геологоразведочной экспедиции. Установив фотоаппарат на штатив, произвели фотографирование и проявили фотопленку...

Но что это? Рядом с машиной, которую только что снимали, в тени растущих у лаборатории деревьев, отчетливо проявились контуры еще одной машины. «Но другой там вроде бы не было», — рассуждали мы, рассматривая снимок. Помогавший мне инженер-электронщик сходил на место нашей съемки, но посторонней машины там не обнаружил.

Вначале мы предположили, что произошло какое-то наложение, но в то же время понимали, что, фотографируя со штатива и произведя всего один кадр, этого не могло случиться. Возможно, подумали мы, пока проявляли пленку, машина уже уехала, но обстоятельство, что на снимке были видны бамперы и фары различных машин, ставило нас в тупик. Эта странная фотография задала массу вопросов, на которые у нас в то время пока не было ответов.

Дальнейшие испытания пришлось отложить — приближался день отъезда в очередную экспедицию, и я спешил завершить накопившуюся работу. Но в один из дней решил сделать еще один пробный снимок.

...Раскаленное солнце было готово испепелить все вокруг. На липком от жары асфальте стояли двое сотрудников нашей экспедиции и о чем-то беседовали. Увидев меня, они подошли ко мне и стали с интересом рассматривать необычную конструкцию фотоаппарата.

Сфотографировав часть территории экспедиции и место, где только что стояли наши сотрудники, я проявил пленку... На снимке отчетливо обозначились фигуры двух стоящих людей. Теперь сомнения уже не было, — удалось получить фотографии неизвестного ранее явления! Значит, можно фотографировать Прошлое!

Теперь, имея камеру, способную снимать в широком спектральном диапазоне, мы предполагали заглянуть в невидимый Мир, который окружает нас, заглянуть туда, где существует иная Жизнь. Заглянуть туда, куда, возможно, перейдет каждый из нас после завершения своего земного пути и, конечно, попытаться объяснить некоторое из того, что остается пока непонятным и загадочным.

С большим нетерпением я ожидал начала очередной экспедиции, не сомневаясь, что со временем разгадаем механизм его «записи и воспроизведения».

Трудно переоценить возможности, которые могут открыться перед криминалистами, историками, философами и многими другими направлениями науки, когда мы научимся управлять «Памятью» и получать снимки далекого Прошлого и конкретного, интересующего нас, отрезка времени.

Приближался день нашего отъезда в очередную исследовательскую экспедицию в Новохопёрскую зону тектонического разлома, и я не сомневался, что в течение ее мы получим много снимков с элементами открытого явления, так как в каждом из двух сделанных в городе фотографий новой камерой ярко прорисовывались элементы Прошлого.

Но, первая неделя нашего пребывания на Новохопёрском полигоне не принесла ожидаемых результатов, и только спустя несколько дней мы получили первые фотографии с изображениями произошедших событий. В этот день проводилось очередное, предусмотренное программой исследований, плановое фотографирование участков местности.

На переднем плане одного из снимков хорошо был виден завязанный мешок, рядом с которым четко просматривался фрагмент надутой резиновой лодки. Здесь же можно различить женскую фигуру, детали машин и мотоцикла, номерные знаки, лестницу-стремянку и множество других, не связанных между собой предметов, что указывает на их разновременность. В правом углу снимка хорошо обозначилось дерево с обломившейся кроной, то, что было когда-то ее вершиной, на снимке отобразилось слабой тенью. Часть изображения лучше

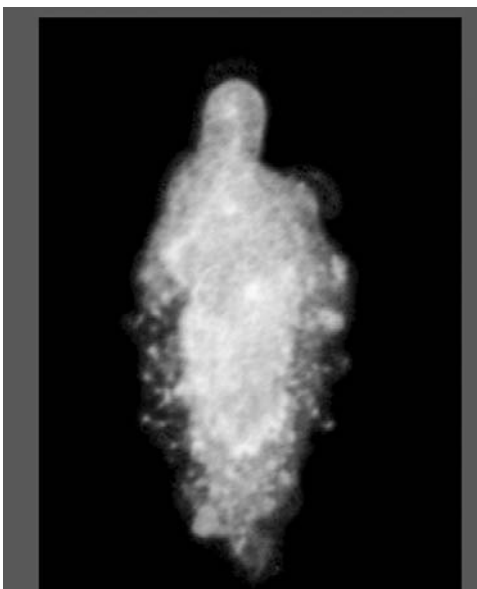

Фото № 225.

Контакты. Нерукотворное Послание,
названное "Новохопёрская Мадонна."

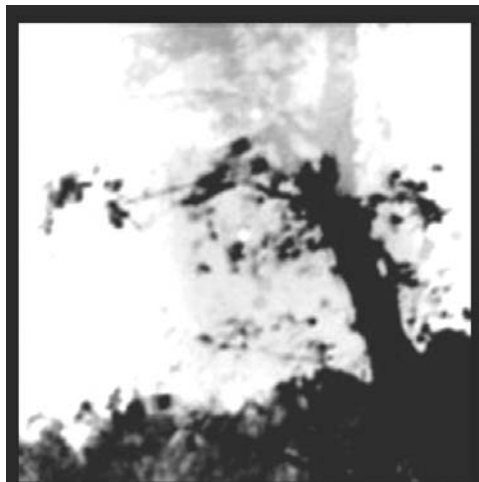

Фото № 112.

Память Пространства. То, что когда-то было кроной
дерева, в Памяти Пространства проявилось
слабой тенью.

Фото № 115.

Память Пространства. Головы солдат в касках.
Здесь в годы Великой Отечественной войны
проходила линия обороны и формировался
чехословацкий полк, под командованием
Людвига Свободы.

Фото № 133.

Память Пространства. Сидящий на лодке человек.

проявилась в негативной форме, часть — в позитивной. Так, в резиновой лодке, в негативной форме, можно различить спящую женщину, закрытую брезентом палатки.

На другом снимке, полученном в тот же день, но несколькими минутами позже, в негативной форме хорошо обозначились головы сидящих в окопе солдат. Необходимо обратить внимание на то, что в годы Великой Отечественной войны здесь проходила линия обороны. Часто в окружающем нашу стоянку лесу мы до сих пор находим следы военного времени. Здесь, под Новохопёрском, в 1941-1942 году формировался чехословацкий полк под командованием Людвига Свободы. Рядом с изображениями солдат в позитивной форме обозначились голова кабана и сидящая на гнезде сова с совенком. В правом верхнем углу фотографии на фоне лестницы можно различить высокую темную фигуру человекообразного существа, а рядом с ним — голову человека в шлеме.

Изучая феномен, мы обнаружили, что некоторые сюжеты Прошлого лучше проявляют себя в негативной, нежели в позитивной форме. На этот факт еще предстоит ответить, но уже сейчас можно предполагать о значительной величине энергии, которая сопровождала «запись» сюжета, что способствовала самообращению фотоматериала.

С подобным явлением столкнулись российские и зарубежные ученые, исследовавшие «Туринскую плащаницу», в которую, по преданию, был завернут Иисус Христос после своего распятия и на которой в негативной форме отпечаталось его изображение.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что записанный в данной точке сюжет не меняет от времени своих пространственных координат и сохраняется в них неопределенно долгий срок. В то же время нами ни разу не удалось воспроизвести на одном и том же месте однажды сфотографированный фрагмент из Про-

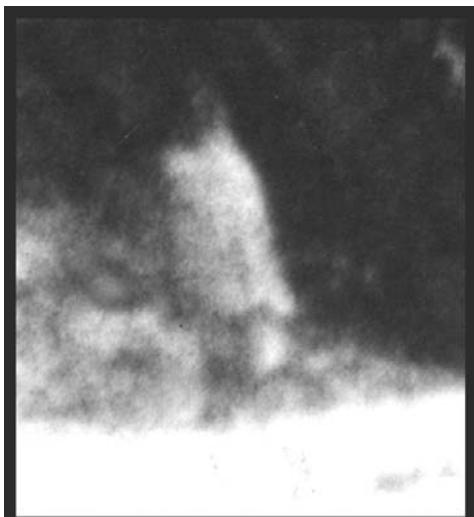

Фото № 145.

Память Пространства. Июль месяц. Женщина в шубе.

Фото № 122.

Память Пространства. Когда-то на этом месте сидел человек.

шлого, а вместо него всегда получали снимки различные, как по сюжету, так и по времени. Несомненно, так и должно быть, ведь в этих, как и в других местах, происходила огромная масса событий, и все они, накладываясь друг на друга, запоминались и с тех пор бессрочно хранятся в «памяти» окружающего нас пространства, и вероятность многократного воспроизведения одного и того же сюжета невероятно мала. За все время изучения феномена «Памяти» нам неоднократно удавалось получить снимки, на которых был запечатлен один и тот же сюжет прошлого, но это было связано с тем, что мы многократно фотографировали один и тот же участок через десятиминутный интервал времени. Этот факт говорит о том, что условия возбуждения «Памяти» в данный отрезок времени не менялись, и по этой причине мы получали фотографии одного и того же записанного сюжета. Однажды, проводя, в рамках программы изучения «Памяти Поля», фотографирование участка местности, мы в течение трех часов получали однотипные снимки — идущего с винтовкой солдата. Надо отметить, что ни его поза, ни ракурс за этот период времени совершенно не изменились.

Необходимо отметить и тот факт, что в снимках, на которых присутствуют сюжеты Прошлого, часто наблюдается искажение масштаба проявившихся предметов, и не исключено, что в этом случае мы сталкиваемся с гармоническими колебаниями волновой природы феномена.

Часто на полученных фотографиях «Память» проявляется в виде темных или светлых пятен, в которых, при внимательном рассмотрении, можно различить слабые контуры предметов, лиц людей и животных. Иногда она проявляется более отчетливо, и возникает ощущение, что произведено двойное экспонирование с небольшой смазкой изображения, отчего картинка становится немного размытой. Не исключено, что размытость изображения вызвана дифракционным процессом, вызванным, с одной стороны, отражающими свойствами предметов в видимом диапазоне, а с другой, коротковолновым излучением «Памяти Поля». Разность этих частот, фиксируемых фото пленкой, возможно, и создает на ней нерезкое, немного размытое изображение. На качество снимков в ультрафиолетовом диапазоне также влияет хроматическая аберрация применяемого объектива.

Временами «Память» бывает настолько ярко выражена, что ее бывает трудно отличить от обычного снимка. Этот факт свидетельствует о том, что при фотографировании сюжетов прошлого мы попадаем в оптико-магнитный резонанс.

Иногда на снимке проявляются фазы движения, например поворот головы. В таких случаях на фотографии отображается ряд дискретных изображений, создающих впечатление стробоскопического эффекта.

Нами также отмечены случаи, когда изображение прошедшего события отпечатывается прямо на земле. В этом случае оно не имеет объема и выглядит плоским. В подавляющей своей массе картинка прошлого возникает на сером нейтральном фоне, коим может служить трава, кусты и листья деревьев. В ходе проведения одной из экспедиций в Новохопёрскую зону разлома нами получен снимок с элементами «Памяти», проявившейся на воде.

Что касается временного диапазона снимков, то он очень велик. Так, например, один из первых снимков с элементом «Памяти» был получен через две минуты после произошедшего события. Я уже упоминал, что в этот момент фотографировался участок территории геологической организации, где стояли и беседовали два человека. После того, как они подошли ко мне, я произвел фотографирование.

К снимкам «Памяти», по которым возможно определить более точный срок события, можно отнести сюжеты военной тематики. Но, к сожалению, подавля-

Фото № 129.

Память Пространства. Человек, плывущий в лодке.

Фото № 135.

Память Пространства. Женщина с книгой.

ющее большинство полученных снимков с «Памятью» не имеют временной привязки, и по этой причине невозможно определить точного времени произошедшего события. Единственным критерием, по которому можно предположить приблизительное время, является одежда, предметы домашнего обихода, прически, военная атрибутика и другие подобные отличительные признаки. В этой связи хочу отметить, что по описанным выше признакам нами получены снимки глубокой старины, которые можно датировать XII-XIII веками и ряд изображений более ранним временем.

Таким образом, можно сделать вывод, что однажды записанный сюжет хранится в окружающем нас пространстве бессрочно!

Журнал «Техника — Молодежи» № 4 за 1992 год опубликовал снимок Владимира Яшина, полученный на месте взорванного в 1937 году Успенского Собора в Костроме. На фоне веток дерева хорошо обозначилось мужское лицо. Автор публикации считает, что полученный снимок — это фотография невидимого нами инопланетянина или «духа», витающего на месте уничтоженного Собора.

Интерес в статье вызывает тот факт, что фотография получена обычным фотоаппаратом «Зенит» на цветной обрабатываемой пленке. Если учесть спектральный участок, регистрируемый данным фотоаппаратом, имеющим стеклянную просветленную оптику, то он сравним с диапазоном восприятия нашего зрения. В этой связи можно утверждать, что «Память» проявилась в пределах 390-700 нм, и упомянутое лицо должно быть практически видимым нашим глазом.

С подобным проявлением «Памяти», а проще сказать призраком, автору этой статьи удалось встретиться во время проведения экспериментов по искусственному «возбуждению «Памяти» в экспедиции 1997 года. Тогда, фокусируя фотоаппарат на участок местности, на котором отсутствовали посторонние предметы, и облучаемый в тот момент генератором СВЧ, я увидел на матовом стекле камеры четкое изображение легковой машины типа «Москвич» красного цвета. Все наблюдение продолжалось не более 6 секунд, после чего машина внезапно исчезла. Примерно через 10-12 минут это явление повторилось, но вместо машины хорошо проявились четыре автомобильных фары, расположенных по паре, друг над другом.

Это обстоятельство подтверждает наше предположение и высказанную ранее мысль, что в зависимости от степени возбуждения поля, в котором записана «Память», можно получать зримые образы в их динамической последовательности. Найдя способы «возбуждения» записанной информации, мы предоставим криминалистам, историкам, археологам и многим другим профессиям прекрасный инструмент, позволяющий заглянуть в Прошлое. Этим самым мы снимем завесу таинственности с некоторых пока необъясненных явлений, и тогда, на мой взгляд, появление призраков и привидений будет полностью объяснено, и они приобретут статус физического явления.

К проявлению «Памяти Поля» в видимом спектральном диапазоне можно отнести и редко наблюдаемое явление, когда на фоне облаков или просто в воздухе люди наблюдают ожившие картины прошлого. В этом случае окружающая атмосфера служит гигантской линзой. Под определенным углом солнечного освещения, возбужденная природными процессами и записанная в прошлом, информация проецируется на облако или запыленную атмосферу, которая в этом случае играет роль экрана, на котором Природа демонстрирует свой документальный фильм из Прошлого.

Проводя работы, согласно программе изучения «Памяти Поля» и фотографируя район исследования со стороны специальной ультрафиолетовой камерой, мы однажды получили снимок, на котором четко отпечатались темные факелоподоб-

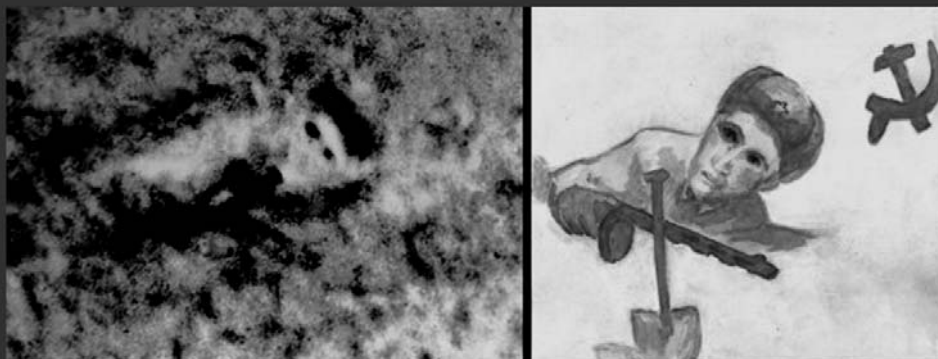

Фото № 126.

Память Пространства. Солдат с автоматом.

(Реконструкция фотоснимка Острой Е. Д.)

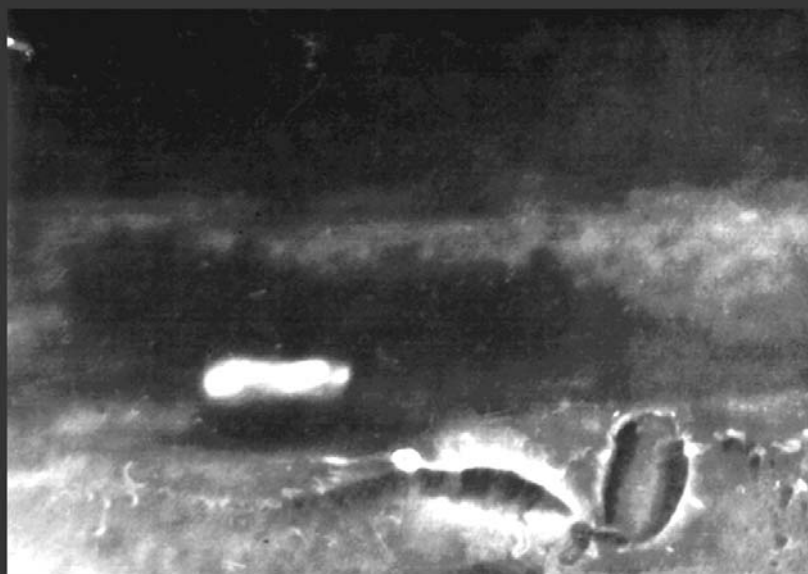

Фото № 134.

Память Пространства. 50 миллионов лет назад на этом месте было палеогеновое море. Возможно, перед Вами его древние обитатели?

ные образования, восходящие с поверхности земли и воды. Приборы, измеряющие магнитное и электрическое поля, в этот период времени регистрировали значительные электромагнитные вариации.

В результате многолетних наблюдений мы пришли к выводу, что в тектонических районах существуют каналы, по которым происходит энергетический обмен между Землей и окружающим ее пространством. Эти каналы представляют собой геологические породы со сравнительно высокой электрической проводимостью и отличающиеся по своим физическим свойствам от вмещающих их горных пород. Именно в этих местах мы чаще всего сталкиваемся с аномальными явлениями.

В подтверждение наших предположений, касающихся энергетических каналов, группа геофизиков Федерального государственного унитарного геологического предприятия «Воронежгеология», руководимая В. Щербиным, провела в Новохопёрском районе, в непосредственной близости от нашего исследовательского полигона сейсмическое зондирование до глубины 15 километров. После компьютерной обработки результатов исследований, ученые получили разрез по сейсмическому профилю, на котором хорошо обозначились вертикально стоящие геологические структуры, восходящие до осадочного чехла, то есть до глубины около 200 метров. В некоторых местах эти образования простираются непосредственно до дневной поверхности и мы предполагаем, что в данном случае именно они являются своего рода гигантскими волноводами, по которым происходит перенос электрической энергии из центральных областей Земли через мантию к поверхности планеты.

За период, прошедший со времени открытия описываемого феномена, Воронежскими исследователями накоплен большой материал, касающийся данной темы, на основе которого можно сделать первые выводы:

1. Практически все полученные снимки с элементами «Памяти Поля» совпадают с вариациями электромагнитного поля, амплитуда колебаний которого (общий вектор ΔT_a) очень обширна и составляет от 100 до 20000 нТл.

2. Проявление «Памяти» не зависит от времени суток и солнечного освещения.

3. Феномен «Памяти Поля» проявляется не только в тектонических зонах. Первые снимки с элементами «Памяти» были получены в городских условиях, в «спокойном», с точки зрения тектоники, районе.

4. Преимущественно «Память» регистрируется фотоаппаратами, имеющими оптику, хорошо пропускающую ультрафиолетовое излучение.

5. Иногда элементы «Памяти» в лучшей степени проявляются в негативном изображении, но большая их часть хорошо просматривается в позитиве. Нами отмечены случаи, когда «Память» проявляет себя одинаково, как в негативной, так и в позитивной формах.

6. Нередко отмечаются искажения масштаба изображения «Памяти», как в меньшую, так и большую сторону.

7. Возбужденная «Память» может существовать достаточно длительное время. Нами отмечен случай, когда в течение трех часов фотоаппарат регистрировал один и тот же сюжет прошлого.

8. Событие, произошедшее в данном месте и записанное в «Память Поля», не меняет своих пространственных координат во времени и хранится неопределенно долгое время.

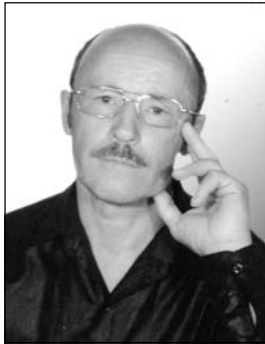
9. Нам удалось искусственно возбудить «Память», применив генераторы ВЧ и СВЧ. В результате мы получили изображения множества лиц в непосредственной близости от излучателя. Повторные эксперименты с соблюдением всех предыдущих «возбуждающих» параметров не повторили ранее полученный результат.

10. Эксперименты, предусматривающие возбуждение «Памяти» электромагнитным переменным и постоянным током различной полярности и различной напряженности, также не дали положительных результатов.

Мы полагаем, что отсутствие положительного результата по искусственному возбуждению «Памяти Поля» не означает ее принципиальную невозможность. Работы по изучению открытого феномена продолжаются. Мы уверены, что со временем познаем способы возбуждения «Памяти» и механизмы управления ею. В этом случае перед Человечеством откроется возможность заглянуть в свое далекое ПРОШЛОЕ, и тогда фотографирование сюжетов давно прошедших дней и конкретного отрезка времени станет реальностью.

Николай Иванович Востриков родился в 1940 году в селе Елань-Колено Новохопёрского района Воронежской области. Работал декоратором в Воронежском музыкальном театре, токарем в Новохопёрске, сотрудничал с районной газетой «Вести». Публиковался в журнале «Верхний Дон», районной прессе. Автор трех книг стихотворений. Живет в Новохопёрске.

Николай Востриков

ВРЕМЯ ОТВЕТОВ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО

НОВОХОПЁРСК

Давненько я в городе не был.
И вдруг — как открылось окно:
Чуть шире и площадь, и небо,
И краше стал город родной.

Явилось все это откуда?
Сквозит новизной тут и там,
И, как несомненное чудо,
Расцвел полноструйный фонтан.

Воистину труд был саперский,
Но тем и достойнее он:
Мы вызволим Новохопёрский
Из прежней разрухи район.

Не зря возрождается поле:
Приходит всему свой черед.
Ведь лучшей, поверьте мне, доли
Достоин наш вольный народ.

Дарить — так пригоршней, не горсткой,
Коль с музами нам повезло:
В честь славного Новохопёрска
Нам песни дарует село.

И, кажется, это явленье
Не сказка о зле и добре,
Лишь в мае цветет все в селеньях,
А город зацвел в сентябре.

Давненько я в городе не был,
И вдруг — как открылось окно:
Чуть шире и площадь, и небо,
И краше стал город родной.

* * *

Этим ритмам небес покоряюсь
Тем сильнее, чем ночи темней.
То ли в музыке той растворяюсь,
То ли музыка плачет во мне?

Не понять: это взлет иль паденье,
Ночь в преддверии вечного дня?
И живет в каждом звуке томленье,
Бьется птицей о прутья страна...

Что роптать о потерях вчерашних?
Ищут путь до последних минут.
Не один ты застрял в настоящем,
Дни в грядущем несметные ждут.

Не понять уже, что тебе надо,
Не унять боли сердца. И пусть
Эхом множится тихая радость,
Греет душу вселенская грусть.

* * *

Что мне Буш, что мне Меркель,
Саркози непростой?
Я ж иду по земельке —
По живой и святой.

Это счастьем зовется
И дано неспроста:
Все вокруг отзовется,
Если совесть чиста.

Каждый лист — дань видений:
Не растет — ворожит.
Ради этих мгновений
На земле стоит жить!

Ждет живое участия.
Только истина в том:
Не вокруг это счастье,
А в себе лишь самом.

* * *

Не то, чтоб в радость новый день.
Подсчет: а сколько их осталось?
С годами у мужчин не лень —
Непроходящая усталость.

Пустых таблеток череда
Не помогает снять постылость:
Их нет от старости. Беда,
Что все в былое обратилось.

Еще длинней глухая ночь.
Кружат снежинки в грустном вальсе.
Одни и те же сны, и прочь
Их не прогнать, как ни старайся.

И мысли с ними в унисон,
И где-то их одна венчала:
Что все сольется в странный сон,
Что без конца и без начала.

* * *

Я проснулся на зорьке и подумал: спасибо
Уж за то, что еще в этом мире живу.
Солнце катит мне в окна спасением, ибо
Я вчера умирал — не во сне, наяву.

Я прощался уже с этим миром огромным,
Покидал, словно «скорый», мелькнувший вокзал.
Ничего не забыл, этой жизнью довольный,
И за то всем, кто здесь, «До свиданья...» сказал.

Я проснулся на зорьке — и увидел свет белый,
Значит, солнце опять над лугами взошло.
Значит, важное что-то я еще не доделал.
Значит, время ответов еще не пришло.

Григорий Анчуков

ХОПЁР — КРАЙ КАЗАЧИЙ

(Записки краеведа)

Каждый раз по весне в Новохопёрске наступает короткий период времени, когда по вечерам можно услышать голоса пролетающих к родным гнездовьям диких гусей. Внимательнее присмотревшись, можно без труда различить в сумрачном небе ломаный клин птичьего каравана, настоящим переключением оглашающего окрестность старинного городка.

Дикие гуси считаются знатной охотничьей добычей. Оттого во время пролета их стай над Прихопёрьем сюда, «на тягу», стекаются из разных мест десятки заядлых охотников.

Не всякому из них суждено добиться удачи, но в любом случае некий успех гарантирован. Пришлый человек успевает прикоснуться взором и душой к Хопру, его побережьям, еще сохранившим во многих местах черты первозданности.

Бассейн главной реки Новохопёрского района весьма примечателен еще и количеством притоков — Паникой, Татаркой, Еланью и Савалой. И ежели вам захочется все это увидеть своими глазами, непременно загляните и на озера, расположенные в былой пойме Хопра. Видимо, неслучайно В.И. Даль толковал значение слова «Хопёр», как место обитания диких гусей.

Стоя где-нибудь на крутых берегах Хопра или проплывая мимо них, не требуется никакой научной помощи для того, чтобы понять значение словосочетания «Червлёный Яр», и даже угадать настроение людей, испокон веку сюда стремившихся.

Глубже всех и, пожалуй, наиболее точно это понял и оценил в одноименной монографии А.А. Шенников. На ее страницах ученый рассматривает правобережье Хопра от устья Вороны до Дона как исконное протоказачье образование с XIII по последнюю треть XVI веков.

Несмотря на отсутствие достоверных письменных источников, автор утверждает, что дремучие леса и полноводные реки, Ордобазарная дорога, пересекавшая Хопёр чуть выше устья Савалы, наряду с волжскими, днепровскими и донскими просторами, идеально подходили для появления здесь ростков казачества.

Однако официальные исследователи, взирая с высоты лет на теперешние окрестности Новохопёрска, утверждают, что казачество в этих местах зарождалось лишь в начале второй половины XVII века. Небольшие казачьи городки — Пристанский, Беляевский и Григорьевский, были самыми верхними по Хопру, а местоположение центральной части современного Новохопёрска в точности совпадает с былым местоположением городка Пристанского.

Обитатели этих верховых городков, именуя себя казаками хопёрскими, ничем не отличались по образу жизни от всего донского казачества, а граница земель Войска Донского, кстати, в то время простиралась до устья реки Вороны.

1659 год для жителей городка Пристанского был примечателен тем, что в зимнюю пору на местной верфи строились дворцовые струги в рамках второй попытки строительства русского флота на Дону до Петра I (в древней Руси, попутно говоря, пристанью называли место строительства судов).

В 1670-м верховые хопёрцы вместе с низовыми казаками — медведицкими и бузулукскими пополнили ватагу Фрола Разина (брата мятежного атамана) и ходили от устья Хопра по Дону до Коротояка. Боярин и воевода Григорий Григорьевич Ромодановский «отжег» их там и не пустил выше, но восставшие не успокоились на этом. Вернувшись к устью Хопра, они влились в отряд разинского атамана Никифора Чертка и пошли на Тамбов походом, пешком и конным строем.

Именно в этом году в исторических документах впервые упоминаются фамилии некоторых пристанских казаков — Ивана Красного, Ивана Микулаева, Петра Гайдука.

Отряд Никифора Чертка изрядно потрепал в открытых столкновениях ратников козловского и тамбовского воевод, но, прослышав о поражении войска Степана Разина под Симбирском, не стал штурмовать Тамбов и, уйдя от его стен, как бы исчез на берегах Хопра, хотя кое-кто остался верен атаману. Но большинство стали жить сами по себе, опасаясь наказания. Однако дерзновения в этот раз легко сошли с рук хопёрским казакам. Не дотянулась до них верховная российская опала.

Последующие годы до конца XVII века для жителей Пристанского, Беляевского и Григорьевского были отнюдь не вялотекущими. Народнонаселение городков сильно подрабукло за счет новопришлых людей из России. Вопреки воле Войска Донского местные казаки стали заниматься хлебопашеством и торговлей солью, которая доставлялась сюда чумаками с бахмутских солеварен. И в довершение ко всему на берегах Хопра начались размашистые работы по заготовке и сплаву леса для флотских нужд.

В 1698 году государевыми людьми была составлена основательная опись всех казачьих городков по Хопру. В Пристанском насчитывалось 200 куреней, в Беляевском — 120, в Григорьевском — 130. Местоположение Беляевского городка приходилось на слияние Хопра и Савалы, а Григорьевский городок отстоял от Беляевского вниз по Хопру на 4 версты.

Небезынтересна в этом плане и общая статистическая картина по Хопру на временном отрезке приблизительно в пятьдесят лет. В «Росписи казачьим городкам, которые стоят на Дону, с верховья от воронежских вотчин», предположительно составленной в середине XVII века дьяком Третьяком Васильевым, состоявшим на службе в Тобольске, по Хопру насчитывалось только 4 городка. А в вышеупомянутой росписи 1698 года значится уже 26 городков с общей численностью куреней более 1700.

Но еще интереснее выглядит полностью доказанный факт строительства на верфи казачьего городка Пристанского первых петровских парусников. По «Списку судов азовского флота 1696-1712 гг.» кумпанствами князя Бориса Алексеевича Голицына, князя Федора Юрьевича Ромодановского и стольника Ивана Большого-Дашкова голландским мастером Юрием Борвудом здесь были строены и спущены на воду в 1698-1699 годы три боевых судна — «Безбоязнь», «Благое начало» и «Соединение».

Однако вскоре эта заслуга-услуга казачьего городка Пристанского не помешала Петру I буквально стереть его с лица земли, заодно с городками Беляевским и Григорьевским.

1708 год стал роковым для вольного хопёрского казачества. Именно в Пристанский городок в марте этого же года прибыл атаман бахмутских солеварен Кондратий Булавин, после неудачной попытки привлечь на свою сторону Запорожскую Сечь. Здесь при помощи своего односума по азовским походам, местного жителя Лукьяна Хохлача, он использовал настроения раскольников, работных людей на заготовках и сплаве леса, казаков. Никто из них не хотел безропотно подчиниться воле государя, стремящегося лишить Дон автономии и вернуть в Россию беглецов, не имевших семилетнего ценза жительства в казачьих городках.

В Пристанском состоялся круг хопёрских, медведицких и бузулукских казаков, после которого в том же 1708 году из Пристанского с двадцатитысячным войском теперь уже походный атаман Кондратий Булавин ушел по полой воде на Черкасск.

Двумя годами позже на месте сожженного городка Пристанского, при вновь построенной Хопёрской крепости, для несения военно-конной службы вместе с прибывшими сюда по вызову на жительство служивыми казаками малороссийских полков разрешено было поселиться и казакам верховых хопёрских городков, непричастных к бунту Булавина (они в это время участвовали в войне со Швецией).

Так в историческое одночасье по воле Петра Великого круто изменилась судьба обитателей Прихопёрья. Императорским указом была организована община казаков Хопёрской крепости, или «Хопёрская команда», в количестве 219 человек, среди которых было 94 старых хопёрца с семьями.

Отстроив неподалеку от крепости особую слободу (впоследствии названную Градской), казаки вскоре образовали и новые слободы: Пыховку, Красненькую, Алферовку. Землями, звериными и рыбными ловлями приходилось пользоваться наравне с крестьянами и посадскими людьми, так же поселившимися вблизи крепости по вызову.

Только через одиннадцать лет, взамен хлебного и денежного довольствия, Хопёрской команде были строго отмежеваны земли и угодья некогда разоренных городков Пристанского, Беляевского и Григорьевского. И служивые хопёрские казаки вновь по указу Петра I вернули себе часть Прихопёрья, однажды облюбованную ими для занятий рыболовством и охотой.

В 1738 году Хопёрской команде, возглавляемой ротмистром Н. Иноземцевым, по указу императрицы Анны Иоанновны были жалованы четыре значка и старое звание в качестве первой царской награды — «За усердие и отличие».

В октябре 1774 года из хопёрских казаков сформировали 5-сотенный полк кадрового назначения, в который вошли и крещеные азиаты из села Бобры Битюцкой волости. В их числе был и полковник Феминицын, помогавший другому полковнику Конону Устинову формировать полк. (Устинов возглавил хопёрских казаков после смещения с должности на большом войсковом кругу ротмистра Капустина за отсутствие рвения у Хопёрской команды в военных действиях против Пугачева).

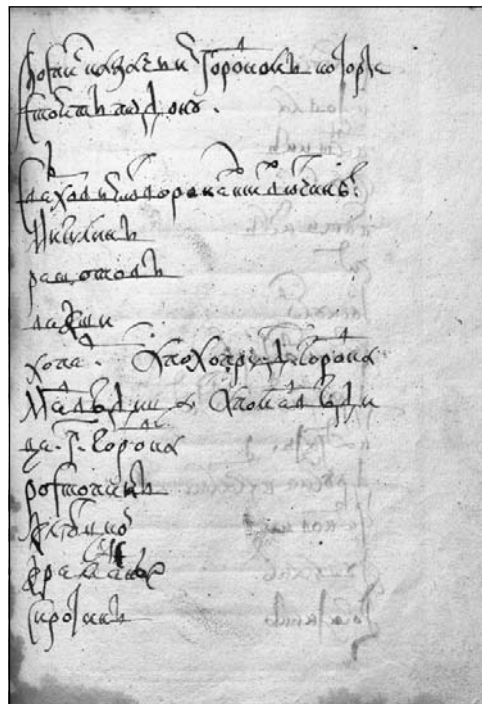
В мае 1777 года казачьему полковнику и армии премьер-майору Устинову вручили ордер, подписанный князем Потемкиным, в котором, в частности, указывалось: «По высочайшему Ея Императорского величества соизволения, казацкий Хопёрский полк имеет следовать к переселению с семейством своим на Терек, где как земли со всеми угодьями, так и на обзавод на каждый двор по двадцати рублей из казны получить и состоять в команде Г. губернатора генерал-майора и кавалера Якобия. Которому по поручению от меня все то, что касается до переселения и до учреждения в шести сотнях».

Конон Устинов убедил Якоби сначала отправить на Кавказ только казаков, а потом уже думать о переселении семей. И домочадцы хопёрцев прибыли к новому

Якорь для речных судов начала XVIII века, найденный на косе Лучке

Копия «Росписи казачьим городкам, которые стоят на Дону, с верховья от воронежских вотчин». Изготовлена в Государственном историческом музее

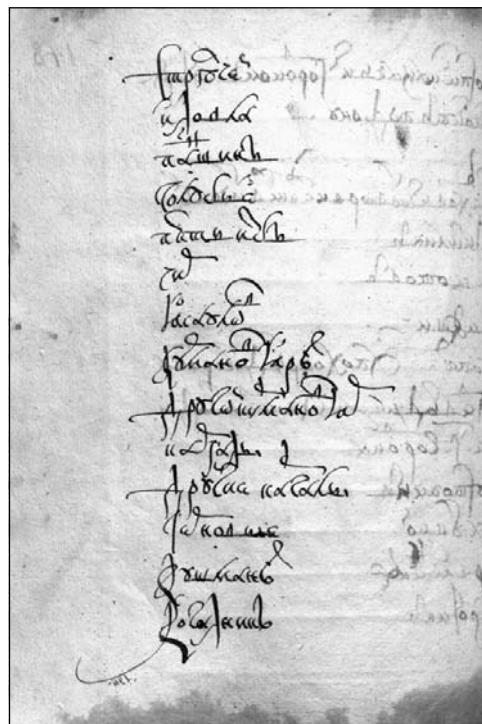

местожительству осенью 1778 года. У стен Ставропольской крепости против восточных ворот поднималась казачья станица, с красовавшейся в центре небольшой деревянной Казанской церковью.

В конце января 1779 года вновь построенную Ставропольскую крепость инспектировал фельдмаршал А.В. Суворов и высоко оценил старания хопёрцев и их полкового командира (Устинову пришлось руководить окончанием строительства крепости после смерти основателя-фортификатора Н.Н. Ладыженского).

Казачья станица стала основой города Ставрополя, в котором до сих пор есть улицы Хопёрская и Казачья. Среди ставропольцев есть немало людей, свято хранящих память о дальнейшем славном пути хопёрского полка кубанского казачьего войска.

Исконные земли хопёрских казаков после их ухода на Азовско-Моздокскую

линию Высочайше были жалованы князю Потемкину. После недолгого владения ими, он их перепродал квартирмейстеру Азовского пехотного полка Шемякину. И на них пошла уже совершенно другая жизнь вне границ земель Войска Донского.

...Все эти подробности проступили в Новохопёрске сквозь время и легенды совсем недавно. В районной библиотеке появилась дарованная ставропольцами «История хопёрского полка кубанского казачьего войска 1696-1698 годы» В. Толстова, в краеведческом музее — добротные материалы по истории хопёрского казачества, включающие в себя и копию «Первой росписи казачьим городкам...», и списки казаков, стоявших у истоков слобод Градской, Пыховки, Алферовки и Красенькой.

БОЕВЫЕ ПАРУСА НОВОХОПЁРСКА

Строительство судов на Новохопёрской верфи оставило в городе вечные печати — улицу Въезжую, Морскую гору, мощеную брусчаткой, и недолгий путь по ним к косе Лучке — былому месторасположению корабельной верфи...

Вопросы о месторасположении верфи, и о строительстве на ней судов, сейчас не обсуждаются и не подлежат сомнениям. Есть картография 1770-х, есть «Материалы для истории Русского флота».

...Новохопёрская верфь в начале XVIII века была как бы неотъемлемой частью Хопёрской крепости и предназначалась для строительства мелких судов. В 1768 году, когда началась война с Турцией, когда вновь появилась надобность в Азовской флотилии, этой верфи, по сути, уже и не было. Но само место сохранилось и оно очень пригодилось при закладке новых более мощных кораблей.

Об этом и гласило донесение контр-адмирала А.Н. Сенявина Екатерине II в мае 1770 года: «... И по сим полезностям, дабы и самим делом исполнить, я ордеровал флота капитана I ранга Тишевского, чтобы он по реке Хопру отыскал к тому фрегатов построению места, и по полученному от него, Тишевского, ныне рапорту показано, что таковое для построения фрегатов место есть при Новохопёрской крепости на реке Хопре, расстоянием от того, где на фрегаты леса заготавливаются, в 20 и 30 верстах...»

Далее многочисленные исторические документы убедительно свидетельствуют, что Новохопёрская верфь не только возродилась, но и стала местом основательного флотского строительства до 1783 года. Первым заготовителем леса и главным распорядителем строительства фрегатов стал все тот же флота капитан I ранга Л.В. Тишевский.

Фрегаты «Первый» и «Второй» строились здесь по верхнюю палубу по чертежам А.Н. Сенявина мастером Афанасьевым. Они были спущены на воду соответственно 12 и 13 апреля 1771 года и тотчас отправлены в путь по половодью до Таганрога для дооснастки и вооружения.

Волею судеб юный лейтенант Ф.Ф. Ушаков (в будущем великий флотоводец и канонизированный святой) в числе нескольких младших морских офицеров был откомандирован на Новохопёрскую верфь для проводки этих фрегатов вниз по Хопру и Дону. Командовал проводкой Л.В. Тишевский.

58-ми пушечные фрегаты «Третий» и «Четвертый» строились здесь так же по верхнюю палубу уже по чертежам адмирала Ч. Ноульса. По размерам и составу вооружений они затем превосходили все фрегаты Российского флота в 1770-е годы. Боты, галиоты и транспортные суда, строившиеся рядом, не имели таких внушительных габаритов, но все они оченьгодились Азовской флотилии в кампа-

нию 1775 года. А несколько ранее, в апреле 1774 года, сам А.Н. Сенявин инспектировал отправку с Новохопёрской верфи фрегатов «Пятого» и «Шестого».

Эти раритетные факты неизмеримо милы сердцам коренных новохопёрцев... Везло Новохопёрску в те годы на великую поступь истории, ведь вдобавок ко всему в момент основоположения Черноморского флота 2 мая 1783 года среди 11-ти судов эскадры Ф.А. Клокачева были фрегаты «Девятый» и «Десятый», заложенные на Новохопёрской верфи. Новохопёрский «Восьмой», зимовавший на Черном море, салютовал эскадре во время ее знаменитого захода в Ахтиарскую бухту. Фрегаты «Второй», «Пятый», «Шестой» и «Седьмой» несколько позже также вошли в состав Черноморского флота России.

...Оттого-то гордость и грусть смешиваются воедино, когда идешь в Новохопёрске по брусчатке Морской горы к песчаной косе Лучке — участнице и свидетельнице незабвенных событий во времена уже седые-седые.

РУССКИЕ ФРЕГАТЫ

(Донесения адмирала Сенявина Императрице)

В о времена не столь далекие бытовала вот такая официальная точка зрения по поводу судостроения на Хопре в XVIII веке: «В 1768 году при Новохопёрской крепости учреждена судоверфь, на которой строились мелкие суда».

Недавние упорные искания местных краеведов закончились находкой интересных и, можно сказать, альтернативных исторических документов. Часть из них мы сегодня и публикуем. Как говорится, вникайте и судите сами о солидной причастности Новохопёрска к строительству Азовской флотилии А.Н. Сенявина и основоположению Черноморского флота России.

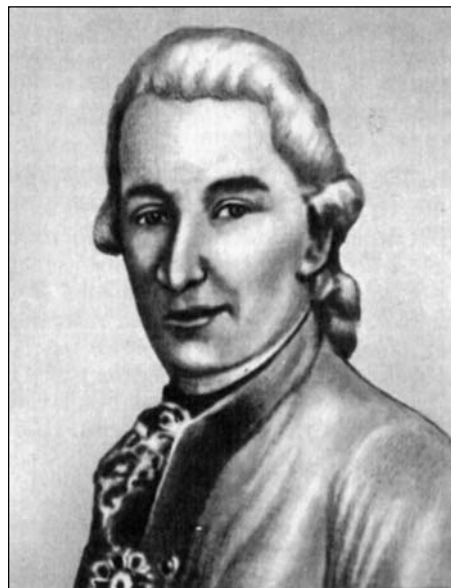
ДОНЕСЕНИЕ СЕНЯВИНА ИМПЕРАТРИЦЕ ИЗ КРЕПОСТИ СВ. ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО, 1770 ГОДА МАЯ 31¹

Данным мне 15 декабря 1769 года указом повелеть соизволили: по самой возможности, без потери порожняго времени у работников и мастеровых людей моего ведомства, вырубить на 3 или 4 фрегата лесу и оный по надлежащим лекалам или образцам на месте, заготовляя, сплавить вниз, по моему усмотрению, в крепость Св. Димитрия или к Азову или далее к самому Таганрогу, дабы при первом удобнейшем положении возможно было в самой скорости его доставить к ближайшему берегу Черного моря, и тамо тотчас сколотить и соорудить упомянутые фрегаты.

И во исполнение онаго всевысочайшего В.И.В. указа, я, по прибытии на Новопавловскую верфь, перво старался об отыскании лесов, коих по найденнии и производится ныне вырубка, и чем В.И.В. всеподаннейшими моими 4 апреля и 5 мая рапортами донесено, а за тем осталось мне как бы те леса доставить на низ, для чего истребовал от мастера корабельного, что ему для доставления оных лесов потребно, на которое он изъяснился: ежели де те леса доставить до Таганрога, потребно для них на каждый фрегат будар не менее как 25, и если де далее Таганрога оный лес везти, тогда потребны будут флатшхойты с мачтами и парусами, и для каждого фрегата не менее как по 20 флатшхойтов; я старался поспешить как исполнением всевысочайшего В.И.В. повеления приготовлением оных лесов, так и чтоб сколько можно сохранить казну, к чему и приступил. Ежели леса на фрегаты доставлять до Таганрога на бударах, их потребно 100, и они на месте подрядом

¹ Архив гидрографического департамента № 1750.

заготавливаются ныне каждая будара не менее 250 руб., а за 100 будет 25000 руб., да и можно ли такое великое число будар в одну зиму приготовить я не без сомнения, ибо где оныя строятся, тамо их строителей не много; почему и сколько можно сохраняя казну как по самой ныне нужде за не отысканием будар в покупке располагал леса плавить вниз на плотах, делая оные из сосновых бревен, к вырубке которых и для свозу их на реку и к деланию из них плотов должны употреблены быть работники пешие и конные, коих на довольствие и заплату работных денег хотя не так велика сумма как бы на заготовление будар надобно, однакож не без денег и то сделано быть может, а доводя леса в плотах до устья Азовского моря по оному для дальнейшего их доставления не минуемо потребны будут флатшхойты; и так кроме фрегатов для оных флатшхойтов по немалому их числу не скоро успеть можно заготовить леса и прочее, а потом их построить и соорудить, на что художников и работников потребно не мало ж, а потому и денег употребиться должна знатная сумма и дальнейшая удержка от построения фрегатов; и как бы по вышепрописанному обстоятельству ни поспешить на означенные фрегаты леса заготавливать и отправлять, но на все доставкою окончатся не прежде как к осени будущего 1771 года, что все имея в предмет признал лучшим способом, ежели бы те фрегаты построить тут, где для них леса заготавливаются, и как на мое требование корабельный мастер Афанасьев объяснился, ежели де фрегаты построены будут, только чтоб можно было их спустить, то он уповает их для проводки через бар в Азовское море поднять до 4 фут на камелях, которыя и сделать из тех самых камелей, кои построены для судов новоизобретенного рода, раздвинув их в длину, в ширину и в вышину, и что очень малого каштовать может; а переведя те фрегаты через бар и надобный для верхней их отделки лес в них же вместиться может, чем не только сохранится казна от издержки на приготовление будар, плотов и флатшхойтов, но и не столько надобно будет для построения их людей; сверх всего и доставление будет только 4 судов, хотя неотделанных, но морской конструкции удобнее по морю к буксированию, нежели будары, из коих если одна утратится, может остановить и построение, а вышеописанных фрегатских корпусов по палубу построением сохранится и означенная от потерь опасность. По сим полезностям, дабы и самым делом исполнить, я ордеровал флота капитана I ранга Тишевского, чтобы он по реке Хопёр отыскал к тому фрегатов построению места, и по полученному от него, Тишевского, ныне рапорту показано, что такое для построения фрегатов место есть при Новохопёрской крепости на реке Хопре, расстоянием от того, где на фрегаты леса заготавливаются в 20 и 30 верстах; а как от меня еще до сего предварительно ордерован был корабельный мастер об осмотре по отыскании Тишевским места, да и ныне ему тоже подтверждено, и чтоб он, по осмотре на то построение места, был сюда как для доделки и переводки новоизобретенного рода судов через бар, так и ради учинения исчисления каких художников, плотников и работников сколько ему потребно, чтоб на означенные 4 фрегата все чле-

Командующий Азовской флотилией адмирал Алексей Наумович Сенявин

ны в том числе и прямые деревья в одних борисоглебских лесах приуготовить и их с гондек палубой сделать к будущей весне, дабы при полной воде и успеть их доставить сюда; по получении катораго исчисления разсмотря и представить в государственную адмиралтейскую коллегия с поспешением стараться буду, а ныне все вышеписанное В.И.В. на премудрое разсмотрение всеподаннейши представа и ежели по осмотру мастерскому найдется на реке Хопре или при ея устье на Дону удобное место, в разсуждение вышепрописанных обстоятельств на оном не повелите ли, всемилостивейшая государыня, построение тех фрегатов сделать, испрашиваю высочайшего указа.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ, 1770 ГОДА ИЮНЯ 3²

Слушали полученного от вице-адмирала Сенявина от 19 минувшаго мая рапорта и прибытии его того мая 16 в крепость Св. Димитрия Ростовскаго и о прибывших же к оной крепости дубель-шлюпке, палубном боте и последних прошлогоднего построения 29 вооруженных лодках, кои зимовали у станиц войска донскаго Еланской и Вешенской, и что из них дубель-шлюпка ныне переводится через бар в Азовское море, бот также имеет через тот бар переходить и оба сии судна отправятся к описи; с лодок снимаются ныне пушки, фалконеты и снаряды, а потом во исполнение Ея И.В. указа отданы быть имеют крепости Св. Димитрия Ростовскаго обер-коменданту; он же вице-адмирал по учинении тамо надобных для перво отправленных новоизобретенных рода судов, коих туда вскоре ожидают прибытием, ко исполнению их приуготовлений, а по том приуготовлении вскоре же оттуда отправится в Троицкое что на Таганрог. Для расположения тамошней гавани и адмиралтейству планов, и по сочинении де оных как наискоре можно в коллегия отправить не приминет.

ДОНЕСЕНИЕ СЕНЯВИНА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ ИЗ ТАГАНРОГА, 1771 ГОДА АПРЕЛЯ 26³

По всевысочайшему Ея И.В. указу я, отправившись из Петербурга 15 марта, в таганрогский порт прибыл 20 числа сего месяца и медленность моего следования была от распутицы и разлития воды, которое я уже за Воронежем наехал.

Из обстоящих здесь военных новоизобретенного рода судов шесть выведены на рейд для принятия на них невозможного было в гавани за ея мелкостию положить груза, который на отделенных к тому 14-ти военных лодках и перевозится, которое бы вскорости и сделано было, ко с самого моего сюда приезда почти все время обстоит с моря крепкие ветры, силою коих и на открытом море волнением те с грузом лодки так сильно об суда бьет, что иногда опасно при них и держаться, для чего на таковые времена лодки и отходят от судов; при нагрузке же тех 6-ти и достальныя 4 военные же судна выведены и гружены будут, чем исправиться уповаю, если допустят ветры, мая к 10 числу, а исправся и в путь отправлюсь.

Из зимовавших на реке Доне у Мигулинской войска донскаго станицы 2-х четвертого рода судов одно, оно же и большое бомбардирское, называемое Яссы, к крепости Св. Димитрия Ростовскаго 15 числа сего месяца прибыло и по отправлению оттуда дошло уже на Азовское море и стоит у бара за противными ветрами; по стихении же ветров доставя его сюда прикажу, всем принадлежащим исправя, отправить за флотилею.

² Арх. морск. минист. (Журн. адмиралт.-коллегии 1770 г. № 214).

³ Арх. морск. минист. (Дел. гр. Чернышова № 15).

**ДОНЕСЕНИЕ СЕНЯВИНА
АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ,
1771 ГОДА ИЮЛЯ 2⁴**

Будучи со вверенной мне флотилией при проливе Еникальском в ожидании деташированного корпуса, я который как еще сюда не прибыл, то я за издержкою на кораблях пресной воды (коей по малости корабельных интрюмов довольнонаго числа поместить не можно) принужденным был чрез посылку шлюпок искать оной при неприятельских берегах и, по найденнии мичманом Шиповым вблизи флотилии на крымской стороне из горы к самому берегу источника, 27 июня поутру откомандировал дубель-шлюпку и 9 военных лодок с мелкими судами, посадив на них десант в числе 128 человек солдатской команды при секунд-майоре Вакселе, который того же числа в полдень на означенных судах прибыл к берегу и отогнав пушечной стрельбой неприятеля, десант помощью мелких судов переправил на берег, где по занятии выгодных мест форпостами и под прикрытием всего десанта, наливку воды производил до самого вечера при временной с обеих сторон из ружей перестрелке; и чтоб к ночи неприятель не имел себе вблизи укрытия, то бывший на горе хутор посланным от него Вакселя мичманом Шиповым с форпостной командой сожжен; в вечеру же в силу моего повеления же Ваксель как наливщиков водой со оною так и десант переправил на лодки.

А 26 числа поутру для наливки достальных бочек паки вступили на берег и во время той наливки неприятельския партии хотя и видимы были на горе но вдали, а по окончании наливки воды, перед полуднем, как уже десант стал перебираться и коего на трех шлюпках и отправлено было на лодки, тогда неприятель в немалой толпе, по видимости признавал более 100 человек янычар и 200 конницы, оказался на горе вблизи и янычары все бросились под гору к нападению на оставшийся наш десант, от которого встречены перво стрельбою из ружей, чему равно и они хотя содействовали, но вскоре сблизясь стремились напасть с саблями; но однакож от наших приняты были на штыки и так храбро что вскоре неприятель потеряв более 30 человек на месте убитыми и со многым числом раненых обращен в бегство и прогнан на гору, куда далее наши гнать опасались, дабы тамо множественный неприятель подкреплением конницы не одолели их от судов, для чего и возвратились к своим лодкам, на кои шлюпками и переправились. Потеря с нашей стороны в 2-х морских и 2-х сухопутных солдатах, да ранено 9 человек.

**ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА
АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ,
1771 ГОДА СЕНТЯБРЯ 17⁵**

Слушали вице-президента графа Чернышова от 12 сентября предложения, коим во известие уведомляет, что на полученный им от капитана над таганрогским портом Горяинова, об остановившихся отправленных с припасами принадлежащими к достроению фрегатов от новохопёрской верфи за мелководьем в реке Дон 4-х транспортных судах рапорт, от него вице-президента ему Горяинову предписано, чтобы он приложил труд, дабы те суда как возможно наискоре в крепость Св. Димитрия приведены и, ежели не вместе с фрегатами, то б по крайней мере вслед за оными без продолжения отправлены были, чтоб за неимением оных припасов фрегаты исправлением не промешкались, и все сие оставлено на собственное его попечение.

⁴ Арх. морск. министр. (Дел. гр. Чернышова № 15).

⁵ Арх. морск. министр. (Журнал адмиралт.-коллегии 1771 года № 3689).

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ, 1771 ГОДА СЕНТЯБРЯ 17⁶

Слушали полученный из крепости Св. Дмитрия Ростовскаго от капитана над таганрогским портом Горяинова от 10 августа рапорт, коим по рапорту ж прибывшего туда с новохопёрской верфи ко спуску достраивающихся тамо камелей на воду и к поставлению на них к переводу через бар фрегатов корабельного мастера Афанасьева объявляет, что два принадлежащие к фрегатам палубные бота построены, кроме второй обшивки; 5 ластовых судов июля 28 заложены и набором набираются, а в августе месяце обшивкою окончены будут, ежели по какой нибудь экстренности из находящихся при том служителей куда отделено будет; а по постройке де оных и 10 большой пропорции палубных ботов в силе данного ему от вице-адмирала Сенявина повеления заложены быть имеют.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ, 1771 ГОДА ДЕКАБРЯ 27⁷

Адмиралтейств-коллегия имея высочайшее Ея Императорскаго Величества повеление об отмене строением прежде повеленных для крымского полуострова двух кораблей и о построении двух фрегатов, о чем особливое определение в коллегии сделано, взяв во уважение сколь медлительно происходит заготовление на построение для донской флотилии фрегаты мачт и разногласие и великое капитана Висляева работных конных и пеших требование, и для предостережения чтоб не последовало того же и при будущем строении фрегатов, за нужное почла рассмотреть все о построении тех фрегатов производство и расположение, по которому оказалось: в прошлом 769 году декабря 15 числа Ея И.В. данным вице-адмиралу Сенявину указом повелеть соизволила, при отправлении и исполнении всего того, что ему поручено, вырубить на три или четыре фрегата лесу. Во исполнение чего в январе и феврале месяцах 770 года на построение тех фрегатов леса в шиповых, битюцких хворостанских и усманских лесах кроме ветистых прямые деревья отысканы и столько, что на все 4 фрегата набраться могло в одних шиповых лесах; ветистыя, кроме баксовых штук, отысканы в борисоглебских, принадлежащих к рекам Карачану, Хопру и Вороне лесах; почему марта 16 вице-адмиралом Сенявиным в борисоглебские леса для заготовления ветистых деревьев отправлен был флота капитан Тишевский и при нем работных людей 328 человек. Сими людьми к маю месяцу вырублено 2068 дерев. А как в июне месяце именным Ея И.В. указом повелено из тех трех фрегатов построить только два, то все расположение и оставалось к постройке двух фрегатов. Вице-адмирал Сенявин почел за способнее те фрегаты строить при Новохопёрской крепости на реке Хопре разстоянием из того места, где на фрегаты леса заготавлиются в 20 и 30 верстах, и в июле месяце рапортом доносил, что леса приказано им заготавливать на все четыре фрегата все члены, в том числе и прямые деревья, в одних борисоглебских лесах и фрегаты с гондек-палубой сделать к весне 1771 года, дабы при полной воде успеть их доставить к крепости Св. Дмитрия Ростовскаго. Сентября 2 дня он вице-адмирал в коллегию рапортовал, что фрегаты строит (кои как после рапортовано того же месяца 20 числа заложены) и к тому сделано им надлежащее распоряжение, в котором между прочим предписано капитану Тишевскому заготовление под его смотрением леса доставлять на верфь; новопавловской же адмиралтейской конторе отправить к капитану Тишевскому работников; 2) в том же вице-адмирала Сенявина

⁶ Арх. морск. минист. (Журнал адмиралт.-коллегии 1771 года № 3690).

⁷ Арх. морск. минист. (Журнал адмиралт.-коллегии 1771 года № 5260).

на рапорте объявлено, что новопавловской адмиралтейской конторе велено мачты ежели ближе отыскать не могут, то их заготовлять в Шацком уезде, где на новородных суда заготовляемы были, для котораго заготовления по прибытии с мачтовыми деревьями подмастерье немедленно отправлен будет, а по заготовлении отправлять на новохопёрскую верфь к фрегатам. Коллегия, утвердась на том вице-адмирала распоряжении, ожидала непременно по тому исполнению, но против всякого чаяния от 10 числа сентября получен из таганрогской конторы над портом рапорт, коим объявлено, что нагруженные следующими к достроению фрегатов лесами и припасами четыре транспортных судна, будучи отправлены от новохопёрской верфи, за мелководьем в реке Дону остановились, а одно и совсем на сухом берегу стало. О мачтах же через рапорт новопавловской адмиралтейской конторы уведомились, что те мачты только заготовлены в Шацком уезде в разстоянии от села Кирилова проселочною дорогою в 32-х верстах, а от проселочной дороги также не в малом разстоянии и к вывозу оных на проселочную дорогу надлежит делать прямые дороги, чему препятствуют речки, через которыя надо делать мосты, а без того как тогда и зимним путем вывезть не можно; по тягости оных же лесов обывательския повозки поднять не могут и делать особливых колес мастеров не отыскалось и вывезить не на чем; а хотя и делана была проба вывезить на катках, но по дальнем разстоянии и оными вывезть не могли, почему коллегия, видя в том упущение, о скорейшей вывозке в доставлении в надлежащее место тех мачтовых дерев сделала таганрогской и новопавловской конторам накрепчайшее подтверждение и требовано объяснение. Декабря 1 числа получен из правит. сената в адмиралтейскую коллегия указ, при чем приложена с подносимаго Ея И.В. доклада копия с высочайшею информациею о наряде по представлению воронежскаго губернатора, в согласие требования капитана Висленева, для вывоза мачт 150 пароволовых подвод, да для подчистки больших дорог и помощения через болотныя места мостов и гатей пеших работников с топорами 300 человек. Вскоре получен другой правит. сената указ, коим предписано, что капитан Висленев вместо того, чтобы пользоваться тем нарядом, котораго он за довольный полагал, вдруг потребовал 1000 человек работников и 1500 подвод и коих Ея И.В. по настоящей в фрегатах нужде высочайше повелеть соизволила нарядить, включая однако в то число прежде повеленных нарядом; но для чего такое великое число против прежнего требовано представить соизволила особливому разсмотрению; ныне же воронежский губернатор Маслов к вице-президенту сообщил, что павловская контора еще требует о наряде для заготовления в борисоглебских лесах на фрегаты к наличным работным людям в добавок конных 200, пеших 350 человек; но как сие требование иначе почтено быть не может, как делаемое без всякого осмотра, ибо прежде для мачт почитаемо было за довольное 150 пароволовых подвод и 300 человек пеших работников, по наряде 1000 пеших и 1500 конных еще кажется недовольно, и потому от него вице-президента к воронежскому губернатору ответствуется, что на сие никакой резолюции не будет, ибо капитану Висленеву написано, чтоб исполнял последнее наряженными людьми; а сего декабря к 7 числу вывезены будут, а с того числа перевозить к реке Хопёр будут, но не показывает, на сколько фрегатов те мачты заготовлены, да как в рапортах от него показано, что от села Кирилова до реки Вороны, коя впадает в реку Хопёр, 120 верст, то и сие подает сумление в скором доставлении тех мачт на берег, а коллегия все то упущение как в заготовлении мачт и во отправлении потребных для фрегатов припасов относить нерадению и слабости капитана Висленева, и не иначе думать должна, что по той причине и фрегаты принуждены до сих пор задержать в крепости Св. Димитрия; из присланных ведомостей видит, что лесов на последние два фрегата заготовлено очень мало и потому коллегия никакой надежды на капитана Висленева полагать не может и по-

читает за неперменное узнать, отчего продолжение в вырубке мачт и вывозе последовало, на сколько фрегатов заготовляется, к чему столько много требуется работников и для чего на последние два фрегата лес не вывезен, и для того приказали: для познания всего того продолжения и приведения в настоящий порядок к предбудущему строению отправить сюда галерного 1 ранга капитана Пущина, придав ему для употребления по сей комиссии, где нужда требовать будет, капитан-поручика Борисова.

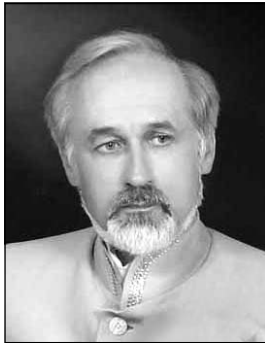
**ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ,
1772 ГОДА ФЕВРАЛЯ 21⁸**

Слушав от вице-адмирала Сенявина рапорта, коим на полученный из коллегии указ о построении по силе именного Ея. И.В. указа по чертежу адмирала Ноульса двух фрегатов объявляет, что те фрегаты положил он строить на новохопёрской верфи, и чтоб с лучшим успехом строение их произведено было, то для смотра за оными так и во всем надобнаго удовольствования туда следовать бывшему на доведенных к азовскому морю фрегатах же флота капитану Тишевскому, представляя при том, что хотя указом построение объявленных фрегатов и велено было произвести на Дону, а по сему и следовало б определить при Новопавловске, где удобность верфи прилежить к реке Осередь и хотя почти при ея оконечности к Дону, но однакож не с довольной ширины по длине фрегата, а при том в шиповых лесах как по прежнему осмотру оказалось нет ветистых дерев и которья, буде бы везти из борисоглебских лесов, то оттуда разстоянием до Новопавловска будет 1710 верст, за каковым дальнем сухопутным перевозом невозможно бы и поспешить построением; для чего и определил то фрегатов построение производить на новохопёрской верфи, ради которых и надобные в корпусы в добавку леса приказал там же доготовить.

---

⁸ Арх. морск. минист. (Журнал адмиралт.-коллегии 1772 года № 844).

Константин Юрьевич Фролов родился в 1956 году в городе Урджар Семипалатинской области. Детство и юность провел в Новохопёрске. Окончил исторический факультет Воронежского педагогического института. Автор и исполнитель собственных песен. Член национального Союза писателей и национального Союза театральных деятелей Украины. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Симферополе (Украина).

Константин Фролов

НЕ ПОСЛЕДНИЕ МЫ И НЕ ПЕРВЫЕ...

* * *

Ради дела, не ради забавы
Начал строиться будущий флот.
Становление сильной державы
Без морских невозможно ворот.

Был тот путь государем намечен,
Вероломным соседям назло.
В тихих заводях маленьких речек
Время новый отсчет повело.

Как жемчужины в царской короне,
На границе российских полей
Две речушки — Хопёр и Воронеж —
Колыбели морских кораблей.

У старинной речной переправы
Поутру беспокойный топор
Разбудил вековые дубравы
И сосновый игольчатый бор.

Лишь взошло золотое светило,
Зазвенела пчела на лугу —
Как запели зубастые пилы
На пологом речном берегу.

Зарождался волнующий образ —
Плод фантазии дерзкой людской.
И шпангоутов толстые ребра
Обрастали сосновой доской.

И, житейской смекалкой богаты,
Корабелы российской земли
В дальний путь снаряжали фрегаты —
Обновленной страны корабли.

ГОЛУБЧИК

Отчего вы, голубчик, в печали?
В чем тоски вашей тайная суть?
«Станислав» и «Владимир» с мечами
Неспроста украшают вам грудь.

Вам ли, сударь, не видеть развязки?
Так довольно хандрить, милый мой!
Нынче армия в Новочеркасске.
Здесь начало дороги домой.

И не важно, что полк меньше роты.
Но у четверти — грудь в орденах!
Эскадрон ваш, блистательный ротмистр,
Сплошь почти в офицерских чинах.

Каждый ведает цену ошибки
И победы пленительный вкус,
Демонстрируя в яростной сшибке
Восхитительный сабельный плюсс!

Ах, голубчик, и мне не до смеху.
И досада срывает слезу.
Нашу Родину предали сверху
И бездарно пропили — внизу.

Оттого против дьявольской силы
Повелел нам семнадцатый год
Поднимать цвет и гордость России,
Как надежды последний оплот.

Кто-то сыщет бессмертную славу,
Кто-то сгинет, поверженный в прах,
Когда лава проходит сквозь лаву
На карьере идущих конях.

Только всплеск угасающей мысли,
Да бездонная ночь, как смола,
Если кто-то — безжалостно быстрый —
Рассекает тебя до седла.

Мы — невольники истинной веры.
Это явь, как она ни горька.
Нашу честь, господа офицеры,
Не увяжешь, как тюк, в торока.

И когда над Россиею тучи
Расползаются, вроде чумы,
Кто-то ж должен вступиться, голубчик!
Ах, голубчик! Ну кто, как не мы?

* * *

Не последние мы и не первые,
Чья судьба на флагштоке полощется.
Нашей кровью, слезами и нервами
Отменялись дурные пророчества.

Вот опять над Россиею мечутся
Ненасытные черные вороны,
Но, как встарь, все невзгоды Отечества
Мы поделим на каждого поровну.

Мы, по сути, обычные смертные,
Только души разлукой изранены,
Охраняем богатства несметные
У державы на самой окраине.

И Жар-птица с волшебными перьями
Нам такого добра не накликает —
Мы ведь солнце приветствуем первыми
У ворот океана Великого.

Наш удел — то бои, то скитания.
И моря наши полнятся бурями.
Что ж ты, Господи, шлешь испытания
Без конца на головушки буйные?

Мы не ропщем, каленые бедами,
Терпеливые, любвеобильные,
Только сами порою не ведаем —
Отчего ж мы такие двужильные?

Нам не нужно ни чина, ни звания,
Нам довольно креста над могилою,
Да в часовне в момент отпевания,
Чтоб всплакнули о нас очи милые.

Чтоб трава зеленела росистая,
Из соцветий немислимых соткана,
Да качалась березка российская
Над угрюмой камчатскою сопкою.

Ольга Лютикова

ЖИВАЯ ВОДА ОТ РАЕВСКИХ

Принята в 1968 году, уволена в связи с уходом на пенсию в 2001 году, — других записей в трудовой книжке учительницы русского языка и литературы Краснянской сельской школы Н.П. Чаплиевой нет. Уроков Надежда Прокофьевна уже не ведет. А вот краеведом и человеком увлеченным она как была, так и осталась. Круг ее интересов широк — эта женщина расскажет вам об истории села и края, о том, какие песни издавна пели здесь, какие обычаи существовали у людей, как и где обитатели слободы Красненькой (так раньше называлось село) работали. Вместе с юными краеведами села Н.П. Чаплиева оформила альбом, в который все эти сведения любовно и аккуратно занесены. На страничке, отведенной винокуренному заводу, приклеена этикетка с винной бутылки, на которой значится: «Ректификованное столовое вино». Вверху — дата: 1882 год. Внизу — адрес производителя: Воронежская губерния Новохопёрского уезда, слобода Красненькая.

Где краеведы нашли этикетку? В доме у одной из жительниц села — ими была оклеена внутренняя сторона крышки сундука. А вот еще одна находка: копии монет (помните — положишь монетку под бумагу и закрасишь сверху карандашом — получается точная копия). Только в нашем слу-

чае монетки вовсе не денежки — это своеобразные пропуска для рабочих Краснянского винокуренного завода. Где отыскиали их? В песке, на котором мальчишки играли в «ножичек». На каждой из «монет» надпись: «5 наследников генерала М.Н. Раевского», или «10 наследников генерала М.Н. Раевского».

Вот, наконец, мы и произнесли эту фамилию...

КОМНАТА ПУШКИНА

Внимательный читатель тут же спросит: позвольте, почему «М. Н.»? Всем читающему люду известно: и Раевский-отец (герой войны 1812 года), и Раевский-сын (тоже немало прославивший Россию) звались Николаями Николаевичами. Более осведомленный читатель добавит: был и еще один Раевский Николай Николаевич — сын Раевского-сына. Все правильно. Надо только добавить, что у Раевского-сына было двое детей: один, действительно, Николай, другой — Михаил. Николай погиб в Сербии, защищая от турок братьев-славян, а вот Михаил всю жизнь прожил в слободе Красненькой. «Монетки», найденные краснянскими краеведами, штамповались по его распоряжению...

Все Раевские нам, потомкам, интересны. О каждом из них можно рассказывать долго, поражаясь, удивляясь,

восхищаясь качествами их ума, души и характера.

Но так случилось, что для Н.П. Чаплиевой главным объектом изучения станет Раевский-сын. Почему? А вот потому как раз, что судьба занесла ее на краснянскую землю. Родилась и выросла она на станции Калмык, училась в Волгограде, а с тех пор, как поселилась вместе с мужем (тоже учителем) в селе Красном, тень Раевского-сына стала просто преследовать ее. До сих пор она привычно связывала жизнь Николая Раевского с полями сражений (каждому литератору известно, что ему было всего одиннадцать лет, когда Раевский-отец впервые взял его на поле боя), с Москвой (где он родился) и Петербургом (там, в Царском Селе, они встречались и говорили обо всем на свете — юный гусар и юный поэт Александр Пушкин!). Еще она знала, что жизнь Раевского была тесно связана с Кавказом: здесь он не только воевал, но и встречался с сосланными декабристами, а после назначения начальником Черноморской береговой линии проявил себя замечательным хозяйственником: основав город Новороссийск, самым серьезным образом занялся здесь сельским хозяйством, заботился о развитии торговли. Кстати, именно на Кавказе, на мостике сада Бахчисарайского дворца, он сделал предложение Анне Михайловне Бороздиной — фрейлине Двора Его Императорского величества, владевшей, в числе многих других, имением в Воронежской губернии. После женитьбы Николай Николаевич получает это имение в приданое, выходит в отставку и становится юридическим владельцем и полноправным хозяином слободы Красненькой. «Получается, — поразила однажды собственному открытию учительнице Чаплиева, — она ходит по тем же улицам, по которым когда-то...»

— Что вы носитесь с этим Раевским! — услышала она в ответ на свои восторги от одного из коллег. — Он же был обыкновенным эксплуататором!

Зато горячую поддержку своей поисковой работе Надежда Прокофьевна по-

лучила от другого учителя — Анны Васильевны Чурсиной. Участница войны, большой эрудит и очень активный человек, она много рассказывала о прошлом села Красного и, разумеется, о Раевских. В частности, именно от нее Чаплиева впервые услышала о комнате Пушкина, которая была в доме Раевских.

— Вот тогда, наверное, я и «заболела» краеведением всерьез, — говорит Надежда Прокофьевна. — И «лекарство» от болезни было только одно — все новые и новые знания о судьбе этой удивительной семьи.

По вечерам, когда дом затихал и семья ложилась спать, у нее начинались «пушкинские чтения» («где Пушкин — там и Раевский», — убедилась она к тому времени). Лотман, Чивилихин, Нечкина, Эйдельман... Редин, Солоухина, Борис Лацилин... Все прочитанное непременно образом проецировалось теперь на село, в котором она жила. Вот Эйдельман цитирует письмо Раевского к Пушкину: «Хороша или плоха будет твоя трагедия, я заранее предвижу огромное значение ее для нашей литературы...» А вот комментарий к письму: «Раевский пишет Пушкину 10 мая 1825 года из Белой Церкви в Михайловское: явно в ответ на прежде полученное, но нам неизвестное письмо Пушкина...» «Боже, — пронзает ее обжигающая мысль. — Ясно, что речь идет о замысле поэмы «Борис Годунов». Но если это ответ «на прежде полученное, но неизвестное письмо Пушкина... Не в той ли тетради в голубом сафьяновом переплете, в комнате Пушкина, хранилось оно?».

О комнате Пушкина она уже слышала и от новохопёрского краеведа Соломинцева, а о бесследно исчезнувшей тетради в голубом сафьяне — с письмами Пушкина! — читала в публикациях урюпинского краеведа Бориса Лацилина...

Еще внимательнее станет она прислушиваться к рассказам старожилов. В итоге сложится версия: последним, кто заходил в барский дом перед его сожжением в двадцатые годы, был местный

священник, у него в руках и видели тетрадь в синем переплете; священник увез книгу в Тамбовскую область, в войну его расстреляли и...

К сожалению, нить поиска на этом пока оборвалась. Насколько правдоподобна данная версия? Если учесть, что ее подтверждала и учительница Анна Васильевна Чурсина, матерью которой была стряпуха Раевских, а отцом — сельский фельдшер, то — как же не верить?..

Легковерная женщина ваша Надежда Прокофьевна, — скажете вы. И ошибетесь. Вот вам подтверждение. Читая однажды газетную публикацию воронежского краеведа В.В. Чирикова, Надежда Прокофьевна была сражена утверждением: Пушкин был в Красном! Ах, как бы ей хотелось, чтобы это было именно так! Но... К тому времени она уже состояла в переписке с некоторыми из московских и питерских пушкиноведов, — никто из них этой версии не подтверждал. Будучи в Воронеже, встретилась с профессором Георгием Антюхиным. Еще раз проанализировав ситуацию, они пришли к выводу: горячится автор, выдает желаемое за действительное. Достаточно сравнить две даты: Пушкин был убит на дуэли в тридцать седьмом, а Раевский женился на А.М. Бороздиной в тридцать девятом. Значит, встреча друзей в слободе Красненькой — исключена.

Можно было предположить, что Пушкин — в более ранние годы — приезжал к Анне Михайловне Бороздиной. Потому что они были знакомы, конечно. Пушкиноведам известно, например, о встрече поэта с Бороздиной на одном из светских «мероприятий» в Одессе, которую обычно описывают так: «Пушкин приехал рано, осмотрелся — никого; дернул плечами и сказал: «Одна Анка рыжая, да и ту ненавижу я»...

Рыжая Анка, как истинная аристократка, не обиделась на шуточный эксперимент. А впоследствии, как женщина просвещенная, поняла все великое значение «солнца русской поэзии»: комната Пушкина в слободе Красненькой, в

барском доме, была оборудована по ее инициативе. Вот только Пушкин здесь никогда не бывал, — пришла к заключению краевед Чаплиева. Иначе — был бы хоть какой-то отголосок в трудах пушкиноведов, знающих, кажется, о каждой минуте жизни поэта. Иначе что-нибудь, да осталось бы в памяти старых жителей села, которые были не в пример памятьливее нас.

...В 1976 году супруги Чаплиевы рыли траншею, проводили в дом водопровод. Вдруг лопата ударилась о что-то твердое. Покопали еще, пригляделись и поняли: это тоже фундамент строения, которого уже нет. «От туточки он и стоял — господский дом», — заметила проходящая мимо старушка...

ЗНАК ПАМЯТИ

Николай Николаевич Раевский-сын умер, к сожалению, в довольно молодом возрасте — 42-х лет. Анна Михайловна осталась одна с двумя малолетними детьми на руках. Замуж она больше не пошла: растила сыновей, всерьез занималась археологией (являлась действительным членом-корреспондентом Московского археологического общества и еще целого ряда обществ), собирала коллекцию костюмов народов России (и подарила ее одному из московских музеев), профинансировала австралийское путешествие Миклухо-Маклая...

Скончалась она в Петербурге в декабре 1883 года.

Старожилы села Наталья Васильевна Ткачева и Алексей Васильевич Михеев не один раз рассказывали Н.П. Чаплиевой, что, когда были детьми, частенько играли в детстве возле склепа, находившегося в церкви Архангела Гавриила (до революции в слободе Красненькой было три храма). Проходившие мимо старики окорачивали детей: «Тут похоронен Раевский, нельзя здесь играть...».

В двадцатых годах деревянная церковь была сожжена; склеп оказался под открытым небом. Ребятишки советского времени пошли еще дальше: они играли

уже не возле — забрались в сам склеп. Надежда Прокофьевна рассказывает:

— Иду однажды на речку, а навстречу дети: «Надежда Прокофьевна, мы кости нашли!» «Где?» «В склепе». Я подошла. Смотрю: действительно человеческие кости. И кусочки дерева. И кусочки ткани — парчи цвета морской волны. Боже, какое потрясение испытала я... Конечно, велела ребятам все вернуть на место. И с тех пор думала только об одном: почему мы такие варвары? До каких пор место захоронения великого сына России будет местом детских игр и забав?..

Свое смятение, свои мысли на этот счет она высказала на одном из совещаний краеведов. Они не остались незамеченными: вскоре райком партии (это было как раз в предшествующие перестройке годы) откомандировал директора краеведческого музея Р.А. Дробышеву в поездку в Москву. Раиса Алексеевна, поработав в библиотеке имени Ленина, привезла подтверждение: да, Николай Николаевич Раевский-сын «погре-

бен в слободе Красненькая Новохопёрского уезда Воронежской области» (архив Раевских, т. 5, стр. 193).

После этого началась работа по установлению на месте захоронения Памятного знака. К делу подключился фонд культуры России. Большую роль здесь сыграл бывший начальник Управления Минпищепрома СССР, отец которого долгое время работал директором Красноярского спиртзавода, Николай Сергеевич Терновский: подключив к делу спиртовиков страны, он скоординировал материальные средства и человеческие усилия; в результате в 1995 году в самом центре Красного, на высоком холме, где когда-то стояла церковь Архангела Михаила со склепом Раевского, был установлен камень из карельского лабрадора с надписью: «Установлен в память генерал-лейтенанта Раевского Н.Н. (младшего), друга Пышкина А.С. и декабристов, основателя г. Новороссииска, почетного гражданина г. Новохопёрска. 14.9.1801 — 24.7.1843. От фонда культуры России».

Памятный камень на месте захоронения Раевского-сына

Память одного из благороднейших сынов России наконец-то была увековечена. А заслуга Чаплиевой отмечена благодарственным письмом из российского фонда культуры за подпись его председателя Никиты Михалкова, где, в числе других, есть и такие строки: «Уважаемая Надежда Прокофьевна! Российский фонд культуры благодарит Вас за неравнодушное, заинтересованное отношение к нашему прошлому, к памяти тех, кто является гордостью нации...».

ЖИВАЯ ВОДА ОТ РАЕВСКИХ

Ну, а теперь по поводу того, что осталось от Раевских на краснянской земле. Фундамент разрушенного строения, на котором стоит теперь дом Чаплиевой — это, строго говоря, дом, в котором жили господские приказчики. Сами же господа жили в Калиновской роще. Время разделило то, что раньше казалось неделимым и таким близким: сейчас село Красное и поселок Калиново относятся к разным сельским администрациям, и чтобы добраться из Красно-го в Калиново на машине по асфальту, надо проехать больше десятка километров. А когда-то путь был прямым — и составлял всего три километра. Раевские преодолевали его на конном транспорте.

...Первое, что мы увидели в поселке, приехав сюда — было как раз здание конюшни. Ну, не хочется называть его помещением, — так красиво, так внушительно, так впечатляюще оно! А ведь строилось — полтора с лишком века

назад. Многие постройки советского периода уже жить приказали, а конюшня Раевских — целым-целехонька, и долгое время служила местному профессионально-техническому училищу надежным складом. Неподалеку от него — бывшая шорня. И тоже не в праздности: здесь живут люди. Старожилы поселка Виктор Федорович Николаенко и его супруга Таисия Алексеевна рассказывают:

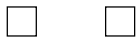
— Мы тоже там начинали жить. И первое, что увидели, когда вошли — столбы, на которых когда-то висели хомуты и прочая конская сбруя.

Супруги Николаенко рассказывают о бывшем барском саде, который тоже за-стали («правда, он уже хиреть начал, никто за ним не ухаживал — в те поры в поселке разводили шелкопрядного червя), а еще Виктор Федорович вспоминал о вымощенной булыжником дороге к Шилову озеру — «У Раевских там купальня была, вот они и вымостили дорогу. Я по ней мальчишкой на рыбалку бегал, эту дорогу и сейчас местами видно».

Народу в поселке сейчас живет немало — не более двух десятков человек, и все они ходят за водой к водонапорной башне — «водокачке» — тоже когда-то сложенной Раевскими.

Подшли к этой башне и мы. Поразились, опять же, красивой кладке (сейчас хозяйственные постройки так не делают), напились воды. Надежда Прокофьевна сказала вдруг задумчиво:

— А ведь мы пьем воду от Раевских. И после недолгого молчания добавила: — Живую воду...

Нина Листопадова

ВСЕГО ТРИ ЛЕТА

(Сергей Рахманинов в селе Красном)

Краснянская земля помнит и еще одного великого человека — Сергея Васильевича Рахманинова. В селе Красном он провел три лета — 1899-го, 1900-го, 1901-го годов.

Наша собеседница вновь — Н.П. Чаплиева.

— Еще при жизни его называли «королем звуков», «лучшим пианистом мира», «выдающимся композитором и дирижером». Этот человек прожил долгую и богатую всякого рода событиями жизнь. Родился в 1873 году на новгородской земле, жил... где только он ни жил: в Москве, Петербурге, Соединенных Штатах Америки, Германии, Франции, Швейцарии... Надежда Прокофьевна, ну что значат в этом потоке всего три лета?

— Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. Итак, в первый раз Сергей Васильевич Рахманинов приехал в Красненькое в 1899 году. Ему — всего 26 лет, он не женат, и он уже автор нескольких музыкальных произведений, за его плечами дирижерская работа в Русской частной опере, поездка в Петербург на пушкинские торжества, во время которых была исполнена его опера «Алеко» с Шаляпиным в главной роли. Он уже побывал с концертной программой за границей. Но к этому времени он успел

пережить и сильнейшую душевную драму — весной 1897 года на одном из концертов в Петербурге была исполнена его Первая симфония, которая не понравилась ни публике, ни критике. Вот таким он и появился в слободе Красненькой: с одной стороны — избранник судьбы, избалованный чередой успехов, с другой — навывлет раненный душевным потрясением, из которого выходил с помощью доктора-психиатра.

— И что же — пребывание в имении Красненьком пошло композитору на пользу?

— Еще как пошло! Приглашение погостить в нем он получил от семьи управляющего имением Юлия Ивановича Крейцера. У Крейцера была дочь — Елена Юльевна. С малых лет, как тогда было принято в состоятельных семьях, она играла на пианино. Играла неплохо, но хотелось — еще лучше. Зимой семья (мать и дети) проживала в Москве, и кто же не знал здесь молодого талантливого музыканта Рахманинова! А поскольку в свои молодые годы Сергей Васильевич сильно нуждался, то и зарабатывал на жизнь уроками. Разумеется, это ему не очень нравилось (а точнее — очень не нравилось!), но — куда ж было деваться? Словом, предложение Крейцеров заниматься с дочерью он принял. Занятия начались еще в Москве, а на лето Крейцеры собирались ехать, как обычно, в

Сергей Васильевич Рахманинов

Красненькое. Рахманинов до сей поры проводил лето у своих родственников Сатиных, в деревне Ивановка Тамбовской губернии. Там собиралось обычно очень много гостей, как взрослых, так и детей, которые гостили здесь месяцами, — словом, для занятий творчеством это была очень неподходящая обстановка. Ученица композитора писала в своих воспоминаниях: «Условия жизни в Ивановке и Красненьком были совершенно противоположные. Там — огромное общество, у нас — очень маленькая семья; там — два перенаселенных дома, у нас — огромный дом, в котором наша семья терялась совсем»... Надо еще добавить, что и с одной, и с другой стороны этот дом окружал сад. Недалеко была речка. За рекой — луга и поля...

— **И как же протекала жизнь в этом райском уголке — тогда, в самом конце девятнадцатого века?**

— Распорядок дня в доме Крейцеров был самый строгий: в половине девято-

го — утренний чай и завтрак, в час дня — обед, в половине пятого — опять чай, вечером ужин. Зато в перерыве между этим — полная свобода! Рахманинов, по словам той же Елены Крейцер, использовал ее так: поднимался рано, время до завтрака отводил занятиям, а с девяти до одиннадцати — упражнениям на фортепьяно. К его приезде из воронежского музыкального магазина «Эхо» был выписан рояль фирмы «Шредер», на котором в Воронеже играли заезжие знаменитости...

Именно здесь, в Красненьком, после длительного творческого перерыва, связанного с неудачей Первого концерта, Рахманинов снова начал сочинять музыку.

— **Что же именно он написал на краснянской земле?**

— Романс на текст Апухтина «Судьба», полушуточный хор «Пантелей-целитель». Премьера этих музыкальных произведений состоялась на... опушке

Калиновского леса. Исполнителями были сам Рахманинов, Елена Крейцер и ее брат Макс, а также гостившая в Красненьком Наталья Сатина — будущая жена композитора.

Елена и Наталья были задушевными подругами. В Красненьком располагалась огромная библиотека, — здесь они и отыскивали стихотворные тексты для будущих романсов Рахманинова. Однажды к ним присоединился и сам композитор. И знаете, что из этого получилось? Отыскав замечательное стихотворение Вяземского «Эперне», он несколько изменил его слова, в результате чего возник шуточный романс, посвященный Наталье Сатиной...

Но главное музыкальное произведение, которое Рахманинов начал писать на краснянской земле, был, несомненно, его Второй концерт. Вы знаете, я человек немзыкальный. Но в этом концерте, кажется, чувствую каждую нотку... Начинается он со звона колоколов. И вдохновили композитора наши, Краснянские, колокола! До революции в Красненьком было три церкви, — представляете, какой чудесный перезвон стоял здесь в православные праздники! И разве мог остаться равнодушным к ним человек с уникальным музыкальным слухом?!

Необыкновенна, на мой взгляд, и вся остальная музыкальная «ткань» концерта. Каждый раз, когда слушаю его, вижу окружающие Красное заливные луга и бескрайние поля, чувствую, кажется, саму душу народа. Не случайно ведь Второй концерт — многие годы подряд — звучал по телевидению накануне и после парада Победы. Значит, эта музыка — олицетворение мощи и силы, непобедимого духа русского народа...

— Надежда Прокофьевна, все, что вы рассказываете, необыкновенно интересно. Но читателя наверняка интересует не только Рахманинов-композитор, но и Рахманинов-человек. Чем же еще, кроме музицирования и сочинительства, занимался Сергей Васильевич в Красненьком?

— Ездил на охоту. Сохранилась фо-

тография, на которой композитор запечатлен вместе с краснянскими мужиками-охотниками: в то время в Прихотье водилось много волков, и на них устраивались регулярные облавы.

Катался на лодке — она называлась «Мусенька».

Ходил на рыбалку. Та же Елена Крейцер, в замужестве — Жуковская, пишет в воспоминаниях, что с дочкой Сергей Васильевич простаивал подолгу, вот только улов почти всегда бывал незначительный... Как говорится — каждому свое!

Еще краснянский гость ходил купаться на Савалу, — здесь была купальня (по-местному — купалка) Крейцеров. Надо сказать, что по натуре Рахманинов был человеком малоразговорчивым, и если в дом приходил кто-то из посторонних, обычно старался «слинять». Но с людьми близкими бывал открыт, весел, общителен. Во дворе у Крейцеров стоял небольшой домик — здесь жил и принимал пациентов фельдшер Семен Павлович Богатырев. С ним Рахманинов общался охотно. А в «подмастерьях» у Богатырева состоял молодой человек Василий Горин — этот даже ходил с Рахманиновым купаться. Во время одного из купаний с руки композитора соскользнуло кольцо и — пропало навеки... Об этом эпизоде я слышала от самого Василия Павловича Горина (он ведь жил очень долго, и умер где-то в восьмидесятые годы), а поэт Виктор Белов написал по этому поводу стихи:

Второй уж век,
Сухой, как корень,
Почал мой друг,
А грусти нет.
— Еще,
Василь Петрович Горин,
Желаю здравствовать сто лет!
Кто повторит его приметы
И все запомнит хорошо?
Он по крутым тропинкам этим
Мальцом с Рахманиновым шел...

— Возвращаясь к нашему первому вопросу, можно сказать, что пребывание на краснянской земле действительно оказалось для Рахманинова благотворным.

— Именно так! В письме, написанном после возвращения из Красненького осенью 1899 года, Соня, сестра Натальи Сатиной, пишет в Красненькое: «Сережа, по моему, очень поправился, и вид у него хороший». И чуть дальше: «Сережа просит вам всем кланяться и передать, что очень скучает по воле и покою Красненького». Так и вспоминается пушкинское: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»...

— Вот и опять мы произнесли эту фамилию — Пушкин, и опять невольно вспомнили о хозяевах имения — Раевских. Надежда Прокофьевна, я посчитала: Рахманинов приехал в имение через полвека после того, как умер Николай Николаевич и всего шестнадцать лет спустя после того, как не стало Анны Михайловны Бороздиной. Еще стояла на своем месте церковь Архангела Гавриила со склепом у алтаря. Наверняка, гость имения приходил поклониться памяти его бывших хозяев...

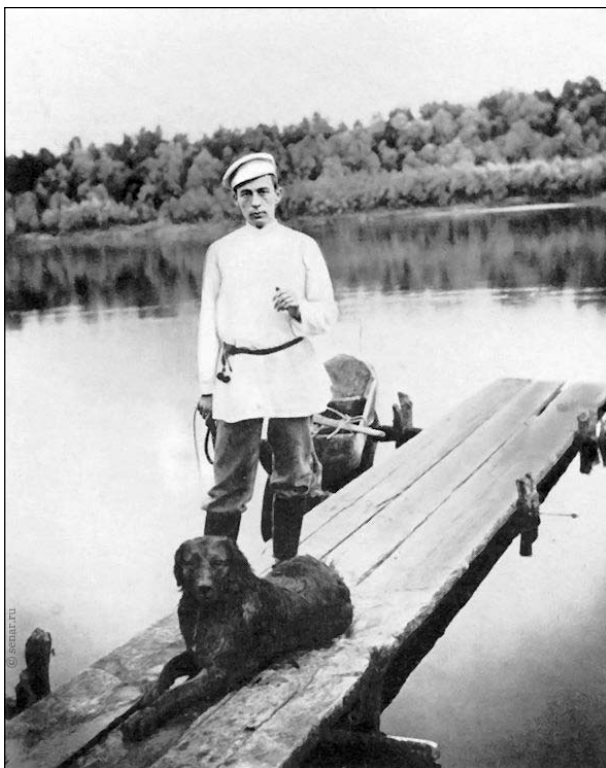
— И не просто хозяев, но и... родственников.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что жизнь будет идти своим чередом, и в свое

В.А. Сатин, С.В. Рахманинов,
Н.А. Сатина, Е.Ю. Крейцер,
С.А. Сатина (стоит)
на отдыхе в имении
Красненькое летом 1899 года

С.В. Рахманинов
со своей собакой Левко
на мостках у реки Хопёр
близ имения Красненькое.
1899 год.

время у Рахманинова родятся две дочери — Ирина и Татьяна, и старшая дочь станет женой сына Марии Николаевны Волконской, в девичестве — Раевской, родной сестры Николая Николаевича младшего. Плодом этого брака станет дочь Софинька, которую Рахманинов очень любил.

Внучка родилась уже за границей... Вы же знаете: в 1917 году Рахманинов уехал на гастроль за рубеж и домой уже не вернулся. Жизнь русского музыканта складывалась там более чем успешно: «первый пианист мира» выступал в лучших концертных залах Америки и Европы, построил в Швейцарии большой и уютный дом — «Сенар» (название образовано от «Сергей и Наталья Рахманиновы»). Но он постоянно тосковал по Родине. Елена Крейцер пишет в своих воспоминаниях: «Разлука с родиной была незаживающей раной в его душе». А в своих интервью прессе Рахманинов неизменно подчеркивал: «Я — русский композитор... Моя музыка — это плод моего характера, и потому это русская музыка». Словом, он не только не отрекся от Родины, но всячески подчеркивал свою принадлежность ей. За границей он помогал многим из русских, например, Ивану Алексеевичу Бунину, а когда началась Великая Отечественная война, не раз передавал гонорары от своих концертов в помощь Красной Армии.

— Как же дорого для нас должно быть все, что напоминает о Сергее Васильевиче Рахманинове... Наши соседи — тамбовцы — в бывшем имении Сатиных, в деревне Ивановке, создали Дом-музей Рахманинова. А в Красном, Надежда Прокофьевна? Напоминает ли здесь что-нибудь о Рахманинове?

— Увы — почти ничего... Дом, в котором жили Крейцеры и гостил Рахманинов, после революции разгромили и разнесли по кусочкам. В нашей школе работал учитель, который мальчишкой тоже принимал в этом участие. Я спросила его однажды: зачем? В ответ услышала: «А то вы не знаете? «Мы наш, мы новый мир построим»...

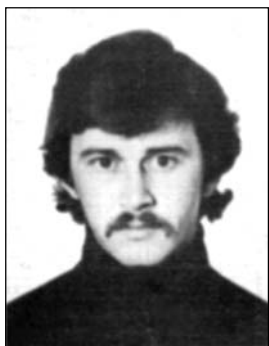
В Калиновском лесу сохранилось дерево, напоминающее лиру, под которым молодые Рахманинов, Елена Крейцер и Наталья Сатина распевали его романсы — оно почти засохло. Долго стоял дуб на берегу Савалы, под которым Рахманинов любил слушать лягушачьи концерты (я сама под ним не раз сидела), — сейчас его нет. А уж какое душевное было место! Сидишь под дубом и видишь: вот кошка среди травы крадется... вот стрекоза села на кувшинку... А вот... русалка! Да-да, однажды я увидела выходящую из воды длинноволосую, с пышными формами русалку. Пригласившись получше, узнала: да это же наш сельский доктор Нина Лаврентьевна Акимкина! В селе ее любили и за то, что хорошо лечила, и за то, что хозяйственная была отменная: ныне существующая амбулатория строилась под ее руководством. Вторым ее мужем был Павел Петрович Ищенко. Тоже был хороший «хозяйственник»... На территории их огорода располагался домик — тот самый, фельдшерский, что стоял еще при Раевских и в котором работал фельдшер Богатырев и его помощник Василий Горин. Однажды хозяин пригнал бульдозер, да и столкнул домик в Савалу...

— Нам придется заканчивать наше интервью на такой вот грустной ноте?

— Давайте его закончим так. Однажды я задала Василию Петровичу Горину «провокационный» вопрос: «Василий Петрович, а нужен ли нам сейчас Рахманинов с его музыкой?»

Знаете, что он ответил? «Я вырос в крестьянской семье. Мы по будням ели кашу редку, а по праздникам — кашу густу. Зато в каждом доме музыкальный инструмент был — без музыки люди жизни себе не представляли.

А что касается конкретно Рахманинова... «Играет в Красненьком, а слышно по всей России» — это было сказано как раз про него. Добавить тут можно только одно: не только по России — по всему миру музыка Рахманинова слышна. И мы можем гордиться тем, что отдельные ее ноты родились на краснянской земле.

Александр Александрович Самохин (1956 – 2003) родился в Кисловодске Ставропольского края. Учился в Новохопёрской школе искусств. Публиковался в районной газете. Автор сборника стихотворений «Короткое счастье», изданного в Москве в 1999 году.

Александр Самохин

КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

* * *

Мне снился сон, довольно странный.
Передо мной — огромный зал,
И я, склонясь над фортепьяно,
Этюд классический играл.
И бархат сцены с теплой пылью,
И люстры приглушенный свет...
Мне снился сон, который былою
Когда-то был! А может, нет?!
Менялся темп. Бурлили звуки.
Этюд на клавишах плясал...
Вдруг кто-то сталью мне связал
Мои танцующие руки.
Какой нелепый, страшный сон!
Щелчок наручников на теле...
То Брамс звучит, то Мендельсон...
То — зал! То — рухнувшие ели...
Прощай, маэстро Ференц Лист!
Прости, Бетховена соната!
Со сцены в зал рецидивист
Шагнул, как зебра, полосатый.
Шагнул в поток аплодисментов,
С букетом белоснежных роз...
...— В колонну! По два! —
В форме кем-то
Был брошен крик, как вбитый гвоздь.
А сон все мучит и кружит,
Все ворошит и ворошит...
И, горло сжав собой потуже,
Он впился в стон моей души...

Мне снился сон.
Был век двадцатый.
Такой мажорный, в общем, век.
И шел в колонне зек проклятый,
И харкал кровью в грязный снег.
Рассвет ворвался слишком рано.
Росу лучами звезды пьют...
Пила вошла в фортепиано,
Топор — в классический этюд!
В моренах древнего Урала,
В болотной хляби снился зал,
Где пианист с лесоповала
Этюд в наручниках играл!

ПОСЕЛОК ЧАРЫ

Влезший по пояс в болото поселок,
Кучка обшарпанных маленьких домиков —
Словно от мира отбитый осколок...
Край надзирателей. Край уголовников.
Лунное кружево бродит по кочкам,
Словно мертвец, порождение мистики,
Смотрит в окно, пробегает по строчкам,
А карандаш все царапает листики.
Много деревьев. Всё сосны да ели,
Пней от которых все больше становится.
Все здесь друг другу давно надоели,
Каждый украдкой судьбе своей молится.
Где-то пылятся у женщин наряды
В старых шкафах... Даже если оденешься —
Некуда! Негде (однажды хотя бы
Всех ослепить...), никуда тут не денешься!
Богом забытый и проклятый, что ли,
Этот поселок с задушенным будущим?!
Господи! Дай мне добраться до воли!
Не оставляй в этом крае ча-ру-ю-щем!!!

* * *

Ах, как здорово солнышко светит с утра!
Ах, как небо швыряется синью бездонной!
Все прекрасней и ярче, чем было вчера,
Потому что сегодня прощаюсь я с зоной!
Ах, как ласково машут мне веточки вслед,
А клубочек тропинки зовет от забора...
И в груди торопливый разбег кастаньет —
Это сердце, свобода бушует в котором!
А потом, в учащенном дыханье колес,
Из купе, что есть мочи к стеклу прижимаясь,

В убегающий лес, сквозь непрошенность слез,
Я смотрю, умирая и снова рождаясь!
Этот день... он такой — самый лучший из дней!
Так какого же черта я плачу безмолвно?!
Убежав от закрытых за мною дверей,
Слышу, будто мне в спину оскалилась зона.
Отпусти! Не преследуй по шпалам меня!
И не лезь в мои сны! Не хочу я, ей-богу!
...И не вижу, как льется, лучами звеня,
Истекающий кровью закат на дорогу.

* * *

Я вернусь в городок незаметно однажды,
Поезд сбросит меня на невзрачный перрон...
Здравствуй, с добрыми окнами одноэтажье!
Здравствуй, все-таки сбывшийся сон!
Городок, городок, без гремящих трамваев,
Без безумной толпы возле каждых дверей.
Городок, все прощая, меня принимает,
Улыбаясь глазами своих фонарей.
Здравствуй, юности след...
Здравствуй, улица детства...
Здравствуй, время ошибок, забытых почти...
Защемило в груди, возле самого сердца,
Что-то грустное очень со словом «Прости».
Сколько лет я здесь не был, и лишь почтальоны
Помогали мне память сберечь о тебе,
Городок над рекой, где до боли знакомы,
Все тропинки твои: от судьбы и к судьбе.
Я вернулся в провинцию не из столицы...
Городок, ты отвергнуть меня не спеши!
Дай умыться росой, дай рассвета напиться,
Куполам поклониться твоим разреши.
Разреши, городок, убежав от перрона,
В теплоте твоих улиц забыться чуть-чуть.
Разреши не сдержат подкатившего стона...
И просроченный долг разреши мне вернуть!

* * *

Когда мне грустно и когда в окно
Стучится тихо звездочка из мрака,
Я пью неповторимое вино
Стихов Берггольц и прозы Пастернака.
Когда камин, уставший от огня,
Вздохнет, а бой часов нарушит дрему,
Тогда страницы трогают меня,
А сон спешит к кому-нибудь другому.
И с книжных полок падают тогда
Глубокой ночью вдруг героев тени,

Я забываю время навсегда
И забираю всех их на колени.
И мы бредем в пространстве, вне эпох,
В каком-то незнакомом измеренье
(Часы остановились после трех!)...
И лишь рассвет приносит отрезвление.
Уходит молча тут же тишина,
Бегут на полку книжные скитальцы.
И проникают вдруг из-за окна
Зари наманикюренные пальцы.
А я не рад.
Мне ночь милее дня...
И буду ждать ее рожденья снова,
Чтоб пьяного Булгаковым, меня
Душили слезы... после Гумилева...

* * *

Счастье... Зачем ты такое короткое?
Горсточка дней и ночей...
Лунного света касание робкое
Милой улыбки твоей.
Легкая дрожь...
И ладоней блуждание,
Блеск понимающих глаз,
И затаившееся ожидание
Новой разлуки для нас.
Счастье... Зачем ты такое упрямое,
С грустной каемкой вокруг?
Терпкой черемухи облако пьяное,
Замкнутый, проклятый круг!
Горек, увы, поцелуй всепрощающий,
Поздно искать и менять...
Плач и печаль журавлей улетающих
Не покидают опять.
Счастье... Зачем ты такое несмелое —
В несколько ласковых строк,
После которых судьба черно-белая
Мне преподносит урок.

* * *

Унеси меня, ветер, куда-нибудь прочь от сомнений,
Остуди мою душу, сорвавшийся вниз снегопад...
Голубая поэмка, будь гостьей моих сновидений,
Чтоб, проснувшись, я брел за тобой, как всегда, наугад.
Золотая звезда, ты не падай с небес на дорогу,
Все равно не смогу я желанье свое загадать.
Я по лунной тропе, сомневаясь, но все-таки — к Богу.
Не мешайте мне, люди, оставшийся путь дошагать.

Вот и году — конец, он уже на последнем дыханье...
Ну, а что же потом? А потом, как всегда, Новый год.
Будут мысли скрипеть, отупевшие от ожидания,
И на кухнях своих будет думать о чем-то народ.
Невеселых стихов расшвырял я куплеты повсюду,
Но поверьте, ничем никого не хотел огорчать,
Просто шел не туда, напорвшись опять на Иуду,
Вот поэтому вам продолжаю об этом кричать.
Унеси меня, ветер, куда-нибудь прочь от сомнений.
Остуди мою душу, сорвавшийся вниз снегопад.
Знает каждый из нас, что прощенье, вонзаясь в колени,
Обжигает огнем, отраженным от света лампад!..

Елена Печенюк

ОТ БОЛЬШОЙ ГЛУШИЦЫ ДО КРУТОГО ЯРА

(Хопёрский природный заповедник)

Хопёрский заповедник — не просто территория, не просто уникальный естественно-природный уголок России, это — часть национального исторического и духовного богатства, без которого трудно было бы понять своеобразие и полноту русской души. Давно известно, что какова природа вокруг нас, таков и наш дух. И что бы ни говорили о губительности масштабных деяний человека на состояние окружающей среды, о пагубности их последствий, все-таки природа в этом незримом цивилизационном «поединке», к счастью, пока еще сильнее нас, а ее влияние созидательно, благотворно и чисто. Хопёрский заповедник — как раз один из таких активных природных объектов, к естеству которого хочется прильнуть сердцем, чтобы почувствовать первородное единение всего сущего на Земле.

Познакомиться с заповедником можно, проплыв на байдарках по Хопру, побывав на экскурсионных маршрутах в лесных урочищах. Наконец, взять в руки фотоаппарат и снять понравившиеся уголки в различные времена года. Однако мы предлагаем совершить необычную, журнальную экскурсию по заповеднику. Сделаем мы это с помощью кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника Хопёрского государственного природного заповедника Елены Валенти-

новны Печенюк. В путешествии отправимся сразу в двух пространственно-временных направлениях, чтобы с заповедных тропок истории свернуть на тропки настоящие — с птичьими трелями, паутинками на просеках, с зарослями трав и деревьев, с бобрами и выхухолью в озерах, с сусями, кабанами и даже волками в лесах...

Хопёрский заповедник создан 10 февраля 1935 года. Основанием для его образования послужило постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 февраля 1934 года. В этом документе предлагалось «... взять на учет в течение 1934 г. все водоемы на территории РСФСР, в которых водится выхухоль, и в целях сохранения генетических фондов в системах указанных водоемов выделить в них заповедные участки на выхухоль...» Перед заповедником стояла цель обеспечить «сохранение и накопление генетических запасов выхухоли и заселение ею водоемов на территории РСФСР, а также сохранение других хозяйственно-ценных объектов охотничье-промысловой фауны...»

Летописи, архивные документы, старые публикации позволяют представить состояние природы будущего заповедника в XVII-XIX веках. В XVII веке по Хопру лоси и бобры еще были промысловыми видами: местные крестьяне платили оброк за «бобровые гоны» и «лосиные стойла». Жили в

Хопёрских лесах кабаны и косули. В архивных записях упоминались «свинные логова» и «козлиные стойла». Развитие кораблестроения на Хопре сопровождалось притоком населения и значительными вырубками лесов.

Описание природы окрестностей Новохопёрской крепости оставил проживавший в ней в июле-августе 1769 года участник экспедиции Академии наук, путешественник И. Гюльденштедт. В его рабочих тетрадях самые разные записи: о пойменном лесе по левобережью Хопра и об открытой равнине восточнее; о чистой воде, медленном течении и мелководности Хопра, который засушливым летом 1769 года во многих местах можно было перейти вброд; о многочисленных озерах в пойме, о сазанах и сомах, которые здесь «... достигают такой величины, что могут забрать в пасть ногу плывущего ребенка». Ученый привел список древесных и травянистых растений, указал на преобладание дуба и большом урожае желудей. Писал он также о зарастании озер кувшинками и кубышками, впервые нашел в одном из болот под самой крепостью редкий южный плавающий папоротник сальвинию. Гюльденштедт указал птиц, те-

перь почти исчезнувших: скопу, кулика-сорочу, дрофу. В середине XVIII века обитали рядом с крепостью сурок-байбак, слепыш, хомяки, куницы, горностаи, барсуки. «Говорят, лет двадцать тому назад попадались дикие лошади и козы (косули), но теперь их совсем не видно», — писал И. Гюльденштедт.

В середине XIX в. издана книга «Материалы для географии и статистики России», в которой указана заболоченность левобережной поймы Хопра, насаждения черной ольхи по болотам, мелководность реки — по Хопру в межень не было судоходства, а весенний сплав судов затрудняли мельничные плотины: суда проходили по Хопру поверх затопленных половецких плотин.

Лесная пойма, заливаемая весенними паводками, большое число разнообразных пойменных озер — наилучшие условия для обитания русской выхухоль — эндемика Европейской части России. Представители рода «выхухоль» появились в миоцене (25 млн. лет назад), но большинство из них вымерли более 1 млн. лет тому назад. Ископаемые остатки вида, близкого современной русской выхухоль, известны из отложений начала ледникового периода. В на-

Черноольшаник

стоящее время естественная область распространения превратилась в изолированные очаги обитания вида в бассейнах рек Дона, Волги, Урала. Численность русской выхухолы постоянно сокращается, в том числе и в Хопёрском заповеднике.

В 1892 году в России был принят закон, который обязывал защищать выхухоль, запретив ее добычу в период размножения с 1 марта по 29 июня. В наше время русская выхухоль охраняется Бернской конвенцией (1979 г.); внесена в Красную книгу СССР (1984 г.); Красный список Европы (1992 г.); МСОП (2000 г.) и Красную книгу Российской Федерации (2001 г.). Зоолог и писатель Л.Л. Семаго писал: «... выхухоль — национальное достояние, и может быть поставлена по значимости для науки на один уровень с новозеландской гаттерией».

За 75 лет существования заповедника задачи его менялись. В настоящее время основными целями деятельности Хопёрского заповедника являются сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем.

Основателями научных исследований природы Хопёрского заповедника были супруги В.П. и С.А. Красовские. Владимир Павлович изучал экологию русской выхухолы в природе и начал изучение выхухолы в неволе, защитил впоследствии кандидатскую диссертацию. Софья Ароновна Красовская составила первый список растений заповедника, исследовала растительные корма русской выхухолы, высшую водную растительность и в течение 16 лет изучала зарастание нескольких пойменных озер. С 1938-го по 1952 год зоологом И.В. Измайловым проведена первая инвентаризация фауны птиц (183 вида) и млекопитающих (35 видов). К настоящему времени число видов млекопитающих увеличилось до 45, а птиц — до 226 видов. Во время Великой Отечественной войны гидробиолог К.И. Шурыгина провела инвентаризацию пойменных водоемов, составила карты их зарастания и мест размещения нор выхухолы. Ботаник В.Д. Александрова обследовала наземную растительность и сделала геоботаническую кар-

ту заповедника. Тогда же была учеными проведена первая инструментальная съемка пойменных озер.

В послевоенные годы в заповеднике продолжали работать В.П. и С.А. Красовские, изучал бобра Ю.В. Дьяков, заповедник начал отлов бобров на расселение в другие регионы. Численность бобра колеблется, в последние годы в заповеднике обитает 300-400 бобров. С 1961-го по 1966 год Хопёрский заповедник являлся филиалом Воронежского государственного заповедника, научные работы были сокращены, а с 1966 года возобновлены в полном объеме.

С 1970-х годов научные исследования велись по следующим направлениям: изучение устойчивости различных типов лесов, гидрологического режима поверхностных и грунтовых вод (В.И. Бирюков); бонитировка угодий выхухолы, зарастание водоемов, динамика высшей водной флоры и растительности (Е.В. Печенюк). Сотрудниками Ботанического института АН СССР проведена инвентаризация флоры Хопёрского заповедника, которая служит примером исследования и анализа флор других заповедников (докт. биол. наук Н.Н. Цвелев). Изучена динамика лугов различных типов и влияние сенокосения на видовой состав растительности (докт. биол. наук Ю.В. Титов, сотрудник заповедника Е.С. Нескрябина). Зоологические работы заключались в изучении русской выхухолы: распространения вида по территории заповедника, динамика численности (Н.Ф. Марченко); изучение особенностей биологии выхухолы в неволе (Н.Н. Кузнецова, С.Н. Чичикина, Н.А. Карпов); изучение биологии пятнистого оленя (П.Ф. Казневский); морфология пятнистого оленя и волка (А.Д. Печенюк). Были развернуты орнитологические исследования (А.А. Золотарев). В 1980-х годах проводились комплексные исследования условий обитания русской выхухолы, в том числе гидрохимических особенностей водоемов. В 1980-1990-х годах заповедник и его окрестности были обследованы ландшафтоведом Г.Н. Егоровой и ботаником Е.С. Нескрябиной, составлена ландшафтная карта заповедника, что позволило изучить основные направления трансформации растительности поймы Хопра (Е.С. Нескрябина). Составлен список высших грибов Хопёрского

заповедника (А.Н. Ртищева, Н.А. Радькова (Родионова), изучаются изменения видового состава культивируемых растений — потенциальных интродуцентов в природу заповедника, проводятся исследования травяного покрова черноольшаников заповедника (Н.А. Родионова). Большое внимание исследователей стали привлекать редкие растения, было налажено ежегодное слежение за состоянием некоторых из них. В последние 10 лет, несмотря на то, что все исследования слились в единую тему «Динамика явлений и процессов в природном комплексе Хопёрского государственного заповедника, или Летопись природы», ни одно из важных направлений не утрачено, напротив, почти ежегодно прибавляются те или иные новые изучаемые вопросы. Каждый год заповедника начинается с зимних учетов пушных и копытных животных. Весна — самое горячее время для фенологических (сезонных) наблюдений, с апреля по октябрь проводятся ботанические работы, в мае — учет мышевидных и мелких насекомоядных животных, в октябре-ноябре — учеты русской выхухоли и бобра. Так в естественном круге развития природы идет сбор материала для очередного тома Летописи природы Хопёрского заповедника, объемом более 200 страниц с многочисленными таблицами, графиками, картами, фотографиями. Все, что было сделано сотрудниками заповедника за год, находит отражение в Летописи природы.

Хопёрский заповедник привлекает внимание многих исследователей. Сюда приезжали собирать материал специалисты академических институтов: Ботанического, Зоологического, института Лесоведения. Более 50 лет изучает динамику численности рыжего соснового пилильщика, его врагов и паразитов сотрудник Института проблем экологии и эволюции Т. М. Гурьянова. Приезжают для сбора материала и знакомства с природой заповедника и иностранные специалисты из Англии, Голландии, Германии, США, Новой Зеландии, Австралии, ЮАР, Сербии и других стран. Никто еще не был разочарован природой Хопёрского заповедника.

Велико образовательное значение заповедника. Ежегодно сюда для прохождения учебной практики приезжает до 330 студен-

тов Воронежского и Саратовского университетов, Борисоглебского пединститута, Воронежской медицинской академии.

Студенты и аспиранты Воронежского университета, Воронежского и Тамбовского педагогических университетов, Воронежской лесотехнической академии собирают здесь материал для дипломных работ и диссертаций. В заповеднике каждый год во время школьных каникул проходят школьные экологические лагеря, в которых участвуют 150-230 школьников. Они приез-

Озеро Выкрутни

жают из Москвы, Петербурга, Воронежа, Новохопёрска, Борисоглебска. Научные сотрудники читают школьникам лекции, проводят экскурсии по экологическим тропам, руководят школьными исследовательскими работами, которые на областных, всероссийских и международных школьных олимпиадах занимают призовые места. Именно здесь школьники осознают понятие Родины, красоты и хрупкости ее природы. Именно здесь городские дети прикасаются к истокам Земли и Воды, к одухотворенности Природы. Помните фразу из уст тургеневского героя: «Природа не храм, а мастерская...». Вот здесь, в Хопёрском за-

поведнике, школьники начинают понимать, что природа все-таки Храм, который нужно беречь, который требует осознания и принятия его законов, и горе тому «мастеру», который их нарушит.

* * *

Итак, наш первый отрезок путешествия завершен. Мы познакомились с историей создания заповедника и с теми целями, ради которых он был образован. А теперь с тропы исторической свернем на тропу дня реального, чтобы пройти по заповедным стежкам, по темным лесным болотам, по цветущим лугам и степным участкам. А еще нам предстоит проплыть по извилистому руслу Хопра и его притоков и заглянуть в воду озер, пробраться по заваленным валенником днищам темных оврагов, напиться из родников и повстречаться с лесными обитателями. Без этой части путешествия нельзя увидеть красоту природы заповедника, понять его природоохранную и духовно-культурную ценность.

Хопёрский заповедник занимает часть долины среднего течения Хопра. Пойма — низкая часть долины, заливаемая весенним половодьем. Она составляет около 84 % его территории, склоны и узкие полосы первой и второй надпойменных террас — 6 %, склоны и выровненные участки высокого правобережья Хопра — 10 %. Пойма развита то по обеим сторонам реки, то по одной из них. Русло прижимается то к высокому, глинистому правобережному склону долины, то к более низкому, песчаному склону левобережной террасы.

Река Хопёр — одна из красивейших и чистейших рек Европейской части России. Течение ее не зарегулировано плотинами, река сохраняет естественное чередование низких и высоких половодий, определяющих всю жизнь поймы. Русло реки, средняя ширина которого в заповеднике около 90 метров, образует многочисленные излучины. За счет роста излучин длина русла с 50 километров в 1940 году к 2003 году увеличилась почти на три километра, несмотря на отделение трех излучин, превратившихся в озера-старицы. Реже старицы образуются из отделившихся затонов реки. Русло Хопра — место обитания выхухоли, бобра, выд-

ры, норки, рыб, в том числе редких: стерляди, вырезуба, русской быстрянки, переднеазиатской и сибирской щиповок.

Самая северная часть заповедника имеет ширину немногим более одного километра. Русло Хопра величественно прижимается к высокому правому берегу долины, заросшему дубравой, а по левобережью над узкой лесной поймой поднимается песчаная терраса с сосновым лесом. На месте этого леса в XIX — начале XX века стояло село Никандровка, упомянутое как имение В.Д. Аршеневского в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»: «... замечательное по всем отраслям хозяйства... по конному заводу арденских лошадей, обширной пасеке, лесоразведению сосны на 300 десятинах, ... водяной турбинной мельнице с сукновальной и пр.». Местность вокруг будущего заповедника в начале XX века была более населена, чем во время его организации. В конце XIX века по границе будущего заповедника имелось 64 населенных пункта, включая кордоны. Население насчитывало более 21 тысячи жителей. К 1905 году оно увеличилось до 24 тысяч человек. В 1932 году было 23 224 жителя. Использование населением природных ресурсов не привело к непоправимому нарушению мест обитания русской выхухоли и к ее исчезновению.

Северная часть заповедника, пожалуй, самая озерная: здесь сосредоточены крупные и глубокие, до 7 метров озера: Осиновское, Большая Глушица, Русская Речка, узкие и темные Дарданеллы и Черная Речка, много «баклуж» — малых водоемов. Во время засух они почти не пересыхают — по протокам во время даже низких половодий в них заходит вода из Хопра, а из-под подножия террасы поступают родниковые воды.

Южнее поймы реки становится двусторонней. По северной границе левобережной части течет к Хопру лесная речка Калмычок, образуя собственную пойму — узкую, заболоченную, заросшую топкими черноольховыми лесами. Калмычок впадает в Юрмище — самое большое озеро заповедника, длиной более 4 километров и шириной более 100 метров. Из Юрмища узкой протокой (может быть рукотворной?) Калмычок течет до озера Стержневого и

далее уже в Хопёр. Но если бобры перегораживают плотиной речку, вода устремляется в расположенные южнее ольховые топи.

Левобережная часть поймы широкой отмершей излучиной врезается в террасу. Здесь расположен крупный массив заболоченных черноольховых лесов. Черноольшаники Хопёрского заповедника самые старые и хорошо сохранившиеся в Европейской части России. Недаром именно здесь лесоведами выделен генетический резерват черной ольхи площадью 1118 гектаров. В

ют ее расположенным рядом водоемам. Рядом с ольшаниками лежит второе в заповеднике по величине круглое мелководное озеро Тальниково. На нем каждый год гнездятся утки и лебеди, на старых ветлах и ольхах по берегам строят гнезда орланы-белохвосты и белые цапли.

Между черноольшаником и руслом Хопра располагаются большие участки старовозрастных пойменных дубрав, перемежающихся осинниками, пойменными травяными болотами и старицами. Здесь выделено 18 плюсовых деревьев дуба черешчатого с

Ветлы. Первый снег

притеррасной части черноольшаники зарастают папоротником страусником обыкновенным, в сырых участках — очень жгучей крапивой киевской, зимующей стелющимися зелеными побегами. В самых мокрых местах над черной, торфянистой топью растстается сеть толстых корневищ белокрыльника болотного и вахты трехлисточковой. В непроходимых ольховых болотах прячутся на дневной отдых кабаны, косули и лоси, на сухих гривах гнездятся журавли и делают свои логова волки. Торфяные грунты ольшаников, словно губка, накапливают в сырые годы воду, а в засушливые — отда-

исключительно стройными стволами высотой до 36 метров и диаметром до 70 сантиметров. Крона у плюсовых деревьев начинается на высоте 14-24 метра, а в поперечнике достигает 5-13 метров. На 9-17 метров возвышаются эти красавцы-дубы над окружающим лесом!

Там, где северная часть левобережной поймы сужается, соединяясь с центральной частью заповедника, русло Хопра наиболее активно. Сильные потоки воды, размывая крутые берега и откладывая песок на пологие, постепенно образуют новую излучину. Со временем в шейке излучины появляется

рытина, весной по ней усиливается поток воды, размывается новое русло, а концы излучины перекрываются наносами песка. Излучина превращается в старицу. Так, в 40-х годах прошлого века здесь отделилась старица Кутиха, в 80-х — примыкающая к ней Новая Старица. Сейчас происходит формирование новой излучины и начинается размыв нового русла.

При своем движении по пойме Хопёр не только «рождает» новые старицы, но и уничтожает озера, лежащие рядом с руслом. Выше по течению от Новой Старицы расположено озеро Коловерть. Русло подошло к озеру вплотную, размывает его берега, откладывает песок по его прибрежьям и мелководьям. Возможно, пройдет несколько десятков лет и на месте заросшего сейчас кувшинками озера будет русло реки с песчаным пляжем на правом берегу.

Пляжи Хопра — это новая, молодая пойма, зарастающая первичными лугами и лесами. Поверхность поймы реки формируется руслом, его движением по местности, высотой весеннего половодья, песком и илом, переносимыми водами реки. Вблизи русла половодье откладывает тяжелые песчаные наносы, образуя пляжи и береговые валы, а вдалеке от русла из паводковых вод оседают мелкие илистые частицы, со временем повышая уровень поймы. На более высоких и сухих участках молодой поймы деревья не могут расти, там образуются первичные луга из корневищных злаков. На более низком уровне пляжей, на обсыхающем в начале лета песке появляются всходы трав, кустарниковых ив, ветлы и тополей. Очень быстро, в течение двух десятков лет пляж зарастает первичным лесом из ивы белой (ветлы), черного и белого тополя. Такие естественные, первичные леса стали редкостью в Европе, где реки зарегулированы, зачастую текут в искусственных руслах, где отсутствуют естественные излучины и пляжи. В этом — еще одна ценность Хопёрского заповедника. Под пологом первичных лесов появляются из семян, занесенных ветром, всходы ясеня и вяза, на третьей десятке «жизни» пляжа ясень и вяз дополняют древесный полог. Высокая скорость природных процессов в пойме позволяет наблюдать их одному поколению ученых,

сравнивая состояние начальных и последующих стадий зарастания, отслеживая ежегодные изменения растительности. На постоянных площадках зарастающего пляжа Новой Старицы каждый год проводится учет видового состава и обилия растений. Но до зрелости поймы, до формирования пойменных дубрав пройдет не одна сотня лет: на бывшем песчаном пляже реки должен сформироваться слой черной и зернистой пойменной почвы, ветляники и ясенники должны смениться другими типами леса, а затем и дубравами.

Правобережная пойма северной части

Страусник обыкновенный

заповедника довольно сухая, зарастает дубравами, осинниками, ясенниками. Озер в этом участке немного, расположены они в основном около русла реки. Здесь пойма пересечена глубокими размывами и длинными, сохраняющими форму излучин, травяными болотами. Южнее правобережная хопёрская пойма сливается с поймой притока Хопра — реки Карачан. Некоторые узкие, мелководные озера в пойме Карачана — отделившиеся излучины этой речки. Карачан быстро бежит по песчаному дну среди пойменных дубрав и ивовых лесов, впадая в Хопёр под крутым и высоким склоном долины. На границе заповедника, на высоком правобережье над поймой Карачана стоит в яблоневых садах старинное русское село Васильевка, ранее известное сво-

ими мастерами по изготовлению деревянной резной и гнутой из орешника мебели, резных оконных наличников.

Ниже устья Карачана русло Хопра прижимается к высокому правому берегу долины, зарастающему дубовыми, ясеновыми и кленовыми «нагорными» лесами, особенно красивыми осенью. Изредка мелькнет на склоне среди лесов полянка. В Хопёрском заповеднике почти нет степных участков, но на лесных полянах сохраняются редкие степные растения: ковыли, тюльпан Шренка с желтыми цветками, ирис безлистный, миндаль низкий; на опушках — тюльпан Биберштейна, рябчик русский, горицвет весенний.

В центральной части Хопёрского заповедника пойма почти полностью левобережная. Зарастает она столетними пойменными дубравами, на опушках можно видеть развесистые дубы 145-летнего возраста. Над дубравами поднимаются до 45-метровой высоты куртины белых тополей, стволы самых мощных 135-летних деревьев достигают в диаметре 140 сантиметров. По словам известного селекционера леса А.П. Царева, эти уникальные по возрасту и размерам хопёрские белые тополя вызвали неподдельный интерес участников Международной конференции канадской тополевой ассоциации и Международной тополевой комиссии. В Хопёрском заповеднике выбрано девять плюсовых деревьев тополя белого.

Семенные всходы белых и черных тополей появляются на песчаных пляжах около русла реки, в участках леса с нарушенным почвенным покровом, где складываются благоприятные условия для прорастания мелких и быстро теряющих всхожесть семян тополей. В гуще леса тополя размножаются корневыми отпрысками: вокруг взрослых деревьев при хорошем сочетании освещения и влажности вырастает куртина подроста с лесным патриархом в центре. Красивы летом белые тополя, с блестящей сверху и белой снизу, сверкающей при ветре листвой, но особенно хороши они осенью. Недаром Л.Л. Семаго писал о белых тополях Хопёрского заповедника: «... куртины белого тополя красуются в дни бабьего лета ярко-желтым нарядом. В солнечный полдень глаз просто не вмещает столько

света и цвета, льющихся с крон деревьев-великанов, равных которым не сыскать ни на Хопре за пределами заповедника, ни на других притоках Дона». Бывает, что листва верхушек тополей окрашивается в пурпурные и оранжевые тона, а чем ниже ветви и чем моложе дерево, тем светлее листва — от яркого до бледно-желтого цвета. Осенняя куртина тополей словно гигантский, яркий букет выделяется на фоне еще зеленых дубрав.

В лесах довольно обычны пятна осинников. В старой литературе есть указания, что осина доживает до 250 лет, но часто у осин уже среднего возраста сердцевина ствола сгнивает, разрушается, и сильные ветры ломают дерево, как спичку или выворачивают ствол с корнями. Старовозрастные осинники завалены валежником, переплетенным колючими побегами ежевики. Но именно в таких ветровальных местах, в освещенных «окнах» складываются благоприятные условия для роста молодых дубов. В дубравах же, под пологом старых деревьев, иногда прорастает множество желудей, но проростки дуба погибают в тени отеческой кроны.

Левобережная пойма центральной части богата пойменными лугами. В отличие от прирусловых, луга центральной поймы искусственного происхождения. Редины и кустарниковые заросли были расчищены и выкошены, травяной покров поддерживался постоянным сенокосением. Эти луга богаты разнообразием трав. Из редких видов растений на лугах наиболее заметны после схода половодья буро-фиолетовые «колокольчики» рябчика шахматовидного, а ближе к концу лета — ярко-синие цветки горечавки легкой. Прекращение сенокосения на этих лугах ведет к зарастанию их лесом и обеднению видового состава трав. Всходят по освещенным солнцем границам луга молодые дубки, распространяется корневая поросль тополя и осины. В сырых понижениях разрастаются осоки и образуются осоковые болота.

Здесь же сосредоточено большое число разнообразных пойменных водоемов. Одни из них сохранили форму излучин русла, другие — узкие и вытянутые — похожи на длинные рукава реки, третьи, размытые водами высоких половодий, стали овальными

Озеро Кутиха

ми или округлыми, глубиной до 5-8 метров. В отмерших, заболоченных руслах, в глубоких рытвинах на пойме, среди лугов и лесов много продолговатых и круглых малых водоемов, называемых местным населением «баклужами». Большие и малые водоемы — основные места обитания русской выхухоль, изучение которой было начато с первых лет существования заповедника. Русская выхухоль роет норы в высоких берегах озер, вход в нору должен обязательно находиться под водой. Если берег озера низкий — выхухоль располагает норы в местах, укрепленных корнями прибрежно-водных и береговых растений. Гнездовая нора кончается одной или несколькими гнездовыми камерами. Делает выхухоль и запасные норы, которые служат для поедания добычи. Питается выхухоль пиявками, моллюсками, личинками насекомых: ручейников, стрекоз, жуков; поедает корневища, клубни и нижние части побегов высших водных растений. Численность выхухоли в Хопёрском заповеднике сейчас составляет всего несколько десятков особей. Много высказано предположений о причинах падения численности, последнее — распространение по озерам Европейской части России,

в том числе Хопёрского заповедника, дальневосточного бычка ротана-головешки, который питается теми же животными, что и выхухоль. Вполне вероятно, что кормовая база выхухоли значительно подорвана.

Южнее поселка Варварино в левобережную надпойменную террасу врзается узкая, заболоченная бывшая излучина — урочище Отрог, питаемое родниками из-под террасы и заросшее топким черноольшаником. Ольшаники Отрога, так же как и ольшаники Бережины, поддерживают во время засухи уровень воды в близлежащих водоемах. В Отроге нижний, довольно сухой край террасы, зарастает под пологом ольхи папоротником страусником обыкновенным, далее от склона террасы становится влажнее, ольхи образуют высокие кочки, на них разрастается более влаголюбивый папоротник кочедыжник женский, а в глубине ольшаника вдоль проток видны светло-зеленые заросли папоротника теллиптериса болотного. Ольшаники переплетены хмелем, на кочках растут осоки и высокий лабазник вязолистный с крупными и душистыми белыми соцветиями.

Левобережная пойма прерывается широкой дугой Желтого Яра — песчаного

склона террасы, размываемого Хопром. Изгиб русла на месте современной излучины Желтого Яра был показан уже на карте XVII столетия, а сейчас русло все более врезается в террасу, откладывая на противоположном берегу пески молодой поймы.

В южной части Хопёрского заповедника высокие склоны правобережья долины прорезаны глубокими оврагами с текущими по ним родниковыми ручьями. Влажность и затененность днища оврага позволяют поселиться здесь растениям сырых мест: разным видам папоротников и хвощей. Ручьи впадают в присклоновые озера, сохраняя в них достаточный уровень воды даже в сухие годы. А в прирусловых озерах уровень воды снижается до полного их высыхания — русло реки действует как дренажная канава: по мере понижения уровня воды в русле, спускается уровень соединенных с ним водоемов.

Здесь пойма вновь становится двусторонней, но заметно отличается от расположенной севернее — в ней развита пойменная многорукавность. Бурные потоки весенних вод размыли по пойме длинные, извилистые ложбины — пойменные рукава Хопра, развивающие свои собственные излучины и отделившиеся старицы.

На правобережье верховье пойменного рукава разделилось на ряд вытянутых и кольцеобразных стариц, а низовье, по своей ширине почти равное руслу реки, соединено с руслом узкой протокой. На левобережье пойменный рукав Старый Хопёр представлен узкой, извилистой ложбиной, врезанной на 4–5 метров в поверхность поймы, по которой в половодье проходит сильный поток воды. В межень ложбина разделяется на отдельные водоемы — мелководные в прямых ее участках и глубоководные в верхушках излучин. Часть излучин уже отделилась, образовались кольцеобразные, узкие старицы и болота. Всего в ложбине старого Хопра лежит около 30 малых водоемов, различающихся по форме, степени обсыхания в засушливые годы и по составу высшей водной растительности. По архивным данным, Старый Хопёр и в многоводном 1944 году так же распадался на отдельные водоемы. В левобережье лежат у террасы крупные, глубиной до 9 метров, озера Чиганак и Жирное. В Чиганаке рас-

тет редкое водное растение — водяной орех, с розетками ярких осенью листьев и плодами с острыми, как у якоря, зубцами. Песчаная терраса занята сосновыми посадками, но местами на склонах остались участки чистых, подвижных и не зарастающих песков.

К сожалению, в южной части Хопёрского заповедника остро проявилась проблема интродуцентов — чужеродных видов, вторгающихся в нашу природу и угнетающих естественные растения. В пойменных лесах распространился выращиваемый около домов северо-американский декоративный виноград девичий, который нашел для себя благоприятные условия в теплой и влажной хопёрской пойме, местами полностью сменив в дубравах травяной покров, высоко взбираясь по стволам деревьев, заплетая кустарники. Виноград — не единственный интродуцент в заповеднике. По берегам озер, в пойменных болотах нашу обычную череду трехраздельную давно сменила американская череда олиственная, образующая густые и высокие заросли, в которых не могут расти другие растения. В лесах все более распространяется американский же клен ясенелистный; прибрежные кустарники вдоль русла реки и прирусловых водоемов в последние три десятилетия заплетает травянистая лиана с кистями душистых цветков и ключичми плодами — эхиноцистис лопастный. В некоторых водоемах разрастается водный сорняк элодея канадская, за скорость роста и угнетающее действие на другие погруженные растения названное водяной чумой. Все эти виды уже невозможно убрать из заповедных и незаповедных экосистем. Можно надеяться лишь на природные факторы — например, элодея, не образующая у нас семян, погибает в засушливые годы и промерзании толщи воды в холодное время года.

На самой южной границе заповедника расположен живописный обрыв к реке — Крутой Яр, в котором, словно книга геологической истории местности, открываются песчаные и глинистые слои ледниковых отложений. Именно сюда приезжали палеонтологи и палеоботаники из Ботанического, Палеонтологического институтов РАН, из Кембриджа и Ковентри для сбора материала. Мало где в Европе представле-

ны в таком четком порядке подобные отложения, особенно слои раннего плейстоцена.

Каких же природных ландшафтов не хватает Хопёрскому заповеднику? В заповеднике отсутствуют настоящие степи, но в Новохопёрском районе, в урочище Журавка на реке Татарке есть участки ковыльно-разнотравных красочных степей с хорошо сохранившимся травяным покровом, с многочисленными популяциями ирисов карликового и солелюбивого; тюльпанов Шренка и Биберштейна, редких астрагалов. К заповеднику прилегают степные балки с горлицетами весенним и волжским, с ирисом безлистным и других степных видов. В урочище Журавка живут сурки и слепыши, отсутствующие в заповеднике.

Нет в заповеднике и не могут существовать в современной пойме настоящие сфагновые болота с ярким моховым покровом, окруженные лесами из северной березы пушистой с большим числом северных видов растений, проникших в наши места в холодный, субарктический период голоцена (последнедниковья). Около 30 видов растений этих болот отсутствует на территории заповедника. Присоединение к Хопёрскому

заповеднику таких природных комплексов, даже в виде изолированных от основной территории участков, заметно обогатило бы его ландшафтную структуру, его растительный и животный мир.

* * *

Свое путешествие мы завершаем посещением поселка Варварино. Здесь располагается администрация заповедника, отдел охраны, научный отдел, метеостанция и музей. Музей считается одним из лучших по богатству представленного материала. Его создателем был П.М. Красовский, позже основные биогруппы музея и фоновые рисунки для них сделаны были В.П. Коньковым. Уже в 1937-1940 годы музей природы посещало в среднем 400 человек в год. В настоящее время в музее ежегодно бывает до 4 тысяч экскурсантов.

Казалось бы, что может привлекать в маленьком музее из двух комнат, заставленных чучелами животных, не только школьников сельских и районных школ, но и искусственных москвичей и петербуржцев, жителей Крыма и Мурманска, иностранных гостей заповедника? Тем не менее, хоро-

Серебрянка городская

шо скомпонованная экспозиция, чучела, достоверно передающие естественные позы животных, квалифицированные и эмоциональные рассказы работников музея, неизменно вызывают благодарный отклик посетителей.

С 1937 года в заповеднике работает метеостанция. Погодные условия надпойменной террасы Хопра более континентальные, чем погодные условия высокого правобережья. Летом температура воздуха поднимается до +42, 8°C (июль 1971 г.), зимой опускается до — 42, 7°C (февраль 1967 г.). Сумма осадков в среднем за 70 лет составила 557 мм, наивысшая — 821 мм отмечена в 1941 году, наименьшая — 337 мм в 1946 году. Суммарная величина снежного покрова в зиму 1966-1967 годов составила 278 см, а зимой 1968-1969 гг. при морозах до —32°C снежный покров отсутствовал. О силе ветров в долине Хопра можно судить по сломенным, словно стебли травы, крупным дубам в лесах. Один из ураганов выдернул из земли старый дуб диаметром ствола 60 сантиметров и перенес его на пять с половиной метров от места произрастания.

Знакомство с историей создания заповедника, путешествие с севера на юг по Хопру, по неопишуемой по красоте и богатству растительного мира пойме, а также несколько минут, проведенные в музейной тишине, конечно, обогатили нас, приоткрыли в сердце уголок для добра и света. Но чтобы по-настоящему понять, слиться душой с Хопёрским заповедником, одного-двух путешествий мало. Некоторым и жизни на это не хватает. Сколько ни броди по лесным заповедным тропам, сколько ни любуйся красотой этих ярких, красочных в любое время года мест, он, заповедник, всегда тот же и всегда разный, никогда не надоедает и не тяготит. Можно сотни, тысячи раз повторять юному и взрослому поколению, какое важнейшее природоохранное, научное, образовательное, эстетическое и, наконец, государственное значение имеет Хопёрский заповедник. Вряд ли это убедит сильнее, чем даже один час, проведенный в этом уникальном уголке природы России.

Фото автора

Учредитель: Управление культуры Воронежской области.

Рег. № 331 Министерства печати и информации Российской Федерации.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в Издательско-полиграфический центр ВГУ.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит тех авторов, которые работают на компьютере, присылать дискеты со своими произведениями с обязательной распечаткой текста. Дискеты без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый. Формат передаваемой информации на дискете: Microsoft Word 2000 / Microsoft Windows XP.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 53-14-50, ответственный секретарь, отдел поэзии — 53-11-28, отдел прозы — 53-14-09, производственный отдел — 53-11-34, бухгалтерия — 53-13-77.
Факс: 53-11-34.

Электронная почта: podiem1@box.vsi.ru, podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.pereplet.ru/podiem/>

Сдано в набор 14.09.10. Подписано в печать 28.09.10. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5.
Перспективный тираж 3000 экз. Заказ 1210.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета:
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3.